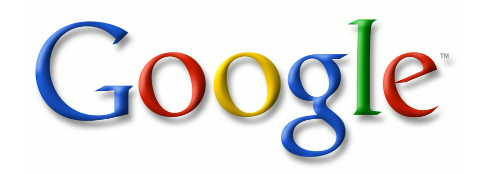

Ист. Григорьевъ, В.
Жизнь и труды
П. С. Савельева.

СПб. 1861.

VE
RI
TAS

ЖИЗНЬ И ТРУДЫ

П. С. САВЕЛЬЕВА.

ЖИЗНЬ И ТРУДЫ

П. С. САВЕЛЬЕВА

ПРЕИМУЩЕСТВЕННО ПО ВОСПОМИНАНІЯМЪ И ПЕРЕПИСКѢ СЪ НИМЪ.

В. В. ГРИГОРЬЕВА.

Съ приложеніемъ портрета П. С. Савельева и снимка съ его почерка.

ИЗДАНІЕ ИМПЕРАТОРСКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

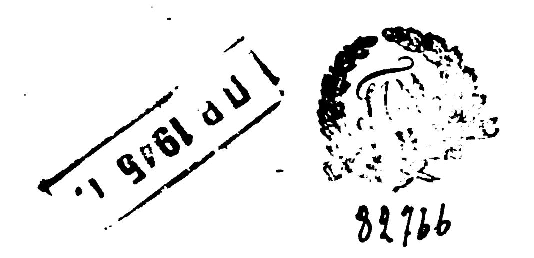
САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Въ типографіи Императорской Академіи Наукъ.
1861.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи доставлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

С. Петербургъ. Мая 20 дня 1861 года.

Цензоръ *В. Бекетовъ.*

Императорское Археологическое Общество, вскорѣ послѣ кончины члена-основателя Павла Степановича Савельева, въ маѣ 1859 г., обратилось къ его другу и товарищу по университету Василію Васильевичу Григорьеву, члену-корреспонденту своему, съ просьбою составить жизнеописаніе Павла Степановича, оказавшаго столь много услугъ Обществу. Въ слѣдствіе этого вызова В. В. Григорьевъ, написалъ и прислалъ въ Общество сочиненіе подъ заглавіемъ: Жизнь и Труды П. С. Савельева, изъявивъ при этомъ желаніе, чтобы оно было издано отдѣльною книгою, и чтобы дѣйствительные члены Общества И. И. Срезневскій и В. В. Вельяминовъ-Зерновъ взяли на себя трудъ его изданія въ свѣтъ.

Въ соединенномъ собраніи Отдѣленій Русскаго и Восточнаго, 31 октября 1860 г., Общество, принявъ съ признательностію сочиненіе В. В. Григорьева опредѣлило исполнить его желаніе.

Въ собраніи Отдѣленія Русской и Славянской Археологіи Императорскаго Археологическаго Общества, происходившемъ 29 мая 1859 года въ память П. С. Савельева, положено было обратиться ко мнѣ съ предложеніемъ составить подробную, по возможности, біографію покойнаго, такъ какъ я съ самыхъ молодыхъ лѣтъ былъ съ нимъ въ тѣсныхъ дружескихъ отношеніяхъ, и занимаюсь тою же отраслью науки, по которой трудился и онъ. Этого вызова Общества, благородной дѣятельности котораго я вполнѣ сочувствую, было бы совершенно достаточно, чтобы побудить меня заняться составленіемъ біографіи покойнаго П. С., если бы даже обязанность подобнаго труда не лежала уже на мнѣ въ слѣдствіе товарищества съ нимъ по университету, общности занятій въ теченіи двадцати пяти лѣтъ и всего болѣе той горячей, исключительной пріязни, которую питалъ онъ ко мнѣ постоянно, и которая составляла въ послѣднее время, все мое утѣшеніе. И я принялся за изложеніе воспоминаній моихъ о П. С. и за

извлеченія изъ писемъ его, у меня хранящихся, лишь только очнулся нѣсколько отъ первой горести объ утратѣ его; но это занятіе, при которомъ образъ милаго мнѣ человѣка долженъ былъ возникать постоянно въ моемъ воображеніи, сжимая сердце горемъ, разстроило нервы мои до того, что я заболѣлъ, и не могъ докончить прошлою осенью начатаго труда. Кромѣ того я увидѣлъ, что почитатели памяти покойнаго, для которыхъ этотъ трудъ и назначается, не могли довольствоваться одними тѣми фактами изъ его жизни, которые представляютъ память моя и письма его ко мнѣ; а у меня не было подъ рукою даже формуляра о службѣ П. С., и никакой библіотеки, гдѣ бы я могъ навести справки о его 30-лѣтнемъ участіи въ отечественныхъ журналахъ. Чтобы собрать о жизни и ученой дѣятельности покойнаго все доступное для меня, я воспользовался первою возможностію съѣздить въ Петербургъ, и въ теченіе полуторамѣсячнаго пребыванія тамъ нынѣшнею весною навелъ, сколько могъ, нужныя мнѣ справки; но по возвращеніи въ Оренбургъ, не могъ, по разнымъ обстоятельвстамъ, приняться снова за дѣло ранѣе августа мѣсяца. Это—въ объясненіе замедлившагося появленія настоящаго, сладкаго и скорбнаго мнѣ, труда. Что касается до содержанія его, то и самая поѣздка въ Петербургъ съ изложенною цѣлію не дала мнѣ возможности представить Обществу такого біографическаго очерка, какимъ бы по всей справедливости слѣдовало почтить память Савельева,

какъ замѣчательнаго труженика для науки, и какъ рѣдкій образецъ прямаго и честнаго характера: многія и, можетъ быть, интереснѣйшія и важнѣйшія обстоятельства его жизни остаются неизвѣстными ни мнѣ, ни другимъ, пользовавшимся его пріязнію, по несообщительности покойнаго относительно всего лично до него касавшагося. Уважая въ немъ эту черту, я часто, при самыхъ откровенныхъ съ нимъ бесѣдахъ, долженъ былъ воздерживаться отъ вопросовъ объ его семейныхъ или сердечныхъ дѣлахъ. Съ другой стороны, объ отношеніяхъ человѣка, сошедшаго въ могилу, къ людямъ еще живущимъ, а тѣмъ болѣе о взглядѣ его на событія и образѣ мыслей вообще, нельзя говорить съ полною откровенностію пока люди эти и событія не перейдутъ, первые въ достояніе земли, послѣднія — въ достояніе исторіи. Потому, многое изъ писемъ Савельева ко мнѣ, что̀ бы рисовало его рельефно какъ человѣка и гражданина, долженъ я былъ исключить для печати. Иные найдутъ напротивъ, что я еще мало исключилъ, что сообщаю подробности нисколько не интересныя для публики. Но не для «публики» я и писалъ: я имѣлъ въ виду исключительно, немалый впрочемъ, кругъ читателей изъ людей, болѣе или менѣе знавшихъ, уважавшихъ и любившихъ покойнаго; а эти не посѣтуютъ на меня, я увѣренъ, ни за длинныя выписки изъ его писемъ, ни за какія либо объ немъ подробности, — особенно, если живутъ уже

di memoria assai piu che di speranza.

Во всякомъ случаѣ, трудъ мой не есть біографія, а матеріалъ для біографіи, и да приметъ отъ меня тѣнь покойнаго, который самъ съ такою любовью заботился о сохраненіи памяти ученыхъ тружениковъ, трудъ этотъ въ замѣнъ горсти праху, которой не могъ я, по древнему обычаю, кинуть вмѣстѣ съ другими его любившими, на бренные остатки отшедшаго въ вѣчность друга.

Оренбургъ.
Въ сентябрѣ 1860 года.

I.

Павелъ Степановичъ Савельевъ, вмѣстѣ съ братомъ своимъ, тоже покойнымъ уже, Александромъ Степановичемъ, представляютъ едва ли не единственный доселѣ въ Россіи примѣръ ученыхъ по званію и по призванію, вышедшихъ изъ достаточнаго купеческаго семейства. Правда, было и есть у насъ нѣсколько замѣчательныхъ дѣятелей на поприщѣ науки изъ купеческаго и, еще болѣе, изъ мѣщанскаго сословія; но все это—сыновья торговцевъ, или бѣдныхъ, или малосостоятельныхъ, съ малолѣтства знавшіе что такое трудъ и нужда, не подвергавшіеся соблазнамъ упроченнаго и вмѣстѣ празднаго существованія. Необыкновенность случая съ П. и А. Савельевыми объясняется впрочемъ характеромъ ихъ отца и обстановкою домашняго его быта, не совсѣмъ схожею съ тѣмъ, что встрѣчается обыкновенно въ Русскихъ купеческихъ семьяхъ. Дѣдъ Савельевыхъ, Сергѣй Ивановичъ,

происхожденіемъ Рязанецъ, изъ извѣстнаго села Дѣднова, принадлежавшаго знаменитому Измайлову, могъ считаться однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ Петербургскихъ торговцевъ своего времени; наживъ хорошее состояніе не смотря на отсутствіе образованія, онъ понималъ однако же его пользу, и старшаго сына своего, Степана, отдалъ воспитываться въ С. Петербургское коммерческое училище. Воспитаніе здѣсь полученное не развило въ С. С. Савельевѣ расположенія къ коммерціи, котораго не имѣлъ онъ отъ природы, но, въ замѣнъ,— благодаря направленію, которое давалось директоромъ заведенія, В. С. Подшиваловымъ,— снабдило его знаніемъ языковъ и пристрастило къ чтенію. Удовлетворяя этому влеченію, недѣятельный по характеру, и наслѣдовавъ послѣ отца значительное имущество, С. С. почти вовсе оставилъ торговлю, и все время проводилъ за книгами, журналами и газетами, а когда стали подростать у него сыновья, самъ принялся учить ихъ Русской грамотѣ, ариѳметикѣ и языкамъ Французскому и Нѣмецкому. Сыновья, имѣя передъ глазами постоянно читающаго отца, съ дѣтства видя около себя книги и книги, также полюбили ихъ въ свою очередь, и привыкли считать чтеніе не работой и не развлеченіемъ, а необходимою потребностію: результатомъ и явилось, что въ послѣдствіи наука сдѣлалась для обоихъ братьевъ насущною пищею.

Старшій изъ дѣтей своего отца, Павелъ Степановичь родился въ С.-Петербургѣ, 23 іюня 1814 года, и, какъ сказано, первоначально обучался дома. Въ дѣтствѣ обнаруживались въ немъ расположенія совершенно противоположныя тѣмъ, какія развились позже. Въ моло-

дости и зрѣломъ возрастѣ онъ весьма не жаловалъ военнаго ремесла, любимыя же ребяческія его игры были воинственны. Съ товарищемъ дѣтства своего, А. А. Красильниковымъ, онъ то и дѣло, что дрался на деревянныхъ сабляхъ собственнаго издѣлія, да стрѣлялъ изъ маленькой мѣдной пушки въ ряды ими же самими вырѣзанныхъ и раскрашенныхъ бумажныхъ солдатиковъ. Запретные снаряды для этого, порохъ и дробь, добывалъ, не извѣстно какимъ образомъ, всегда Савельевъ. Такимъ же образомъ, возмужавъ, П. С. не чувствовалъ большаго влеченія къ стихотворнымъ произведеніямъ, тогда какъ въ отроческіе годы стихи, особенно патріотическіе, были его страстью: въ этомъ возрастѣ нерѣдко цѣлые часы онъ и Красильниковъ проводили въ томъ, что читали другъ другу на распѣвъ оды Державина, «Пѣвца во станѣ Русскихъ воиновъ» Жуковскаго, «Думы» Рылѣева, и т. п.—Когда минуло мальчику около десяти лѣтъ, отецъ отдалъ его, для дальнѣйшаго образованія, въ пансіонъ иностранца Рэмона, поступившій потомъ въ завѣдываніе другаго Француза, Ревэля. Это заведеніе считалось въ свое время однимъ изъ лучшихъ въ Петербургѣ, и пользовалось заслуженно своею извѣстностію. П. С. пробылъ здѣсь пять лѣтъ (съ марта 1824 по іюль 1829), отличаясь способностями и любовью къ ученью, но еще болѣе — неукротимою шаловливостію. Сорванца хуже его, который бы болѣе приводилъ въ отчаяніе содержателя и гувернеровъ, не было въ заведеніи; дня почти не проходило безъ проказъ съ его стороны, во всѣхъ школьничествахъ оказывался онъ зачинщикомъ, и всѣ взысканія за то, выговоры, оставленіе безъ обѣда, не-

пусканье домой и т. п., не помогали нисколько. Все, чему обучали въ пансіонѣ, усвоивалъ онъ безъ труда и охотно, но особеннымъ предпочтеніемъ какъ у него, такъ и у прочихъ воспитанниковъ заведенія, пользовались уроки Русской словесности и другихъ предметовъ, которые преподавались А. П. Максимовичемъ, ради либеральнаго направленія его преподаванія, всегда и вездѣ лестнаго для самолюбія школьниковъ. Благодаря вліянію Максимовича, развилось, быть можетъ, въ Савельевѣ и его раннее расположеніе къ литературной дѣятельности: еще въ продолженіе пребыванія въ пансіонѣ выразилось оно тѣмъ, что онъ затѣялъ издавать журналъ для своихъ пріятелей. Журналъ наполнялся преимущественно, если не исключительно, переводными статьями самого издателя, который имѣлъ терпѣніе переписывать gratis для каждаго изъ своихъ подписчиковъ всѣ выходившіе нумера. Впрочемъ, подписчиковъ было всего двое — любимѣйшіе товарищи Савельева: Красильниковъ и Л. В. Краснопѣвковъ, да и журнала то далѣе третьяго нумера, кажется, не выходило.

Видя способности мальчика, отецъ П. С. рѣшилъ, что для окончательнаго образованія онъ долженъ пройти черезъ университетъ. Съ этою цѣлію взятъ онъ былъ изъ пансіона и полтора года приготовлялся къ университету дома, пользуясь, между прочимъ, уроками В. Т. Плаксина и М. Г. Волкова, которые оба полюбили умнаго ученика, и немало содѣйствовали опредѣленію его будущности, первый — усиливъ и ободривъ, сочувствіемъ своимъ и примѣромъ, зародившееся уже въ П. С. расположеніе къ литературнымъ работамъ, послѣдній, у котораго П. С. учился

Латинскому и Греческому языкамъ—тѣмъ, что самъ будучи оріенталистомъ, поддержалъ въ немъ и укрѣпилъ смутное дотолѣ желаніе заниматься восточными языками. Основаніемъ этому желанію послужила Турецкая грамматика на Русскомъ языкѣ, изданная въ 1776 году, и случайнымъ образомъ попавшая въ руки П. С., еще въ ребяческомъ его возрастѣ. Выговоръ Турецкихъ словъ переданъ былъ въ этомъ учебникѣ Русскими буквами; мальчику понравилась возможность затверживать такимъ образомъ слова языка, на которомъ онъ не могъ читать; нѣсколько времени занимался онъ этимъ весьма серьезно и, какъ разсказывалъ мнѣ А. А. Красильниковъ, даже ему предлагалъ учиться вмѣстѣ по Турецки. Изъ этого безсознательнаго желанія, съ дальнѣйшимъ развитіемъ понятій, могла выработаться серьезная мысль объ основательномъ ознакомленіи съ языками и литературами востока; а Волковъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые любятъ свое дѣло, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, по качествамъ ума и сердца, вполнѣ способны обратить ребяческое любопытство даровитаго мальчика въ плодотворную любознательность; и вотъ, выдержавъ пріемный экзаменъ въ Петербургскій университетъ, Савельевъ сталъ ходить къ Волкову и на лекціи Арабскаго языка, которыя послѣдній читалъ тамъ въ качествѣ адъюнкта профессора Сенковскаго по каѳедрѣ Арабской словесности. Каково бы ни было впрочемъ участіе Волкова въ направленіи Савельева на путь оріентализма, Савельевъ всю жизнь свою сохранялъ благодарное воспоминаніе объ этомъ наставникѣ своемъ, а по смерти его печатно отдалъ справедливость этому Русскому человѣку

теплаго сердца и благороднаго характера, которому природа дала все, чтобы выдвинуть его изъ среды посредственностей, и который однако угасъ, не произведя ничего замѣчательнаго: вмѣстѣ со множествомъ подобныхъ ему даровитыхъ Русскихъ людей, Волковъ имѣлъ общій имъ недостатокъ — слабость воли, недозволившую ему бороться энергически съ неважными служебными непріятностями, и осилить ихъ, вмѣсто того чтобы подъ гнетомъ ихъ упасть духомъ и сложить руки. Миръ праху твоему, добрый человѣкъ, который въ свое время и со мною, пишущимъ эти строки, радушно и безкорыстно дѣлился своими знаніями!

II.

Восточными языками, находясь въ университетѣ, куда вступилъ въ январѣ 1830 года, Савельевъ занимался не оффиціально; онъ не принадлежалъ къ Восточному отдѣленію филологическаго факультета, и лекціи профессоровъ этого отдѣленія слушалъ приватно, какъ любитель. Тѣмъ не менѣе, если онъ вынесъ изъ университета какой нибудь запасъ свѣдѣній и серьезное ученое направленіе, то обязанъ этимъ исключительно профессорамъ Восточнаго отдѣленія, и между ними преимущественно О. И. Сенковскому. Лекціи этого блистательнаго и глубокаго оріенталиста, читавшіяся при самой невыгодной обстановкѣ—въ маленькой, темной каморкѣ, для одного, рѣдко двухъ трехъ слушателей, оставили однако же, во всѣхъ нихъ глубокое и плодотворное впечатлѣніе. Въ послѣдствіи Савельевъ имѣлъ случай сблизиться съ Сенковскимъ какъ съ человѣкомъ, и нельзя сказать чтобы это сближеніе послужило во мнѣніи перваго въ пользу послѣдняго; но къ Сенковскому ученому, къ Сенковско-

му профессору Савельевъ, не смотря ни на какія перемѣны въ общественномъ мнѣніи, оставался неизмѣнно проникнутъ глубокимъ, почти страстнымъ уваженіемъ. — «Лекціи его», — писалъ Савельевъ въ біографіи Сенковскаго, — «не ограничивались языкомъ и литературою (Арабовъ и Турковъ), а были живою энциклопедіею науки о востокѣ: по поводу словъ онъ объяснялъ понятія и идеи; вводилъ слушателя въ мѣстный быть; знакомилъ съ исторіею и топографіею; выходилъ нерѣдко изъ предѣловъ востока, чтобы показать параллельныя явленія въ Греціи, Римѣ, или Европѣ; разбиралъ критически Европейскія сочиненія о востокѣ, и указывалъ путь къ самостоятельнымъ изысканіямъ. Случалось, что въ цѣлую лекцію слушателю его удавалось перевести не болѣе двухъ трехъ стиховъ или одной фразы прозы; потому что переводимыя слова, мысли или картины требовали комментарія со стороны профессора, и комментарій этотъ принималъ размѣры ученаго трактата о томъ или другомъ предметѣ. Такимъ образомъ слушатель выносилъ изъ его лекцій массу разнородныхъ и живыхъ знаній о востокѣ, которыя возбуждали и питали его любознательность.... Какъ преподаватель восточныхъ языковъ и словесностей, онъ основательно и глубоко знакомилъ слушателя со своимъ предметомъ, и въ этомъ отношеніи заслуги его Россіи стоятъ на одномъ ряду съ заслугами, оказанными Франціи знаменитѣйшимъ изъ ея арабистовъ Де-Саси. Другая заслуга Сенковскаго, какъ Русскаго профессора, состояла въ значительномъ вліяніи на слушателей въ отношеніи умственнаго развитія и возбужденія любви къ наукѣ вообще, —

а въ этомъ они очень нуждались: бо̀льшая часть профессоровъ того времени держалась притупляющей схоластической методы, состоящей въ томъ, чтобы студенты заучивали наизусть пройденныя ими лекціи, и дальше ихъ ничего не знали; тогда какъ Сенковскій требовалъ отъ своего слушателя знанія отчетливаго, живаго и основаннаго на источникахъ, а не на авторитетахъ, которыхъ онъ никогда не признавалъ». — И въ настоящее время, и давно уже, голосъ журнальной критики обвиняетъ Сенковскаго, какъ литератора, въ систематической, злонамѣренной проповѣди неуваженія къ наукѣ, проповѣди, принесшей будто бы тьму вреда читающей Русской публикѣ. По поводу приведеннаго сейчасъ отзыва Савельева о Сенковскомъ, какъ о профессорѣ, долгомъ считаю сказать, что и о Сенковскомъ писателѣ Савельевъ, какъ и всѣ ученики покойнаго профессора, никогда не раздѣлялъ этого мнѣнія. По ихъ убѣжденію, нигдѣ въ сочиненіяхъ Сенковскаго не обнаруживается неуваженія къ наукѣ: не слишкомъ уважалъ онъ представителей науки — это правда; но наука и представители ея — двѣ вещи столь же различныя, какъ различны между собою, въ другихъ сферахъ, религія и ея жрецы, законъ и его исполнители. Человѣкъ, неуважающій науку, не провелъ бы цѣлой жизни въ постоянныхъ изслѣдованіяхъ, и не могъ бы вдохнуть въ учениковъ своихъ такой чистой любви къ ученому труду, какою отличался, напримѣръ, покойный Савельевъ. Шарлатаны, извѣстное дѣло, шарлатановъ же и порождаютъ, а господа̀, которые отзываются о наукѣ съ мистическимъ благоговѣніемъ, сами ничего не производя въ ея области, весьма

напоминаютъ собою святошь, которыя всю религіозность поставляютъ въ исполненіи внѣшнихъ обрядовъ религіи. Вся разница въ томъ, что одни надѣются обмануть провидѣніе, тогда какъ другіе весьма положительно обманываютъ человѣчество.

Послѣ лекцій Сенковскаго, какими, видѣли мы, описалъ ихъ Савельевъ, чтенія другихъ профессоровъ, за немногими исключеніями, естественно должны были казаться пустыми и скучными до тошноты, и Савельевъ, не видѣвшій особенной надобности насиловать себя ради лишняго чина, являвшійся какъ диллетантъ въ аудиторію Сенковскаго и другихъ преподавателей Восточнаго отдѣленія, почти вовсе не слушалъ обязательныхъ факультетскихъ предметовъ. На репетиціяхъ отмѣчался онъ бо́льшею частью absens, на экзаменахъ получалъ двойки да единицы, просидѣлъ два года въ одномъ курсѣ, былъ во мнѣніи какъ профессоровъ, такъ и товарищей, которые не знали его близко, на счету самыхъ плохихъ студентовъ, и наконецъ въ 1834 году еле-еле вышелъ изъ университета съ правомъ на 12-й классъ. Лѣнтяй студентъ, во все продолженіе университетской жизни, даже и съ товарищами сходился онъ не часто, занимался музыкой, не забывалъ театра, читалъ съ увлеченіемъ произведенія изящной словесности отечественной и иностранной, пробѣгалъ журналы и газеты, курилъ крѣпкія сигары, — гаванская сигара въ зубахъ у студента считалась въ то непросвѣщенное время вывѣскою шалопайства, — и, со всѣмъ тѣмъ, только что оставилъ скамьи аудиторій, какъ, благодаря серьезному взгляду на науку и знакомству съ учеными пріемами, почерпнутымъ

на лекціяхъ Арабскаго и Турецкаго языковъ, благодаря начитанности пріобрѣтенной внѣ аудиторій, пока другіе зѣвали, слушая читавшихъ по тетрадкамъ профессоровъ, наконецъ благодаря хорошему знанію живыхъ языковъ, Французскаго, Нѣмецкаго и Англійскаго, усвоенному еще дома и въ пансіонѣ, — стоялъ уже, и по отношенію къ умственному развитію, и по готовности къ производительному труду, несравненно выше товарищей своихъ, первыхъ кандидатовъ. Сверхъ этого, Савельевъ, находясь еще въ университетѣ, пріобрѣлъ привычку, которой не имѣли эти кандидаты, излагать свои мысли литературнымъ образомъ. Въ настоящее время есть много студентовъ, которые въ продолженіе курса занимаются журнальными работами. Тридцать лѣтъ назадъ это было необыкновеннымъ явленіемъ, и такая храбрость много говорила въ пользу способностей и умственнаго развитія смѣльчака, рѣшавшагося на подобный подвигъ; Савельевымъ же страстишка печататься одолѣла весьма рано. Видѣть имя и труды свои въ печати доставляло ему величайшее удовольствіе, и онъ, чтобы пользоваться этимъ удовольствіемъ, переводилъ или сокращалъ попадавшіяся ему подъ руку Французскія или Англійскія статейки, и кропалъ, какъ называлось тогда, «рецензіи» на различныя вновь выходившія произведенія отечественной словесности *). Не придавая этимъ рабо-

*) Я не могу, да и не стòитъ, перечислять труды такого рода, напечатанные Савельевымъ въ продолженіе университетскаго курса; довольно будетъ упомянуть, что помѣщались они, если не исключительно, то преимущественно, въ «Сѣверной Пчелѣ», и что печатнымъ первенцемъ П. С. едва ли не была рецензія его на «Брошюрки» Кронеберга, появившаяся въ «Сѣверной Пчелѣ» за 1831 годъ, № 202.

тамъ Савельева никакого объективнаго значенія, нельзя не сказать однако же, что для него самого онѣ были полезны въ качествѣ умственной гимнастики, съ одной стороны пріучая его къ отчетливости въ оцѣнкѣ явленій изъ области науки и искусства, съ другой, какъ замѣчено уже — набивая ему руку на литературный способъ изложенія.

Что касается до восточныхъ языковъ, то не занимавшись ими усидчиво и исключительно, безъ чего успѣхъ былъ невозможенъ, Савельевъ, оставляя университетъ, имѣлъ въ нихъ самыя поверхностныя свѣдѣнія. Теперь, со вступленіемъ въ жизнь, предстояло серьезно подумать о вопросѣ: на какой предметъ обратить преимущественно будущую дѣятельность? Савельевъ рѣшился посвятить себя изученію востока; но достигнуть этой цѣли, при однѣхъ собственныхъ средствахъ, которыя притомъ находились еще въ распоряженіи отца, считалъ онъ невозможнымъ. Надо было волею неволею вступить въ службу, которая бы такъ или иначе соприкасалась съ востокомъ. Ученая карьера, черезъ существовавшій тогда профессорскій институтъ, была для него закрыта: онъ не имѣлъ необходимой для поступленія туда степени кандидата, а одна мысль о пріобрѣтеніи ея путемъ новыхъ экзаменовъ и зубренія профессорскихъ записокъ приводила его въ ужасъ. Оставалось, faute de mieux, служить на востокѣ по дипломатической части, и вступить для этого, предварительно, въ Институтъ восточныхъ языковъ при Министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Въ это заведеніе и приняты были мы оба, черезъ четыре мѣсяца по выходѣ изъ университета, въ октябрѣ 1834 года. Впрочемъ, приватнымъ образомъ. Са-

вельевъ посѣщалъ лекціи институтскихъ профессоровъ еще въ продолженіи университетскаго курса.

Институтъ восточныхъ языковъ при Министерствѣ иностранныхъ дѣлъ или, иначе, Учебное отдѣленіе Азіятскаго департамента, основано, какъ извѣстно, въ 1823 году, съ цѣлію приготовлять для миссій нашихъ въ Персіи, Турціи и Египтѣ драгомановъ и вообще чиновниковъ изъ Русскихъ подданныхъ. Для этого снабжено оно обильно всѣми потребными пособіями, въ томъ числѣ хорошею библіотекою, богатою восточными рукописями. Воспитанники, находясь въ заведеніи, пользуются уже правами государственной службы, и помѣщаются въ самомъ зданіи Института, имѣя каждый отдѣльную комнату. Преподавателями въ немъ были, въ наше время, на половину тѣ же самыя лица, что и въ университетѣ, на половину другія. Изъ послѣднихъ, профессоръ Арабскаго языка, Деманжъ, конечно, не могъ идти ни въ какое сравненіе съ Сенковскимъ; но преподаватели Персидскаго языка, профессоръ Шармуа и, тогда, адъюнктъ его Мирза Джафаръ Топчибашевъ, такъ ревностно и совѣстливо заботились о передачѣ свѣдѣній своихъ воспитанникамъ, что изъ послѣднихъ, кто только хотѣлъ, имѣлъ всѣ средства выучиться основательно, и теоретически, и практически, тѣмъ восточнымъ языкамъ, которые преподавались въ Институтѣ. Если успѣхи воспитанниковъ вообще не соотвѣтствовали заботамъ и стараніямъ преподавателей, главнѣйшею причиною тому былъ самый составъ воспитанниковъ, набиравшихся бо̀льшею частію изъ молодыхъ людей, не имѣвшихъ надлежащаго приготовительнаго образованія. Са-

вельевъ и я, по свѣдѣніямъ, съ которыми вступили мы въ Институтъ и вообще по степени умственнаго нашего развитія, могли бы провести время нашего пребыванія въ этомъ заведеніи съ большою пользою относительно усовершенствованія себя въ знаніи восточныхъ языковъ. Не къ чести нашей сказать, мы воспользовались средствами Института далеко не въ той мѣрѣ, въ какой были способны и, по совѣсти, должны были это сдѣлать. Пребываніе наше въ Институтѣ, по отношенію собственно къ предметамъ тамошняго преподаванія, прошло для насъ почти безъ всякой пользы, а для самаго заведенія оно было даже вредно. Черезъ нѣсколько времени по оставленіи нами Института, вотъ какъ самъ Савельевъ характеризировалъ, по одному случаю, значеніе нашей институтской жизни: «Мы важно переѣхали въ келіи № 4 и 6, и положили начало переворотамъ. Дотолѣ довѣрчивые воспитанники смирялись передъ необъятными ученостями своихъ профессоровъ и учителей. Мы бросили въ нихъ зерно недовѣрчивости, стали разрушать келейныя репутаціи, и они, воспитанники, могли ли не увлечься нашими проповѣдями, видя въ насъ людей, вельми ученыхъ и знающихъ свѣтъ литературный. Славы Деманжа и Ч. О. пали съ своихъ пьедесталовъ; Д. сталъ на распутіи, то приставая къ «новымъ идеямъ» и ругая въ нашихъ комнатахъ другихъ профессоровъ, то придерживаясь «стараго ладу» и ругая насъ на повалъ въ другихъ комнатахъ; даже слава Шармуа колебалась въ третьемъ этажѣ. Ученики стали рѣже посѣщать лекціи, ознакомясь съ высшимъ взглядомъ на предметы, столь благопріятнымъ для лѣности: мы пода-

вали тому примѣръ съ рѣдкимъ самоотверженіемъ. Таковъ былъ переворотъ, произведенный нами въ одномъ изъ знаменитѣйшихъ заведеній Европы!» — Дѣло въ томъ, что и себѣ, и другимъ, мы вредили высокомѣріемъ особаго рода, которому столь легко поддаются молодые люди, попавшіе въ среду, которую считаютъ они, въ какомъ бы то ни было отношеніи, ниже той, изъ которой только что вышли. «Слушавши въ университетѣ Сенковскаго, да слушать Деманжа въ институтѣ!» — мы считали это позоромъ. И дѣйствительно, лекціи Деманжа не могли приносить намъ пользы; но изъ того нисколько не слѣдовало, что надо было совершенно оставить занятія Арабскимъ языкомъ, какъ мы это сдѣлали. Выходитъ на повѣрку, что Деманжъ былъ только предлогомъ къ бездѣльничанью, а бездѣльничать, убивать время въ пріятельской болтовнѣ, столь увлекательной, и другихъ способахъ far niente тянула насъ молодость: мнѣ было осьмнадцать лѣтъ, Савельеву — двадцать. Тяжело, казалось, изъ одного сознанія обязанности и пользы въ будущемъ, корпѣть, запершись въ узкихъ кельяхъ Института, надъ неразборчивыми мусульманскими рукописями и разноязычными фоліантами Голіевъ, Кастелліевъ и Менинскихъ съ братіею, когда кровь и воображеніе влекли dahin, dahin; а соединить влеченія къ dahin'у съ усидчивымъ постояннымъ трудомъ, такъ чтобы одно не мѣшало другому и на все доставало времени — мы не умѣли. Другимъ поводомъ къ высокомѣрному бездѣльничанью было то, что товарищи наши по Институту не отличались вообще граматностію и благоговѣли передо всѣмъ печатнымъ, а мы — сами давно уже печата-

лись, и потому считали себя, сравнительно, существами далеко высшаго разряда *). Наконецъ, и болѣе всего, отвлекло насъ отъ занятій восточными языками въ Институтѣ начавшееся съ 1835 года сотрудничество въ предпринятомъ А. Плюшаромъ, подъ главною редакціею Н. И. Греча, изданіи «Энциклопедическаго Лексикона». Объ этомъ сотрудничествѣ стоитъ разсказать по обстоятельнѣе, потому что оно играетъ важную роль въ жизни Савельева, до самаго окончательнаго паденія Плюшаровскаго Лексикона, направивъ занятія П. С. преимущественно на исторію и географію востока, въ которыхъ свѣдѣнія наши до тѣхъ поръ были весьма незавидны.

При самомъ приступѣ къ изданію «Энциклопедическаго Лексикона», лица, задумавшие это предпріятіе въ размѣрахъ, которые казались тогда и Русской публикѣ, и самимъ предпринимателямъ, левіаѳановскими, позабыли, кажется о той роли, которую, по всѣмъ правамъ, долженъ въ Русскомъ изданіи такого рода играть мусульманскій и

*) Въ теченіи 1835 года, кромѣ трудовъ, о коихъ сказано будетъ ниже, Савельевъ напечаталъ въ «Сынѣ Отечества» и «Сѣверномъ Архивѣ» подъ псевдонимомъ М. Мурманскій: 1) статью «Испанская школа живописи», которую сократилъ изъ Foreign Quarterly Review и посвятилъ тогдашнему пріятелю своему, художнику Ѳ. Ѳ. Завьялову; 2) «Очерки Востока», составленные преимущественно по Мишо Correspondance d'Orient, Paris, 1833—1835, и по Френклэндовымъ Travels to and from Constantinople, London, 1830: очерки эти, тянувшіеся въ пяти нумерахъ, занимаютъ болѣе пяти печатныхъ листовъ; и 3) «Выписки изъ новѣйшихъ путешествій», именно изъ Ламартиновыхъ Souvenirs, изъ Travels in the valley of the Nile, by St. John, изъ Борисовыхъ Travels into Bokhara и изъ Ten years in southern Africa, by Moodie. Подъ тѣмъ же псевдонимомъ Мурманскаго писалъ онъ мелкія статейки о разныхъ литературныхъ, театральныхъ и другихъ, почему либо интересовавшихъ его, явленіяхъ, также и для «С.-Петербургскихъ вѣдомостей».

не мусульманскій востокъ. Полагали совершенно достаточнымъ заимствовать статьи о востокѣ въ «Русскій» Энциклопедическій Лексиконъ изъ Encyclopédie des gens du monde, Penny Cyclopedia, Conversation's Lexicon'овъ и тому подобныхъ иностранныхъ изданій для полуобразованныхъ массъ. Но когда приступили къ дѣлу, оказалось, что надобны спеціальныя знанія даже для того, чтобы умѣть, не надѣлавши нелѣпѣйшихъ промаховъ, переписать Русскими буквами собственныя имена Азіятскія, напечатанныя Латинскими или Готическими, не говоря уже о самомъ выборѣ статей для перевода, и что по этому безъ участія Русскихъ оріенталистовъ въ этомъ дѣлѣ не обойдешься. Тогда въ редакторы Азіятской части Лексикона приглашенъ былъ О. И. Сенковскій. Заваленный работою по изданію «Библіотеки для Чтенія», бывшей тогда въ апогеѣ своей славы, Сенковскій не имѣлъ возможности взять на себя одного такое новое бремя, обѣщалъ съ своей стороны только общій надзоръ и руководство, а самое производство дѣла—выборъ статей, переводъ ихъ, передѣлку, или составленіе вновь по источникамъ—предложилъ принять на себя ученикамъ своимъ, мнѣ и П. С. Савельеву. Обширность подобныхъ работъ (оказавшаяся въ дѣйствительности вовсе нестрашною) и совершенная въ нихъ неопытность пугала насъ, но самолюбіе было возбуждено и польщено предложеніемъ, а Сенковскій не щадилъ ободреній, и мы горячо и совѣстливо принялись за дѣло, ожидая что оно усилитъ умственный нашъ капиталъ и улучшитъ вмѣстѣ карманныя обстоятельства; такъ какъ труды по Лексикону должны были вознаграждаться платою,

хорошею по тогдашнему времени. Въ четырехъ первыхъ томахъ Э. Л., вышедшихъ въ теченіе 1835 года, Савельевымъ, кромѣ неподписанныхъ, значитъ переводныхъ или передѣланныхъ статей, помѣщено болѣе 30 подписанныхъ, т. е. обработанныхъ болѣе или менѣе самостоятельно. Каково бы ни было впрочемъ относительное достоинство этихъ и прочихъ статей Савельева, помѣщенныхъ въ послѣдующихъ томахъ Э. Лексикона *), я, постоянно работавъ для этого изданія вмѣстѣ съ Савельевымъ, могу, положа руку на сердце, свидѣтельствовать, что сотрудничество въ Лексиконѣ не было для него ни денежною аферою, ни потѣхою для мелочнаго тщеславія, какъ было оно тѣмъ или другимъ для многаго множества сотрудниковъ: работая для Э. Лексикона, Савельевъ работалъ con amore, прежде всего имѣя въ виду честь Русскаго оріентализма, болѣе всего заботясь, чтобы Азіятская часть изданія, на сколько отъ самого его зависѣло, нетолько не уступала этой части въ однородныхъ заграничныхъ изданіяхъ, но превосходила ее, и по систематичности въ выполненіи общаго плана, и по отчетливости составленія статей, и по свѣжести матеріала. За отсутствіемъ нужныхъ источниковъ, иногда за срочностію работы, статьи, выходившія изъ рукъ его, не всѣ обработаны были одинаково удовлетворительнымъ образомъ; но все, что только при его средствахъ могло быть сдѣлано для ихъ достоинства, онъ дѣлалъ, не жалѣя ни труда, ни времени

---

*) Списокъ статьямъ П. С., помѣщеннымъ въ «Энциклопедическомъ Лексиконѣ», съ обозначеніемъ имени автора, помѣщенъ въ Приложеніяхъ, подъ № 1.

на справки, не поддаваясь въ работѣ ни лѣни, ни небрежности. Результатомъ этой добросовѣстности и отчетливости, обнаруженныхъ Савельевымъ въ первыхъ его серьезныхъ работахъ, явилась привычка дѣйствовать такъ, а не иначе и въ послѣдствіи, къ чему бы онъ ни прикасался, и знакомство съ бездною дѣльныхъ книгъ, которыхъ, безъ того, онъ, по всей вѣроятности, никогда бы не взялъ въ руки. Привыкнувъ же къ старанію дѣлать все лучше, отчетливѣе нежели другіе, видя, что стремленіе это весьма часто увѣнчивалось успѣхомъ безъ большаго труда, и безпрестанно встрѣчаясь съ поверхностностію и бездарностію въ изданіяхъ, относящихся до Азіи, выходившихъ въ Европѣ, нерѣдко подъ именами пользовавшимися громкою репутаціею въ ученомъ мірѣ, Савельевъ невольно пріобрѣлъ уваженіе къ себѣ и увѣренность въ своихъ силахъ, не дозволившія ему впасть въ ту нравственную болѣзнь рабскаго поклоненія всему западному, которою заражены были товарищи его и современники, только учившіеся у запада и не занимавшіеся съ молоду работами, гдѣ бы имъ приводилось часто самаго учителя своего призывать къ отвѣту. Вмѣстѣ съ тѣмъ, сотрудничество въ Э. Лексиконѣ, поставя Савельева въ близкое соприкосновеніе разомъ съ цѣлою сотнею ученыхъ и литераторовъ нашихъ того времени, быстро просвѣтило его и на счетъ нравственной и умственной цѣнности пишущей братіи, которую, до ближайшаго съ нею знакомства, представлялъ онъ себѣ, какъ представляетъ ее всякой неопытный молодой человѣкъ, лучшимъ сокомъ родной земли. Убѣдившись на дѣлѣ въ изумительномъ невѣжествѣ многихъ изъ корифеевъ предпріятія, громко и

самоувѣренно ораторствовавшихъ въ тогдашнемъ литературномъ обществѣ, въ грязненькомъ деньголюбіи другихъ, въ ребяческомъ тщеславіи и самолюбивой раздражительности третьихъ, наконецъ въ совершенномъ равнодушіи большинства къ успѣху дѣла, которое самъ онъ считалъ національнымъ, Савельевъ, несообщительный отъ природы, замкнулся въ себѣ самомъ еще крѣпче: честная натура его не могла не оскорбиться освобожденнымъ отъ покрывала зрѣлищемъ толкучаго рынка Русской науки. Раннее и быстрое разочарованіе въ людяхъ, которыхъ видѣлъ онъ дотолѣ въ розовомъ цвѣтѣ, могло бы имѣть на него еще болѣе прискорбное вліяніе, если бы въ той же средѣ не встрѣтилъ онъ и нѣкоторыхъ исключеній, существованіе которыхъ должно было укрѣпить его на пути добра и безкорыстной преданности знанію. Однимъ изъ блистательнѣйшихъ исключеній этого рода, надъ которымъ всегда съ любовію останавливалось наше воспоминаніе, былъ Д. И. Языковъ, превосходный типъ человѣка стараго времени, который умѣлъ соединять страстную преданность къ наукѣ съ образцовымъ исполненіемъ гражданскихъ обязанностей, какъ бы онѣ скучны и тягостны ни были; человѣка, который проводилъ ночи рòясь въ лѣтописяхъ или древностяхъ, а дни, съ тѣмъ же усердіемъ, безропотно убивалъ за канцелярскою работою, и въ которомъ ни то, ни другое занятіе не сушило сердца, не убивало воли. Д. И. Языковъ, И. И. Мартыновъ, П. Г. Бутковъ и имъ подобные, для тѣхъ кто имѣлъ счастіе знать ихъ ближе, даютъ совершенно другое понятіе объ этомъ старомъ времени, въ которомъ любятъ видѣть теперь одни его недо-

статки. Савельевъ, въ нѣкоторой мѣрѣ, былъ относительно къ своему времени тѣмъ же, чѣмъ эти люди были для первой четверти настоящаго столѣтія, и я не знаю что̀ бы, по моему взгляду на людей и вещи, могъ я сказать лучшаго въ его похвалу.

Нѣсколько мѣсяцевъ пребыванія въ Институтѣ восточныхъ языковъ, въ продолженіе коихъ Савельевъ имѣлъ возможность узнать поближе что̀ ожидало тогда въ дипломатической службѣ на востокѣ воспитанниковъ этого заведенія, было совершенно достаточно чтобы убѣдить какъ его самого, такъ и начальство Института, что ни онъ Савельевъ никогда не будетъ годенъ въ драгоманы, ни драгоманство не можетъ имѣть для него никакой привлекательности, въ слѣдствіе чего онъ и оставилъ Институтъ въ декабрѣ 1835 года, пробывъ въ немъ всего годъ съ небольшимъ.

III.

Занятія по Энциклопедическому Лексикону сдѣлали, между тѣмъ, способности Савельева извѣстными Сенковскому. Искавшій всюду дѣльныхъ сотрудниковъ, Сенковскій предложилъ П. С. работать по «Библіотекѣ для Чтенія». Увлекавшійся въ это время страстью къ писательству, не усвоивъ еще себѣ никакой спеціальности, и притомъ имѣя въ виду оставить Институтъ восточныхъ языковъ, Савельевъ согласился, и въ концѣ 1835 года встрѣчаемъ уже въ «Библіотекѣ для Чтенія» двѣ статьи его сряду *). Слѣдующій 1836 годъ Савельевъ, свободный ото всякой службы, почти исключительно проработалъ для этого журнала, занимаясь, подъ руководствомъ Сенковскаго, преимущественно ознакомленіемъ Русской

*) А именно: «Путешествіе г. Паррота на Араратъ», составленное по книгѣ этого натуралиста Reise zum Ararat, Berlin, 1834; и извлеченіе изъ сочиненія Кетлѐ Sur l'homme et le développement de ses facultés, напечатанное подъ заглавіемъ «Статистики средняго человѣка».

публики съ современными явленіями Англійской литературы *). Сенковскій, въ это время, любезничалъ съ Савельевымъ, и Савельевъ сдѣлался обычнымъ посѣтителемъ его вечеровъ, но ознакомившись хорошо съ Сенковскимъ, какъ съ человѣкомъ, не могъ не потерять уваженія къ его слабому и тщеславному характеру. Тотъ и другой охладѣли взаимно, и сношенія ихъ по журналу прекратились, продолжаясь лишь по изданію Энциклопедическаго Лексикона. Сюда, въ IV — XI томы, вышедшіе въ теченіе 1836 — 1837 годовъ подъ редакціею А. Ѳ. Шенина, съ которымъ П. С. находился постоянно въ хорошихъ отношеніяхъ, дано было имъ, кромѣ большаго числа переводныхъ статей, до 40 подписанныхъ его именемъ, стало быть болѣе или менѣе

*) The Pasha of many tales Марьета сокращенъ былъ имъ въ разсказъ подъ заглавіемъ «Трехсказочный Паша»; содержаніе Куперова романа The Monnikins изложено также въ извлеченіи; записки о Франціи Больвера (The monarchy of the middle classes) и г-жи Троллопъ (Paris and the Parisans in the 1835) сжаты въ одну статью «Генри Больверъ и Мистриссъ Троллопъ», а England in 1835 Раумера, разбита на двѣ: «Записки Раумера объ Англіи» и «Англія въ 1835 году». Обнародованіе въ Лондонѣ новыхъ документовъ о Флемстидѣ (Account of the Rev. John Flemstead, etc.) послужило поводомъ къ очерку «Флемстидъ, Галлей и Ньютонъ»; Travels into Aethiopia by J. Hoskins переданы въ статьѣ «Путешествіе Г. Госкинса въ Ѳіопію»; изъ Fraser's Magazine переведенъ «Эразмъ Роттердамскій и его эпоха»; наконецъ, въ двухъ статьяхъ озаглавленныхъ «Странствованіе Арабскаго патріарха Макарія изъ Алеппа въ Москву» мастерски выжато все интересное изъ пяти томовъ in 4° изданныхъ Бельфуромъ Travels of Macarius, patriarch of Antioch, written by his attendant, archdiacon Paul of Aleppo (London, 1829 — 1834), и расказы Араба снабжены, гдѣ нужно, прекраснымъ комментаріемъ. Изо всѣхъ поименованныхъ статей, только три подписаны Савельевымъ — первая и двѣ послѣднихъ, безъ сомнѣнія потому, что на прочія смотрѣлъ онъ какъ на чисто переводныя и притомъ на сквозь прошпигованныя вставками и фразами въ духѣ Сенковскаго.

оригинальныхъ. Но съ XII-го тома главная редакція Энциклопедическаго Лексикона перешла тоже къ Сенковскому, и въ числѣ новыхъ помощниковъ его явился Ѳ. Н. Менцовъ, вмѣстѣ съ чѣмъ, по причинамъ весьма уважительнымъ, охладилось въ П. С. расположеніе къ сотрудничеству и по этому изданію. Въ XII и XIV — XVI томахъ Энциклопедическаго Лексикона не встрѣчается ни одной, подписанной имъ статьи, въ XIII-мъ же помѣщено всего 10, и то незначительныхъ по объему. О дальнѣйшемъ участіи П. С. въ судьбахъ этого несчастнаго изданія говорено будетъ еще послѣ.

Ни въ какую пору своей жизни Савельевъ не былъ подверженъ чинолюбію; но въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, не служить, не числиться по какой нибудь канцеляріи, не состоять при какомъ нибудь департаментѣ, считалось для человѣка, который имѣлъ на то право и возможность, не только страннымъ, но даже предосудительнымъ. Это навлекало на него неудовольствіе родственниковъ, нарѣканіе общества, даже присмотръ свыше. Покоряясь необходимости, и не имѣя въ виду другой службы, выгоднѣйшей и согласнѣйшей съ характеромъ и потребностями своими, Савельевъ, почти черезъ полтора года по выходѣ изъ Института в. я., именно въ маѣ 1837 года, опредѣлился безъ жалованья, чиновникомъ при Комитетѣ Правленія Императорской Академіи наукъ, съ откомандированіемъ для занятій, по распоряженію г. Министра народнаго просвѣщенія, въ редакцію журнала этого Министерства. Въ теченіе почти четырехъ лѣтъ этой службы, П. С. занимался нѣсколько времени по сказанному журналу

въ качествѣ помощника редактора, и почти постоянно снабжалъ матеріаломъ отдѣлъ Смѣси. Изъ статей же помѣщенныхъ имъ, въ тотъ же періодъ, въ прочихъ отдѣлахъ этого журнала *), какъ на лучшую, можно указать на біографическій очеркъ знаменитаго арабиста Сильвестра Де-Саси. Сверхъ того, съ 1837 года, участвовалъ Савельевъ въ «Литературныхъ Прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду»; чѣмъ же именно выражалось это участіе, я теперь не помню.

*) Полное перечисленіе ихъ помѣщено въ Приложеніяхъ, подъ № III.

IV.

Но пора, хотя въ нѣсколькихъ словахъ, сказать о семейныхъ и общественныхъ отношеніяхъ Савельева въ первой его молодости, о той обстановкѣ, для которой онъ былъ человѣкомъ, а не производителемъ статей. Хотя поговорка «dis moi qui tu hantes, je te dirai qui tu es», и не всегда справедлива, — весьма часто не отъ насъ зависитъ вращаться въ той или другой средѣ; въ большинствѣ случаевъ однако же общество въ которомъ любитъ бывать человѣкъ, люди съ которыми ему пріятнѣе встрѣчаться чѣмъ съ другими, могутъ служить вѣрнѣйшимъ отраженіемъ его нравственной и умственной физіономіи. Любопытно знать объ общественной средѣ человѣка и потому также, что она необходимо на него самого имѣетъ вліяніе. Въ домашнемъ кругу той семьи, къ которой принадлежалъ Савельевъ, не могъ онъ, несмотря на относительную образованность своего отца, встрѣчать какой либо гармоническій отзывъ на чувства, понятія и стремленія, какія разви-

вали въ немъ школа, университетъ, чтеніе и жизнь. Здѣсь хлопотали прежде всего и болѣе всего чтобы мальчикъ, а потомъ и молодой человѣкъ — питался; воспитывался онъ самъ—съ дѣтства чуждый той атмосферы нѣжныхъ, умиляющихъ душу ласкъ и разумной внимательности, въ которой молодое существо нуждается какъ растеніе въ воздухѣ. Отсюда та замкнутость въ самомъ себѣ, то постоянное опасеніе, что насъ не поймутъ, не оцѣнятъ, и та внѣшняя холодность, которыя мѣшали П. С. сближаться тѣснѣе даже съ товарищами по пансіону и университету, и заставляли его удерживаться отъ всякихъ порывовъ къ откровенности даже въ самые молодые годы. Всѣ честные люди, имѣвшіе случай быть въ долгихъ сношеніяхъ съ Савельевымъ, узнавъ этого человѣка на дѣлѣ, не могли не любить его, не уважать, не находить удовольствія въ его обществѣ; но самъ онъ былъ крайне тугъ на новыя знакомства, и много надо было ему времени, чтобы освоиться съ новымъ знакомымъ, не стѣсняться въ его присутствіи. На мою долю выпала, не знаю какъ и за что, привиллегія быть почти единственнымъ человѣкомъ, предъ которымъ П. С. позволялъ себѣ раскрываться болѣе нежели предъ другими; но весьма нерѣдко и со мною молчалъ онъ о такихъ вещахъ, о которыхъ люди иного склада будутъ говорить съ человѣкомъ, котораго видятъ первый разъ въ жизни, лишь бы понравилась его физіономія. Чтобы сходиться съ людьми, ему, въ молодости, нуженъ былъ чичероне, который бы объяснялъ публикѣ, что Савельевъ вовсе не медвѣдь, не кусокъ льду, какимъ кажется, а славнѣйшій малый, съ которымъ стóитъ поближе познакомиться, — и

такимъ чичероне естественно сдѣлался я, какъ сблизившійся съ Савельевымъ еще въ университетѣ, и тѣсно сдружившійся съ нимъ въ продолженіе совмѣстнаго житья и ученья въ Институтѣ восточныхъ языковъ. Меня привязывало къ нему, кромѣ благородства его характера и твердости нравственныхъ началъ, въ чемъ я болѣе нежели другіе имѣлъ случаевъ убѣдиться, постоянное занятіе одними и тѣми же предметами изученія, и одинаковое умственное настроеніе, въ слѣдствіе котораго мы совершенно одинаково поражались всѣмъ что читали, видѣли и слышали, одинаково понимали людей и вещи, почти не разнились въ сужденіяхъ объ нихъ, и приходили къ однимъ и тѣмъ же выводамъ въ нашихъ изслѣдованіяхъ, при чемъ, любя науку для науки, оба не страдали тѣмъ, что Французы называютъ jalousie de métier. Такимъ образомъ, черезъ меня, почти всѣ кто былъ или дѣлался мнѣ пріятельски знакомъ, становился скоро хорошъ и къ Савельеву, и на оборотъ, личности мнѣ антипатичныя не сходились и съ нимъ, такъ что кругъ близкихъ и знакомыхъ былъ у насъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ по выходѣ изъ университета, за нѣсколькими исключеніями, совершенно общій. Изъ университетскихъ товарищей, ладилъ онъ больше и видался чаще, сколько припоминаю теперь, съ А. Н. Гречемъ, П. Я. Петровымъ, Е. Ф. Бутовичемъ - Бутовскимъ, В. В. Голенищевымъ - Кутузовымъ, Т. Н. Грановскимъ, М. И. Ковалинскимъ и нѣкоторыми другими. Изъ товарищей дѣтства и по пансіону, съ которыми П. С. оставался въ близкихъ сношеніяхъ, встрѣчался я у него, почти исключителино, съ А. А. Красильниковымъ, Л. В. Красно-

пѣвковымъ *), и Л. И. Тимаховымъ; послѣдній питалъ къ П. С. особаго рода преданность, какая внушается нерѣдко добрымъ и мягкимъ натурамъ сознаніемъ сильнаго надъ ними умственнаго превосходства предмета ихъ привязанности. Посѣщали также П. С. молодые, сдѣлавшіеся въ послѣдствіи извѣстными, художники — живописецъ Завьяловъ и скульпторъ Пименовъ. Черезъ мое посредство сошелся онъ съ Я. М. Невѣровымъ и его кружкомъ, съ В. Г. Бенедиктовымъ, Е. П. Гребенкою и другими лицами Ершовскаго кружка **). Отдавая, весною 1837 года, отчетъ о своемъ житьѣ бытьѣ А. А. Красильникову, занимавшемуся тогда въ Лондонѣ практическимъ изученіемъ коммерціи, П. С. писалъ ему, между прочимъ: «Чаще всего бываю я у вашихъ и у Григорьева; чаще всего бываютъ у меня Тимаховъ да Григорьевъ. Тимаховъ почти живетъ у меня, и я очень радъ, что есть у меня для него мѣсто. Жить одномуодинёшеньку, и только съ одними книгами — вещь невозможная; иногда хочется сказать слово и съ живымъ человѣкомъ, поболтать, поврать, посмѣяться.... Григорьевъ все еще хвораетъ и ужасно похудѣлъ. Я, правду сказать, за него весьма опасаюсь, а его потеря была бы для меня ничѣмъ не вознаградима; никто бы не чувствовалъ ее столько какъ я, потому что ни у кого нѣтъ столь мало истинныхъ пріятелей и друзей, какъ у меня, что собственно проистекаетъ отъ моего характера; и никто столько не любитъ его

---

*) Нынѣ Преосвященный Леонидъ, Викарій Московскій.

**) П. П. Ершовъ — нашъ общій товарищъ по университету, авторъ «Конька-Горбунка».

и не можетъ столько за него во всемъ ручаться *).... Собираемся мы чаще всего у Невѣрова, который отправляется съ первымъ пароходомъ въ Берлинъ, и котораго мѣсто я займу при Редакціи Журнала М. н. просвѣщенія. Общество наше состоитъ все изъ молодыхъ людей, занимающихся науками или искусствами, которые, какъ выражаются журналисты, «подаютъ прекрасныя надежды». Иногда собираемся и у Пименова, который, съ твоего отъѣзда, пріобрѣлъ довольно значительную репутацію своею, въ самомъ дѣлѣ прекрасною статуею Бабочника, красовавшеюся на послѣдней выставкѣ. Тутъ, т. е. въ нашемъ обществѣ, увидишь и знаменитости, и юныхъ, но бо̀льшею частію «печатныхъ» людей, поэтовъ, оріенталистовъ, музыкантовъ, скульпторовъ, живописцевъ, все «людей мыслящихъ» **).

---

*) Не выпускаю этихъ дорогихъ мнѣ строкъ, потому что онѣ составляютъ мой дипломъ на право писать біографію Савельева.

**) Въ этомъ же письмѣ встрѣчается весьма характеристическій взглядъ П. С. на тогдашнее положеніе Русской литературы, который и приводимъ, хотя не совсѣмъ у мѣста: «Вблизи все кажется намъ мало, и мы всегда недовольны; но сто̀итъ вытти изъ того круга, въ которомъ дѣло дѣлается, чтобы увидать вещь съ настоящей точки зрѣнія. У насъ многіе жалуются, что выходитъ мало дѣльныхъ книгъ. Это не правда: относительно у насъ больше еще, чѣмъ гдѣ либо, выходитъ дѣльнаго, особливо съ нѣкотораго времени. Я самъ читаю лучшія Французскія и Англійскія обозрѣнія; вотъ и теперь на моемъ столѣ: Athenaeum за мартъ мѣсяцъ, New Monthly Review, Blacwood's Edinburgh Magazine, Journal des Savants, Foreign Quarterly Review и другіе. Ну что въ нихъ особенно важнаго? Книгъ числомъ больше, а дѣльныхъ и важныхъ, право, столь же мало, какъ и у насъ, какъ и вездѣ!» Что касается до характеристики общества, о которомъ пишетъ Савельевъ, то я очертилъ ее, какъ умѣлъ, уже въ воспоминаніяхъ моихъ о Т. Н. Грановскомъ (Русская Бесѣда за 1856 годъ, книга III, Смѣсь, стр. 33—36 и 41 — 42) и не нахожу нужнымъ повторять здѣсь сказаннаго прежде.

Къ чести Русскихъ ученыхъ и писателей должно сказать, что они, за немногими исключеніями, всегда держали себя довольно гордо и независимо, не старались, какъ бо́льшая часть иностранцевъ пріѣзжающихъ въ Россію, пріобрѣсти себѣ покровителей между сильными міра сего и втереться въ такъ называемое «высшее общество»; искательствомъ и низкопоклонствомъ никто не укоритъ ихъ. Савельевъ, и въ этомъ отношеніи, былъ достойнымъ представителемъ Русской науки: онъ не зналъ что значитъ «заискивать» чьего либо расположенія, являться «на поклонъ» къ кому бы то ни было. Внѣ своего круга молодежи, его можно было увидѣть изрѣдка у нѣкоторыхъ академиковъ, преимущественно у Френа и Броссè, ученые труды которыхъ интересовали его особенно, да у редакторовъ нѣкоторыхъ изданій, въ коихъ онъ участвовалъ, у О. И. Сенковскаго, Н. И. Греча, А. Н. Очкина, А. А. Краевскаго, А. Ѳ. Шенина, — и то не иначе, бо́льшею частію, какъ по поводу помѣщенія имъ въ этихъ изданіяхъ какихъ либо статей. Внѣ круга родства и семейныхъ связей, посѣщалъ онъ, сколько извѣстно мнѣ, только домá Д. И. Языкова, съ которымъ сблизился, какъ сказано выше, по изданію Энциклопедическаго Лексикона; П. А. Корсакова — цензора и въ послѣдствіи одного изъ редакторовъ «Маяка»; профессора Академіи художествъ извѣстнаго Егорова, который жилъ издавна въ домѣ Савельевыхъ (на Васильевскомъ островѣ, гдѣ П. С. и родился, и умеръ), и зналъ его чуть ли не съ пеленокъ; и В. Т. Плаксина, бывшаго наставника своего и потомъ, въ теченіе цѣлой жизни П. С., одного изъ самыхъ пріязненныхъ ему людей: ко всѣмъ этимъ лично-

стямъ влекло его сердечное расположеніе: знакомствъ, заводящихся Богъ знаетъ почему и поддерживающихся праздничными визитами, П. С. не терпѣлъ, и у него ихъ вовсе не было.

Кружокъ пріятелей, товарищей и добрыхъ знакомыхъ, съ которыми намъ такъ тепло и привольно было жить въ настоящемъ, мечтая, но не задумываясь о будущемъ, рѣдѣлъ однако же мало по малу. Бутовскій (А. И.) и Тишковскій (К. И.) еще въ 1835 году уѣхали одинъ въ Парижъ, другой въ Америку; въ слѣдующемъ году Грановскій отправился въ Германію, а Ершовъ въ Сибирь; въ 1837-мъ разстались мы съ Невѣровымъ, также уѣхавшимъ въ Германію; къ концу 1838 года стало еще тремя меньше: Петрова Академія наукъ послала въ Берлинъ, Парижъ и Лондонъ, я и М. А. Соловьевъ отправились служить въ Одессу. Примѣръ заразителенъ. Грустно стало Савельеву сидѣть на мѣстѣ, когда самые близкіе ему люди разбрелись всѣ по свѣту. Не взвидѣлъ онъ толку въ занятіяхъ и по Э. Лексикону, и по журналамъ, сознавая что куда бы полезнѣе было посвятить всего себя на нѣсколько лѣтъ какому нибудь капитальному ученому труду, или, еще лучше, поработать предварительно надъ пополненіемъ собственнаго образованія, усилить свѣдѣнія свои въ классическихъ и Азіятскихъ языкахъ, дать связь и цѣлость отрывочнымъ познаніямъ пріобрѣтеннымъ въ исторіи и географіи, ознакомиться основательно съ тѣми изъ лучшихъ произведеній Европейскихъ литературъ, которыя еще не были прочтены имъ, и проч. и проч. И рѣшилъ онъ, для осуществленія всего этого, уѣхать за границу, поучиться

въ Германіи, Франціи, гдѣ случится: измѣнившееся въ выгодную сторону положеніе домашнихъ дѣлъ давало ему надежду совершить такое путешествіе на свой счетъ. Во всякомъ случаѣ, мысль уѣхать изъ Петербурга куда нибудь на западъ или на востокъ крѣпко засѣла ему въ голову, и, какъ увидимъ ниже, онъ проносился съ нею, къ сожалѣнію напрасно, весь 1839 годъ. Между тѣмъ, съ отъѣзда въ Одессу, въ концѣ октября 1838 года, завелась у меня съ Савельевымъ дѣятельная переписка. Привожу изъ нея нѣкоторые отрывки о занятіяхъ его и предположеніяхъ.

«Я, какъ ты знаешь, хотѣлъ прожить статеечно до отправленія моего за границу. Въ Журналѣ М. н. пр. уже напечатано Путешествіе Госкинса. Приготовлены — Біографія Де-Саси, подробная и кажется занимательная, Біографія Сенъ-Мартена, О путешествіи Френеля и открытіи имъ Химьярскаго языка. Приготовляются — О Рашидъэддинѣ, О Бактрійской исторіи, Объ Египетской исторіи по іероглифамъ *). Для этого всего я довольно перечелъ. Краевскій и Шенинъ наконецъ упросили написать объ Англійской литературѣ для «Отечественныхъ Записокъ». Я написалъ статейку въ печатный листъ, въ два присѣста. Занималъ меня также въ послѣднее время вопросъ о происхожденіи Грузинъ, и я перерылъ все, гдѣ только могъ встрѣтить слово *Гюрджъ*. Что ни говори, а Сенковскій кажется напоролъ дичь: Броссè отвѣчалъ ему въ Bulletin scientifique,

*) Изо всѣхъ перечисленныхъ здѣсь статей, напечатана, сколько мнѣ извѣстно, только одна біографія Де-Саси; прочія были, вѣроятно, только задуманы или начаты, и—не состоялись.

да не такъ какъ бы надо. Объ этомъ напишу еще при случаѣ» (изъ письма отъ 25 декабря 1838 года).

«Читаю Зеферъ-намѐ, и перевожу изъ нея выписки о Тамерлановыхъ походахъ; эти выписки я сличалъ съ Академическою рукописью. Послѣ возьму Мирхонда. Френъ умно замѣтилъ, что лучше всего читать ихъ въ хронологическомъ порядкѣ: сперва Шерефъ-эддина, потомъ Мирхонда, Хондемира, Абдуръ-Реззака, и такъ далѣе» (изъ письма отъ 22 января 1839 г.).

«Не помню что я дѣлалъ и чѣмъ намѣревался заняться, когда мы разстались. Я не говорю о статьяхъ для журналовъ, потому что онѣ не могутъ итти въ счетъ дѣльныхъ занятій, не доставляя пищи ни памяти, ни мышленію. Впрочемъ, ихъ сдѣлано доселѣ довольно, листовъ десять печатныхъ, если не болѣе. Особые оттиски нѣкоторыхъ я уже отправилъ къ тебѣ. Изъ нихъ біографія Де-Саси дѣльнѣе прочихъ: она почти цѣликомъ взята изъ статьи Reinaud, но дополнена изъ другихъ біографій и похвальныхъ словъ. Напиши, какъ ее находишь. Въ четыре мѣсяца, въ которые чортъ знаетъ что бы можно было надѣлать, я занимался только тремя порядочными вещами Первое — читалъ со вниманіемъ, и справляясь въ другихъ книгахъ, Дегиня и Клапротовы Tableaux historiques: это полезно для лучшаго узнанія восточной исторіи. Второе— читалъ и переводилъ Шерефъ-эддина, взятаго у Френа: это полезно для Персидскаго языка. Третье — чинилъ розысканія о Грузинахъ. Послѣднее, чтобъ не показалось смѣшнымъ, нужно пояснить. Статьи Сенковскаго и Броссе заинтересовали меня въ пользу Грузіи: тутъ

кто нибудь да неправъ. Вотъ я и принялся рыться во всѣхъ книжкахъ и книжонкахъ, гдѣ только есть слово Гюрджъ. Перелистовалъ почти всего Абуль-фарраджа, завтра спрошу у Френа «Исторію Джорджана и Табаристана». Абульфеда, Мирхондъ, Herbelot, Гаммеръ и другіе господа были порядкомъ перетрепаны изъ за Гурджей. Все это, согласись, очень полезно, тѣмъ болѣе что я былъ такъ увлеченъ, роясь въ разныхъ книгахъ, что просиживалъ съ ними до разсвѣту. А результатъ мой вотъ каковъ. Грузины—народъ очень старинный, который нѣкогда былъ весьма распространенъ по восточному берегу Каспійскаго моря, и, безъ сомнѣнія, составлялъ значительнѣйшую часть упоминаемыхъ древними географами Хорезмовъ, Chorasmii. Восточные (Арабскіе—Абульфеда, Абуль-фарраджъ и другіе) упоминаютъ о нихъ, подъ именемъ كرج ранѣе X вѣка, но чаще подъ именемъ جرزيه и جرجنيه. Персіяне знали ихъ подъ именемъ *Гюрджъ*, *Гургъ*, *Гурѐканъ*. Исторически ничего нельзя доказать объ ихъ подвигахъ ранѣе X вѣка; но имя народа сохранилось на всемъ пространствѣ восточнаго берега Каспія: города и рѣки носили и носятъ тамъ названія *Джорджанъ*, *Гюргенъ*, *Гюргенджъ*, *Ургенджъ*, и т. д. Даль, въ одномъ изъ своихъ разсказовъ Русскихъ выходцевъ изъ Хивы, сообщилъ преважное извѣстіе для этого. Видно, что доселѣ сохранилось тамъ поколѣніе *Гурджъ* «неизвѣстнаго. вовсе только не Турецкаго происхожденія», и городокъ *Гурджи*. Когда и какъ эти Гурджи перешли въ Грузію — трудно и едва ли возможно опредѣлить. Признавъ существованіе поколѣнія Грузинъ въ нынѣшней Хивѣ, можно объяснить сказанія Вахушта и Вахтанга о покореніи Гру-

зинами Іерусалима и всей Палестины: это относится къ Грузинамъ Хивинскимъ, которые, съ Харезмшахами, дѣйствительно воевали и въ Сиріи, и въ Палестинѣ; они славились храбростію и въ войскахъ Сельджуковъ. Это видно и изъ Абулъ-фарраджа. Можетъ быть и Грузины Грузинскіе составляли часть войска Харезмшаховъ. Только Вахтангъ и Вахуштъ врутъ въ томъ отношеніи, что относятъ взятіе Іерусалима Богъ знаетъ какъ далеко въ древность. Хронологіей они похвастаться не могутъ. Объ этомъ всемъ, переговоривъ съ Броссе, напишу статью для Bulletin scientifique. Но я далеко заѣхалъ съ своими Грузинами. Они по крайней мѣрѣ запутанностію своихъ origines доставили мнѣ нѣсколько дней пріятной дѣятельности. Все же лучше хоть чѣмъ нибудь заниматься, нежели ничего не дѣлать. Теперь интересуютъ меня многіе темные народы Средней Азіи; добьюсь, что̀ за птицы эти Джуджъ-ве-Маджуджъ, Тагазгазъ и прочіе господа́. Да съ чего взяли Клапротъ и другіе, будто бы Tu-kiu Китайскихъ писателей непремѣнно Турки. Слово Туркъ съ очень замѣтнымъ звукомъ *р*, а по Китайски выражаютъ же этотъ звукъ, въ другихъ собственныхъ именахъ, звукомъ *ли* или *эрль*. Эта выходка не знаю къ какой стати здѣсь; только мнѣ пришла она кстати при чтеніи Дегиня и Клапрота, когда казалось, что извѣстія объ этихъ Ту-Дзахъ (по Пекинскому произношенію) едва ли можно примѣнить къ Туркамъ Алтайскимъ. Вотъ все, что могу сказать тебѣ новаго, пріобрѣтеннаго собственными занятіями. А еслибъ мы занимались получше, то право могли бы надѣлать открытій побольше и поважнѣе. Теперь мирю Бактрійскихъ царей, которые никакъ

не хотятъ лечь безъ спору, какъ будто они какіе нибудь Фараоны! Пусть тѣ кутятъ, и прибавляютъ себѣ или убавляютъ у себя тысячи лѣтъ; а то и эти мелкопомѣстные туда же. Чортъ знаетъ какъ пріятно гулять въ потемкахъ исторіи. Какъ можно сравнить съ этой занимательной тьмою прозаическую ясность новой исторіи! Ты такъ же думаешь. А оригины то народовъ — прелесть. Погоди, въ Берлинѣ такъ намечусь въ этого рода изысканіяхъ, что все будетъ ни почемъ» (изъ письма отъ 5 марта 1839 г.).

Около 20-хъ чиселъ апрѣля того же 1839 года, получаю совершенно неожиданно, слѣдующее посланіе:

Спб. 11 апрѣля 1839.

Душа моя, Гр., не пиши ко мнѣ болѣе. Ты изумишься этому началу письма и, разумѣется, не поймешь что значитъ. Но слушай. Вотъ въ чемъ дѣло. Разсказываю тебѣ какъ можно кратче, потому что дорожу теперь каждымъ получасомъ времени. Читаю географію Риттера, Турецкую грамматику, учусь снимать широту мѣстъ и снимки съ надписей, ѣзжу почти каждый день къ Френу, къ Министру и въ Канцелярію Министра. Ты теперь можешь догадаться, что дѣло идетъ объ отправленіи меня въ путешествіе; но куда? — Въ томъ то и дѣло. Въ концѣ прошлаго года были въ Петербургѣ посланцы отъ Бухарскаго Хана. Они изъявили нашему правительству желаніе Хана видѣть въ Бухарѣ Русскихъ горныхъ офицеровъ для отысканія рудъ въ Бухаріи. На дняхъ экспедиція отправляется изъ Петербурга въ Оренбургъ. Френъ узналъ о ней за недѣлю до ея отправленія и тотчасъ предложилъ мнѣ ѣхать съ нею отъ Академіи для географическихъ и археологическихъ открытій.

Я согласился. Сегодня былъ у Министра, и онъ хотѣлъ завтра дать рѣшительный отвѣтъ. Если поѣздка моя состоится, то я первый изъ Европейцевъ увижу развалины Самарканда, Андеджанъ, Фергану, Бедехшанъ и другіе извѣстные и невѣдомые города Мавераннагра, и опишу ихъ. Во всякомъ случаѣ напутствуй меня дружескими желаніями успѣха. Если дѣло уладится, ты получишь подробное о немъ извѣстіе изъ Оренбурга.

весь твой П. С.

Какъ дышетъ эта записочка торопливостію и обиліемъ надеждъ молодаго человѣка, въ первые пускающагося въ ученое путешествіе! Но, увы, черезъ мѣсяцъ вотъ что писалъ мнѣ Савельевъ:

14 мая 1839.

«Изъ Оренбурга или изъ какого другаго города писано это посланіе, узнаешь когда прочтешь его. Вотъ что было. Въ одно воскресенье прошлаго мѣсяца, во время обѣда, зашелъ ко мнѣ Волковъ, и сказалъ что Френъ лично заходилъ къ нему, и поручилъ позвать меня къ себѣ въ тотъ же день или на другой день утромъ «по какому то нетерпящему отлагательства дѣлу». Я, разумѣется, не могъ догадаться, какого бы рода было это дѣло. Спѣшу къ нему послѣ обѣда тотчасъ. Онъ встрѣчаетъ меня съ особенною благосклонностію, и говоритъ что только вчера узналъ о томъ, что правительство отправляетъ въ Бухару горныхъ офицеровъ по просьбѣ самого Хана, для отысканія рудниковъ, что это рѣдкій и самый благопріятный случай для обогащенія нашихъ познаній о томъ краѣ, потому что офицеры будутъ разъѣзжать по странѣ въ доль и поперекъ,

и, главное, будуть состоять подъ особеннымъ покровительствомъ Хана, какъ люди способные обогатить его, и слѣдовательно будутъ въ совершенной безопасности; что желательно бы для пользы науки и чести Россіи, чтобы такой благопріятный для открытій случай не былъ потерянъ, и, такъ какъ горные не въ состояніи собрать такія свѣдѣнія, какія интересны для оріенталистовъ, то онъ счелъ меня способнымъ выполнить эту миссію, и потому предлагаетъ отправиться вмѣстѣ съ горными офицерами. — Я отвѣчалъ что радъ воспользоваться случаемъ для обогащенія науки, хотя не знаю, достаточно ли для того приготовленъ, и что во всякомъ случаѣ завтра же дамъ рѣшительный отвѣтъ. Дòма я думалъ себѣ, почему же бы мнѣ не согласиться на предложеніе Френа; хоть я и не такъ приготовленъ для ученаго путешествія, какъ бы мнѣ самому того хотѣлось, да все же таки могу что нибудь сдѣлать въ странѣ, которой такое описаніе должно прибавить хоть какое нибудь новое свѣдѣніе; притомъ же терять мнѣ нечего, а пріобрѣсть можно многое, начиная съ опытности въ жизни до знанія востока. Я рѣшился. На другой день я явился къ Френу, и изъявилъ ему мое согласіе, прибавивъ, что готовъ на свой счетъ принять половину издержекъ поѣздки. Онъ былъ чрезвычайно радъ, сказалъ что Министерство не допуститъ до этого, заплатитъ мнѣ всѣ издержки путешествія и, кромѣ того, купитъ всѣ монеты, рукописи и проч., которыя я оттуда вывезу, и сказалъ что завтра же самъ со мною поѣдетъ къ Министру, а если нельзя будетъ, то дастъ мнѣ къ нему письмо. Я снова явился въ девять часовъ утромъ къ Френу, чтобы отъ него,

съ нимъ самимъ или съ письмомъ его, отправиться къ представителю народнаго просвѣщенія.

Френъ самъ ѣхать не могъ, а далъ мнѣ письмо къ Уварову. Онъ писалъ къ нему о важности предстоящаго случая для совершенія открытій географическихъ и археографическихъ, сожалѣлъ что Академія не знала объ отправляющейся экспедиціи раньше, и прибавлялъ, что «было бы почти непростительно для Россіи не воспользоваться этимъ случаемъ для обогащенія науки». — «Я, съ своей стороны», прибавлялъ онъ, «желая для своей науки воспользоваться экспедиціею, радъ что нашелъ молодаго оріенталиста, который и проч., и счелъ своимъ долгомъ ходатайствовать передъ Вашимъ Высокопревосходительствомъ объ отправленіи г. Савельева на счетъ Академіи». Это читалъ мнѣ самъ Френъ. Я отправился къ Министру. Онъ въ то утро никого не принималъ, и я долженъ былъ оставить письмо. Комовскій (Правитель Канцеляріи) сказалъ, чтобъ я зашелъ за отвѣтомъ черезъ день или черезъ два. На другой день Комовскій сказалъ, что Министръ съ своей стороны согласенъ на предложеніе Френа, и уже послалъ запросъ къ Вице-канцлеру, можно ли причислить меня къ отправляющейся въ Бухару экспедиціи. Между тѣмъ я познакомился съ Ковалевскимъ, который также совершилъ уже ученое путешествіе въ Черногорію, для изслѣдованія ея въ геогностическомъ отношеніи. Онъ читалъ Мейндорфа и Борнса, по указанію Френа; былъ весьма радъ имѣть себѣ новаго товарища и хотѣлъ самъ постараться обо мнѣ въ Азіятскомъ департаментѣ. У Демезона я составилъ смѣту, чего

будетъ стоить поѣздка, и распрашивалъ, какъ себя вести въ Бухарѣ. У Френа взялъ кипу книгъ, гдѣ только есть рѣчь о Мавераннагрѣ, и принялся зубрить ихъ. Кромѣ того всякій день ходилъ въ Канцеляріи Вице-канцлера и Министра, въ Азіятскій департаментъ и къ Френу. Дня три я ходилъ съ большимъ терпѣніемъ, но наконецъ оно готово было лопнуть: нигдѣ не знаютъ, полученъ ли запросъ, есть ли отвѣтъ. А время между тѣмъ текло: Ковалевскій долженъ былъ уѣхать черезъ два дня, но онъ останется дня три въ Москвѣ, и недѣлю или болѣе въ Оренбургѣ, гдѣ ожидали его Бухарскіе посланцы, — слѣдовательно я имѣлъ бы еще достаточно времени застать его въ Оренбургѣ, если бы получилъ часть прогоновъ, подорожную и проч. черезъ недѣлю. Наконецъ я сказалъ Комовскому, нельзя ли повторить запросъ, когда на него нѣтъ отвѣта. Онъ отвѣчалъ, что такъ не водится, и отвѣтъ какой нибудь долженъ же послѣдовать. Между тѣмъ протекла ровно недѣля. Я отправился прямо къ Директору Азіятскаго департамента. Онъ отвѣчалъ, что «отвѣта отъ г. Вице-канцлера не послѣдовало». На другой день отъ него тотъ же отвѣтъ, на третій тоже самое. Наконецъ Френъ, будучи у Министра, узналъ, что Вице-канцлеръ сказалъ ему, что никого нельзя отправить въ Бухару по «политическимъ причинамъ». И вотъ, я опять пишу къ тебѣ изъ Петербурга, а не изъ Оренбурга. Впрочемъ, двѣ недѣли времени, которыя я исключительно употребилъ на приготовленія себя къ поѣздкѣ въ Бухару, не пропали совсѣмъ безъ пользы: я по крайней мѣрѣ пожилъ прекрасною надеждою сдѣлать что нибудь полезное для науки, и извѣдать полу-

неизвѣстный край, и кромѣ множества вычитанныхъ свѣдѣній о Мавераннагрѣ, пріобрѣлъ, какъ видишь, практическую опытность въ Азіятской политикѣ».

Казалось, все уже было кончено для Савельева относительно путешествія по Мавераннагру: такъ нѣтъ, нѣсколько разъ еще улыбалась ему эта надежда. Отъ 29 мая того же 1839 года получено было мною отъ Савельева слѣдующее письмо, начатое по Русски, конченное по Французски:

«Я не думаю чтобы тебя не интересовало тоже самое, что для меня кажется интересенымъ, и потому это письмо начинаю тѣмъ же предметомъ, о которомъ трактовалъ въ предшествовавшемъ, которое я кончилъ кажется разрушеніемъ моихъ надеждъ. Прошло дней пять. Получаю записку отъ Френа: «Mon cher M. Savélief venez, je vous prie, me voir aujourd'hui ou demain: j'ai une nouvelle proposition à vous faire relativement à la Boukharie, etc.». Я, разумѣется, спѣшу на приглашеніе, ломая себѣ дорогой голову разными предположеніями. Являюсь. Френъ говоритъ, что такъ какъ онъ увѣренъ, что я охотно соглашусь на всякую поѣздку въ Среднюю Азію, съ ученой цѣлью, то онъ нашелъ для меня новый способъ совершить путешествіе въ Бухару. Я слушаю со вниманіемъ. Вотъ въ чемъ дѣло. «Mr. Чихачовъ, dont vous avez certainement entendu parler, a proposé à l'Académie de lui fournir des renseignements sur les contrées qu'il désire parcourir, savoir la Boukharie, le Mavérannehr en général et le Tubet, et il désirerait qu'on lui désignâ un orientaliste pour compagnon de voyage. Je pense que c'est une belle occasion pour

en profiter, d'autant plus que l'Académie vous rembourserait tous les frais du voyage». — Je consens et je cours chez Чихачовъ, demeurant à la Liteïnaïa dans une mansarde, comme un savant. C'est un jeune et bel homme de trente ans, de haute taille, ayant de très belles moustaches. Or vous savez qu'il a servi dans la garde, et c'est l'unique exemple d'un officier riche faisant des voyages scientifiques pour son propre plaisir. Il a déjà parcouru toute l'Amérique depuis le Canada jusqu'au cap Horn, et de retour à Pétersbourg, il ne pensait qu'à faire un nouveau voyage dans quelque pays peu connu. Il se résolut enfin en faveur du Tubet, et proposa son plan à la sanction du Ministère des affaires étrangères. On y trouva impossibilité politique, et il lui fut proposé de pénétrer au Tubet du côté des Indes (Чихачовъ voulait passer par la Perse, où il se présente plus d'occasions pour pénétrer dans le pays du Dalaï-Lama). Comme cela serait se jeter soi-même dans le gouffre de l'animosité des Anglais, Чихачовъ renonça à la proposition *). Depuis quinze jours le Ministère lui proposa derechef de faire son voyage par Orenbourg, et c'est à cette occasion qu'il fit connaître ses plans à l'Académie. Je l'ai trouvé entouré de cartes géographiques. Il était bien aise de trouver un jeune compagnon de voyage, et nous causâmes une bonne demi-heure sur le voyage que nous allions faire. D'ailleurs il ne savait encore rien sur la décision du Ministère, vu que ce n'était qu'une simple proposition

*) Для путешествія черезъ Персію дѣйствительно имѣлись въ виду препятствія, и весьма уважительныя, тогда какъ путь черезъ Индію не былъ сопряженъ ни съ какими особыми опасностями: доказательствомъ тому путешествіе князя А. Д. Салтыкова.

qu'on lui a faite, et que la permission réelle se ferait peut-être attendre pendant quelques mois. En attendant il me conseilla de me préparer pour le voyage, ce que je fis pendant huit jours, en lisant les ouvrages géographiques relatifs au Mavéranuehr, au Turkistan et au Tubet (nous décidâmes d'y pénétrer par le nord, à travers le Turkistan chinois). Enfin, étant un jour chez Fraehn, j'appris que Чихачовъ paraît avoir abandonné son plan, je ne sais pour quel motif, et Fraehn me proposa de faire une troisième tentative pour aboutir à réaliser notre désir commun: il s'agissait de l'expédition au lac d'Aral, dont vous avez certainement entendu parler l'année passée. L'expédition doit partir au mois d'octobre. J'y ai consenti, et Fraehn, à la dernière séance de l'Académie, proposa de m'adjoindre à l'expédition en qualité d'antiquaire. Me voilà donc devenu antiquaire! Les académiciens n'ont jusqu'à-présent rien decidé en ce qui concerne ceux qui doivent en faire partie. Baer paraît même renoncer à sa participation comme naturaliste, la saison d'hiver n'étant guère favorable pour les observations physiques. En tout cas l'expédition aura lieu, et une somme de vingt à trente mille roubles est déjà assignée par l'Empereur pour la partie scientifique. Fraehn m'assura que je partirai, quoiqu'il ne sache lui-même rien de positif. En attendant il m'a donné un tas d'ouvrages relatifs au lac d'Aral et au Mavérannehr, et j'ai aussi commencé à m'occuper de numismatique orientale d'après les ouvrages de Tychsen, de Hallenberg et de Fraehn, qui m'a aussi prêté quelques monnaies à déchiffrer. Je m'occupe beaucoup du turc-djagataï en lisant Aboul-ghazi, et j'ai l'intention de commencer dès la semaine prochaine d'aller voir chaque

soirée Kostaki ou votre moullah, pour pouvoir, dans quelques mois, m'expliquer avec les Kirghizes. Fraehn croit qu'il se présenterait mainte occasion de m'envoyer des bords d'Aral à Boukhara, et c'est dans ce but qu'il me promit de me donner des lettres de recommandation pour le général Pérofski. J'aurai donc, peut-être, le plaisir de rencontrer à Boukhara le capitaine Kowalewski. Rien n'est sûr ici-bas, et je crains même d'échouer dans cette troisième entreprise, comme dans les deux premières. Toutefois je m'y prépare avec zèle et amour, et si je ne pars pas, j'aurai toujours gagné beaucoup de connaissances spéciales, qu'autrement je n'aurais pas acquises. J'ai, par exemple, copié tous les textes arabes, persans et turks relatifs au Mavérannehr, et je copierai encore ceux qui ont rapport à Khiva. Je pourrai en former un beau jour un bon ouvrage sur le Mavérannehr et le Khârezm, qui serait un code de toutes les notions orientales et occidentales sur la Boukharie et la Khivie. Quant à mon voyage en Allemagne, je ne sais comment je le ferai: si je pars pour le lac d'Aral au mois d'octobre, je n'en serai de retour que dans six ou huit mois, et alors je devrai remettre mon voyage européen pour l'année prochaine; mais si j'apprends que l'expédition d'Aral a échoué, je partirai pour Berlin au mois d'aôut ou au commencement de septembre; je serais même plus content de pouvoir me rendre en Prusse, où je ne manquerai pas de ressources scientifiques, et où je m'occuperai avec le plus grand zèle possible des langues classiques et des antiquités».

Всѣ эти расчеты оказались несостоятельными изъ за того что экспедиція откладывалась, откладывалась и на-

конецъ вовсе не состоялась: въ третій разъ съ ряду ожиданія П. С. были обмануты а между тѣмъ прошло болѣе года, въ теченіе котораго онъ только и жилъ что этими ожиданіями, приготовляя себя путешествовать по Средней Азіи съ наивозможно бо́льшею пользою. Отъ 9 і[illegible] писалъ онъ ко мнѣ: «. . Во всякомъ случаѣ я пишу къ тебѣ можетъ быть послѣдній разъ изъ Петербурга. Мы, т. е. Аральскіе путешественники (Аемусенъ — геогностъ, Савичъ — астрономъ, натуралистъ — кажется Кесслеръ, рисовальщикъ, я — археологъ, и проч.) отправимся отсюда въ концѣ сентября. Это рѣшено».

Отъ 22 августа: « . . . Слышалъ ты о дагерротипѣ, этомъ чудномъ открытіи, которое принесетъ столько пользы наукѣ и искуству? Ты знаешь, что Англійскій физикъ Talbot также представилъ Лондонскому Royal Society свой свѣтописный приборъ. Такъ какъ дагерротипы еще не продаются, то я выписалъ себѣ приборъ Тальбота, и въ лѣтніе солнечные дни производилъ опыты свѣтописи, надѣясь что это можетъ быть мнѣ полезно въ путешествіи для снятія видовъ, древностей, надписей, и т. п. Но какъ я ошибся! Способъ Тальбота годится только для снимки рисунковъ, да и тѣ выходятъ не ясно, тѣни бѣлыми чертами, а бѣлыя мѣста̀ — темными. Въ Академіи полученъ экземпляръ дагерротипа настоящаго. Я еще не видалъ его. Если же будетъ соотвѣтствовать моимъ цѣлямъ, то выпишу его, и по возвращеніи изъ путешествія привезу съ собой весь Мавераннагръ въ портфелѣ».

Отъ 5 сентября: « . . . Мои нумизматическія занятія идутъ медленно: изъ тринадцати монетъ, данныхъ мнѣ

Френомъ, я съ горемъ пополамъ едва разобралъ десятокъ; за то географія Мавераннагра и Харезма подвигается впередъ: я собралъ порядочную тетрадь выписокъ, и ужь имѣю претензіи на кой какія мелочныя открытія. Жаль, что бывши въ Константинополѣ ты не купилъ Джиганъ-нумы. Книга для меня теперь драгоцѣнная, тѣмъ болѣе что въ Академіи одинъ только экземпляръ ея, и тотъ въ рукахъ то у Френа, то у Дорна. Если будетъ время, переведи для меня отъ скуки главу о Мавераннагрѣ и Харезмѣ. Впрочемъ, недѣли черезъ двѣ или три Академическій экземпляръ будетъ свободенъ отъ постоя».

Отъ 21 октября: «... Кстати о Френѣ. Я, какъ нельзя болѣе доволенъ, что сблизился съ нимъ. Я еще ни въ комъ до сихъ поръ не встрѣчалъ такой благородной готовности служить своими свѣдѣніями другому, и доставлять и облегчать ихъ пріобрѣтеніе, какъ въ этомъ добромъ старикѣ, котораго истинно уважаю. На этой недѣлѣ я получилъ новое доказательство его благорасположенія. Мы какъ то разговорились о новыхъ журналахъ и я сказалъ что получаю только Journal Asiatique, да и тотъ не во время. Френъ сказалъ мнѣ тогда, что испроситъ у Академіи позволеніе для меня читать всѣ новые журналы и газеты, какіе только получаетъ Академія. Я первый изъ постороннихъ получу это право. Такая внимательность не можетъ не быть пріятна..... О такъ называемой «Аральской экспедиціи» слухи замолкли. Между тѣмъ планъ ея и имена участвующихъ давно утверждены Государемъ. Разумѣется, мнѣ будетъ ужасно досадно, если экспедиція не будетъ имѣть мѣста, и мои надежды на совершеніе полезнаго пу-

тешествія рушатся въ третій разъ въ нынѣшнемъ году; но время употребленное мною на приготовленія къ ней не будетъ потеряно, и книга объ Узбекистанѣ не будетъ безполезна. Мой планъ — издать «Géographie comparée de l'Ouzbékistan, depuis les temps les plus reculés jusqu'à nos jours»; съ картами и планами. Это будетъ сборникъ всего, что только до сихъ поръ извѣстно объ Узбекистанѣ, расположенный систематически, съ критическою обработкою матеріаловъ. Отъ Іакинѳа и Даніила (Казанскаго) надѣюсь получить много Китайскихъ свѣдѣній о краѣ... Но такъ какъ я не могу заниматься постоянно однимъ предметомъ, то случается что дня по три, по четыре не принимаюсь за мой Узбекистанъ. Для отвращенія этого и чтобы не терять времени на чтеніе безцѣльное и безсистемное, хочу, въ первый разъ какъ увижу Френа, предложить ему, что если Академія готова на свой счетъ издать книгу, я примусь за составленіе Collectanea изъ его Ибнъ-Фодлана и другихъ трактатовъ о Русской исторіи. Это трудъ легкій, можетъ быть скоро конченъ, и будетъ разнообразить мои занятія. Я думаю соединить извѣстія не объ однихъ Руссахъ и Славянахъ, но также и обо всѣхъ народахъ обитавшихъ въ Россіи: Булгарахъ, Печенѣгахъ, Буртасахъ, Хазарахъ. Выводя на сцену послѣднихъ, я заѣду въ твою область. О системѣ, въ которой должно расположить эти свѣдѣнія, надобно хорошенько подумать. Напиши, что думаешь объ этомъ?»

Отъ 7 ноября: «Сегоднешній день — историческій для Петербурга: исполнилось пятнадцать лѣтъ какъ было наводненіе, котораго твой другъ, тогда еще съ тобою незна-

комый, едва также не сдѣлался жертвою. Онъ отправился изъ пансіона домой на извощичьихъ дрожкахъ, и едва не былъ смытъ съ дрожекъ прибывающею водою. Хорошо что онъ проѣзжалъ тогда мимо знакомаго дома, и его зазвали туда, перебросивъ доску съ подъѣзда на дрожки. Кто бы писалъ тебѣ теперь столько писемъ!... Я все еще боленъ, и не выхожу изъ комнаты. Читаю разныя путешествія по Средней Азіи, а иногда и романы, только не Русскіе... Поговоримъ о предметѣ, о которомъ мы такъ часто толковали изустно, и еще ни разу на бумагѣ. Что̀ дѣлаютъ наши библіотеки, есть ли въ нихъ новыя замѣчательныя книги, какія именно?... Не покупая книгъ, я сталъ гораздо болѣе читать ихъ. Въ этомъ отношеніи Френъ съ своимъ Музеумомъ—неизсякаемый кладезь. Въ годъ я перебралъ отъ него съ добрую сотню книгъ и рукописей. Теперь у меня на столѣ съ двадцать казенныхъ и Френовыхъ книгъ; между ними одна рукопись Бируни. А монеты, числомъ 35, лежатъ у меня съ полгода, и я — чортъ знаетъ почему — не могу съ ними развязаться: что то не лежитъ сердце къ любезнѣйшей и худощавѣйшей нумизматикѣ».

Кто бы подумалъ, читая такіе отзывы Савельева о нумизматикѣ, что онъ пристрастится къ ней со временемъ; что за дешифрированіемъ монетъ будетъ просиживать ночи, дрожа отъ ожиданія напасть на какія нибудь anecdota; что, не могши справиться въ полгода съ нѣсколькими десятками, онъ будетъ разбирать ихъ въ сутки по сотнямъ! Дѣло въ томъ, что онъ не видѣлъ еще въ нумизматикѣ исторической науки, что монеты не представлялись еще

ему какъ источникъ для открытій въ тѣхъ темныхъ областяхъ прошлаго, куда любилъ онъ преимущественно направлять свои розысканія. Нумизматика же сама по себѣ, какъ знаніе о монетахъ, безъ отношенія къ историческимъ выводамъ, не имѣла въ глазахъ его никогда никакой цѣны.

Отъ 27 ноября: «. . Чувствовалъ ли ты всю прелесть «дорожниковъ» (routiers)? «Отъ Махрама до Шахабада 3 фарсанга, а отъ Шахабада до Бешарыка 4 коса, а отсюда до Ходженда 1 мерхеле» и т. д.? Я такъ напитанъ поэзіей этихъ итинераріевъ, писанныхъ бо̀льшею частію полуграмотными путешественниками! До сотни ихъ проглотилъ съ жадностію, и множество переписалъ и конфронтировалъ. Что̀ въ мірѣ не имѣетъ своей занимательной стороны? Даже глупѣйшіе дорожники... Въ Академіи почти всякое засѣданіе толкуютъ объ «ученой Хивинской экспедиціи», готовятся, но сами не знаютъ, когда повелѣно будетъ ее отправить, и будетъ ли еще повелѣно. На запросы о ней, которые давалъ я Ковалинскому въ Оренбургъ, тотъ не отвѣчалъ ни однимъ словомъ. Такая неизвѣстность вовсе для меня не пріятна. Съ начала я съ жаромъ принялся готовиться къ экспедиціи; теперь ужь поостылъ, и забочусь только о собираніи матеріаловъ для своего Узбекистана».

Отъ 14 ноября: «... У меня идутъ три параллельные труда. Géographie historique de l'Usbèkistan — для этого собрана бо̀льшая половина матеріаловъ; конецъ еще далеко впереди. Второй — «Восточная Библіотека для Русской исторіи». Объ ней потолкуемъ побольше послѣ. Тре-

тій — Bibliotheca или Litteratura orientalis, въ родѣ Аделунговой Bibliotheca Sanscrita. Я объ ней часто думалъ и прежде. Теперь совѣтуетъ мнѣ сдѣлать это Френъ. Между другими занятіями этотъ каталожный трудъ идетъ незамѣтно. Трудъ чернорабочій, но преполезный.... Читая часто тексты, я пріучился понимать по Арабски, въ чемъ было нѣкогда совсѣмъ отчаявался. Недавно я страницъ съ десятокъ продулъ въ Ибнъ-эль-Варди (рукописи), безъ помощи лексикона. Правда, тамъ только и говорилось, что: «на сѣверъ оттуда то столько мерхеле, черезъ такія то мѣста и народы, а эти народы такіе то», но все утѣшительно подвигаться. Ты не имѣлъ никогда въ рукахъ Ибнъ-эль-Варди. Въ немъ есть много важныхъ извѣстій для географіи Средней Азіи. Впрочемъ, доселѣ я еще не ясно понимаю и отличаю этихъ Тагазгàзъ, Хазлуджіе, Яджуджей и Маджуджей, и тому подобныхъ франтовъ. Но географическое ихъ положеніе опредѣлить можно по этимъ извѣстіямъ, хоть приблизительно. Китайцы доставляютъ для моего предмета пречудныя извѣстія: надобно только умѣть ими воспользоваться. Не знаю, а можетъ быть возьмусь за Китайскую грамоту чтобы выучиться ей на время составленія книги, для которой она нужна. Прочти разсужденія Абель Ремюза: Sur l'extension de l'empire chinois du côté de l'occident (въ Mémoires de l'Institut) — это преинтересно. Жаль, что другой кто нибудь послѣ него не обработалъ такимъ образомъ Китайскія извѣстія о чужестранцахъ. Выигрышь для географіи былъ бы огромный, для исторіи не меньше. Іакинѳъ безтолковъ въ своихъ объясненіяхъ, и не имѣетъ понятія о критикѣ, такъ что нерѣдко его извѣ-

4*

стіями не знаешь какъ и пользоваться.... Декларація войны Хивѣ наконецъ была напечатана. Ты вѣроятно читалъ ее въ газетахъ. Значитъ, будутъ печататься и реляціи. Это интересно, особенно для меня. А объ ученой экспедиціи все таки ничего не слышно».

Не смотря на неудавшіяся попытки къ ученому путешествію, 1839-й годъ былъ однимъ изъ лучшихъ въ жизни Савельева: онъ прожилъ его въ благородныхъ надеждахъ, многому выучился, положилъ начало нѣсколькимъ дѣльнымъ трудамъ *), отдохнулъ отъ утомительной и безплодной для него журнальной работы трехъ предшествовавшихъ годовъ. Но постоянно упорный трудъ какъ то не въ духѣ Русскаго человѣка, работающаго — если только онъ работаетъ — не хладнокровно и спокойно, а со страстью, съ лихорадочною дрожью, сильно изнуряющими и духъ, и тѣло; отъ того за періодомъ напряженнаго труда слѣдуетъ у него нерѣдко періодъ бездѣлья, въ слѣдствіе усталости. Такъ было въ нѣкоторой мѣрѣ и съ Савельевымъ; да, сверхъ того, усидчивостію въ теченіе цѣлаго года нажилъ онъ, при полнокровіи своемъ, общіе Петербургскимъ труженикамъ геморроидальные недуги, не позволявшіе уже ему потомъ предаваться занятіямъ съ прежнимъ увлеченіемъ. Долго лишенный отрады устной бесѣды съ человѣкомъ, которому привыкъ передавать все что интересовало его и волновало, Савельевъ вполнѣ предался этому наслажденію когда я пріѣхалъ въ Петербургъ къ началу 1840 года, и

*) Труды эти, впрочемъ, не явились на свѣтъ; въ бумагахъ, оставшихся послѣ П. С., я нашелъ только съ десятокъ тетрадей относящихся къ нимъ выписокъ изъ восточныхъ географовъ и путешественниковъ.

съ легкой руки моей пустился во всѣ развлеченія. «Съ твоего пріѣзда» — писалъ онъ ко мнѣ отъ 3 марта, по возвращеніи моемъ въ Одессу — «я рѣшительно облѣнился, и съ тѣмъ же безпристрастіемъ, съ какимъ прежде похвалялъ себя за дѣятельность, долженъ теперь ругать свою особу за бездѣйствіе. До сихъ поръ, т. е. съ новаго года по великій постъ, круглыхъ два мѣсяца, я ничего не дѣлалъ: почти каждый день плясалъ, былъ въ гостяхъ, въ клубахъ, на обѣдахъ, въ театрахъ, концертахъ и маскарадахъ; и хотя это имѣетъ свои немаловажныя причины, но тѣмъ не менѣе неизвинительно въ отношеніи презрѣнія въ тоже время всякихъ дѣльныхъ занятій. Причиной моей безалаберности то, что сестра моя выходитъ за мужъ. Я радъ, что наконецъ кончились всѣ эти вечера и веселья. Не повѣришь, какъ надоѣли! Ужъ лучше даже вѣчно статьи писать, нежели вертѣться въ омутѣ свѣтскихъ удовольствій. Теперь впрочемъ вхожу въ прежнюю свою колею. Но геморрой у меня такъ усилился, что иногда ни стоять, ни сидѣть не возможно. Хожу много пѣшкомъ, иногда ѣзжу верхомъ, пью воду ведрами, — и все нѣтъ проку».

Съ 1840 году я не нахожу уже въ письмахъ Савельева ко мнѣ прежнихъ подробностей объ его занятіяхъ; изрѣдка только встрѣчается по нѣскольку словъ объ этомъ предметѣ, сказанныхъ мимоходомъ; изъ нихъ видно впрочемъ, что если онъ и не работалъ уже съ такою какъ прежде ревностію, все же не оставлялъ предпринятыхъ ученыхъ трудовъ. Вотъ нѣсколько извѣстій такого рода, съ примѣсью иныхъ:

«Я тебѣ отъ того такъ долго не писалъ, что занятъ былъ чтеніемъ и выписками изъ Якута, котораго взялъ на срокъ. Драгоцѣнныя извѣстія! Издаютъ глупѣйшіе тексты, а такая книга какъ Якутовъ Словарь до сихъ поръ еще не напечатана! Совѣтую прочесть его тебѣ, когда будешь еще писать о чемъ бы то ни было географическомъ. Я нашелъ въ немъ бездну для меня новаго. Напримѣръ, знаешь ли ты, что существовала когда то особенная تاريخ صقالبه? Кажется и Френъ нигдѣ о ней не упоминаетъ. Въ одномъ первомъ томѣ я уже нашелъ названій болѣе ста разныхъ городовъ Средней Азіи, о которыхъ другіе не упоминаютъ. Френъ очень доволенъ твоимъ Константинопольскимъ каталогомъ рукописей: онъ его теперь только что просмотрѣлъ, и замѣтилъ въ немъ много примѣчательностей, какъ напримѣръ Якутовъ Словарь и нѣкоторыя другія. «Не худо бы съѣздить въ Константинополь и конфронтировать эти рукописи съ нашими и изданными текстами». Это онъ мнѣ предлагаетъ; предложитъ и тебѣ вторичную поѣздку. Я вообще замѣтилъ, что нашъ добрый старикъ легко увлекается послѣдними впечатлѣніями. Это немного по нашему. «Не худо бы и то сдѣлать! Да вотъ и это прекрасно, сдѣлайте!» и т. п. (изъ письма отъ 20 марта).

«Заѣзжалъ на дняхъ къ Сенковскому, у котораго больше года не былъ: онъ любезенъ по прежнему, но лѣнится не хуже нашего... Поѣдешь ли ты лѣтомъ въ Крымъ? Я такъ не знаю гдѣ буду лѣтомъ,—вѣроятно не дальше Парголова, гдѣ буду жить съ сестрою. Когда нибудь надобно однако же пуститься въ давно задуманные пути. Эти пла-

ны, кажется, исполнятся наконецъ въ будущемъ году. О Хивѣ, Константинополѣ, Копенгагенѣ и другихъ академическихъ поѣздкахъ нѣчего и думать: онѣ существуютъ только на словахъ. И того довольно. Фрусъ недавно мнѣ сказалъ, что ученая Хивинская экспедиція по видимому не состоится. Кстати о Хивѣ; при этомъ письмѣ посылаю тебѣ планъ Хивы, который приложенъ будетъ къ моей статьѣ обѣщанной Очкину для С.-Петербургскихъ Вѣдомостей. Не забудь прислать статью о Хивѣ, которую ты мнѣ обѣщалъ. Я съ нетерпѣніемъ ее ожидаю» (изъ писемъ отъ 25 апрѣля и 5 мая).

«Я написалъ нѣсколько рецензій для Журнала М. н. п., читаю теперь Истахри, ci-devant Ибнъ-Хаукалъ, и сравниваю текстъ литографированный Мёллеромъ съ изданіемъ Ouseley'я. Это сравненіе и нѣкоторые тексты Истахри въ Якутѣ могутъ послужить къ составленію дѣльной статьи о степени сходства текстовъ и переводовъ Истахрія и Ибнъ-Хаукала, которыхъ до сихъ поръ смѣшивали и еще недостаточно отдѣлили. Въ Якутѣ я нашелъ извѣстіе объ Истахри, котораго не зналъ Moeller, его издатель.... Я можетъ быть перейду въ Азіятскій Департаментъ, если не найду штатнаго мѣста при Академіи, потому что исполнилось уже три года моего служенія при Комитетѣ Правленія» (изъ писемъ отъ 10 и 13 мая).

«Работаемъ по немногу; пляшемъ столько же; вистуемъ очень рѣдко. Теперь настаетъ уже лѣто. Мы, съ братомъ, пустимся путешествовать по окрестностямъ Петербурга. Эти прогулки будутъ полезны для моего геморроя, который меня все еще безпокоитъ, хотя теперь рѣже...

Мухина и Сиди Тантавви ждемъ съ нетерпѣніемъ... Что до меня касается, то я, вашъ покорнѣйшій слуга, Коллежскій Секретарь Павелъ Степановъ сынъ Савельевъ, перехожу на дняхъ — не въ Азіятскій Департаментъ, какъ я тебѣ писалъ, а въ Археографическую Коммисію. Вотъ какъ это случилось. Я шелъ къ сестрѣ по Чернышеву переулку, и встрѣтилъ Бередникова. Разговорились. Онъ спросилъ гдѣ я служу. Я сказалъ, что хочу куда нибудь перейти изъ Комитета Академіи. Тогда предложилъ онъ мнѣ мѣсто въ своей Коммисіи, обѣщая въ скоромъ времени утвердить членомъ ея. Дѣла довольно. Прежде всего нужно научиться разбирать старинные столбцы; потомъ поручатъ какое нибудь изданіе. Я согласился. Опредѣленіе послано на утвержденіе къ Министру» (изъ писемъ отъ 20 мая и 4 іюня).

«Я писалъ тебѣ о переходѣ моемъ въ Археографическую Коммисію. Бередниковъ и Ширинскій-Шихматовъ обѣщаютъ сдѣлать меня вскорѣ членомъ, и разсылать по разнымъ городамъ и странамъ, для списыванія и описыванія актовъ. Но я не прежде перейду къ нимъ какъ въ августѣ мѣсяцѣ, потому что изъ Академіи взялъ уже отпускъ до исхода августа «для отправленія въ Остзейскія губерніи, Финляндію, Швецію и Данію». Гдѣ успѣю болѣе всего пробыть— не знаю. Въ Стокгольмѣ и Упсалѣ осмотрю библіотеки. Въ Гельсингфорсѣ буду свидѣтелемъ 200-лѣтняго юбилея Александровскаго (бывшаго Абовскаго) университета. Въ Копенгагенѣ, если время позволитъ тамъ быть, застану коронацію. Отправляюсь 26 или 27 этого мѣсяца, на пароходѣ. Чтобы съ толкомъ путешествовать, я

прочелъ нѣсколько описаній Финляндіи и Швеціи, сижу надъ Шведскою грамматикою, чтобы черезъ мѣсяцъ времени можно было отпускать Шведскія фразы... А сколько привезу я съ собою разныхъ диссертацій. Упсальскіе профессоры много въ свое время и о востокѣ издавали. Andreas Xylander, издатель Ибнъ-эль-Варди, и нѣкоторые другіе старики, извѣстны. Вѣроятно и теперь есть тамъ оріенталистѣі. Френъ обѣщалъ мнѣ дать туда рекомендательныя письма, и описаніе восточныхъ рукописей тамошней библіотеки» (изъ писемъ отъ 8 и 14 іюня).

Наконецъ, удалось таки Савельеву вырваться изъ Петербурга. Отъ 4 іюля получилъ я отъ него коротенькую записочку изъ Гельсингфорса; отъ 20 іюля — длинное письмо изъ Дерпта. Но тѣмъ и ограничилась поѣздка: ни въ Швецію, ни въ Данію онъ не попалъ. По какой причинѣ — пусть объяснитъ самъ несостоявшійся путешественникъ:

«Я съ братомъ выѣхалъ изъ Питера съ рѣшительнымъ намѣреніемъ ѣхать въ Стокгольмъ и Упсалу; но какъ Министра не было въ столицѣ, то Академія не могла выдать мнѣ заграничный отпускъ, а дала только отпускъ въ Финляндію и Эстляндію, увѣряя что паспортъ я могу получить въ Гельсингфорсѣ, изъ канцеляріи военнаго генералъ губернатора. Пріѣзжаю въ Гельсингфорсъ и справляюсь въ канцеляріи, и у гражданскаго губернатора — рѣшительный отказъ: съ прошлаго лѣта строжайше запрещено выдавать заграничные паспорты не Финляндскимъ уроженцамъ. Соловьевъ, профессоръ, также хлопоталъ за меня, потому что ему очень хотѣ-

лось ѣхать вмѣстѣ со мною, но и. онъ не могъ успѣть. Съ досады я тотчасъ же сѣлъ на пароходъ и отправился въ Ревель. Здѣсь мы встрѣтились съ нѣсколькими Дерптскими студентами, съ которыми познакомились еще въ Гельсингфорсѣ, и они пригласили насъ къ себѣ въ гости. Вчера пріѣхали мы въ Дерптъ и останемся здѣсь дня четыре... Вотъ фактъ, который мы отчасти сами замѣтили, но подробнѣе узнали отъ здѣшнихъ жителей—фактъ важный и для насъ утѣшительный: Дерптъ русѣетъ съ каждымъ годомъ. Всѣ студенты знаютъ по Русски болѣе или менѣе, многіе даже очень хорошо, тогда какъ за пять лѣтъ здѣсь никто и не думалъ о Русскомъ языкѣ. Теперь же, во многихъ домàхъ, нарочно держатъ Русскую прислугу и выписываютъ нянекъ изъ Петербурга, чтобы дѣтей съ молодости пріучать говорить по Русски. Это чрезвычайно пріятно видѣть... Въ Гельсингфорсѣ мы пробыли слишкомъ двѣ недѣли, и не видѣли какъ протекло это время. Ты уже знаешь что здѣшній университетъ праздновалъ свой 200-лѣтній юбилей. Цѣлую недѣлю продолжались торжества—ученыя процессіи, обѣды, балы, пальба, гулянье. Промоція докторовъ и магистровъ, обрядъ среднихъ вѣковъ, очень торжественна и imposante. Участіе, которое весь городъ и всѣ сословія принимали въ праздновaніи, достойно всякаго подражанія. Дѣвицы плели лавровые вѣнки для увѣнчанія магистровъ и пѣли хоромъ при ихъ коронованіи; тысячи дамъ присутствовали при церемоніи и чтеніи рѣчей. Ремесленники не хотѣли ничего работать по случаю докторскихъ промоцій. Частные люди, клубы и купеческое общество соревновали въ блескѣ баловъ.

Пріѣзжихъ было бездна. Нашь Плетневъ получилъ почетную докторскую шляпу. Гдѣ нибудь подробно опишу всѣ церемоніи и устройство университета, и пришлю къ тебѣ особый оттискъ. Описывать такія вещи въ дружескомъ письмѣ довольно скучно. Вообще Гельсингфорсъ мнѣ и всѣмъ, кого только я зналъ, чрезвычайно понравился. Дешевизна многихъ вещей—необыкновенная, честность народа—едва вѣроятная, любезность и обходительность — французская, красота женщинъ — почти баснословная. Не даромъ Б. влюбился въ Шведовъ, не смотря на то, что воевалъ съ ними. Я самъ отъ души полюбилъ этотъ честный, благородный, любезный народъ. Какое сравненіе съ Ревельскими Нѣмцами!.... Шведы — народъ живой, веселый, легко знакомящійся, который любитъ жить открыто, на распашку. Пріѣхавъ въ Гельсингфорсъ, мы не имѣли тамъ ни одного знакомаго, а уѣзжая оставили ихъ нѣсколько десятковъ, и съ многими изъ нихъ обѣщали вести переписку. Здѣсь накупилъ я и мнѣ надарили много книгъ, картъ и плановъ, — лексиконы и грамматики Финскія и Шведскія, описанія Финляндіи, рѣчи произнесенныя на актахъ и т. п. По Шведски я немного навострился, такъ что могъ нѣсколько объясняться съ своею служанкою; случалось даже объясняться на семъ діалектѣ и съ порядочными дамами во время танцевъ на балу. Myckat brä! На магистерскомъ балу я встрѣтилъ Гейтлина. Съ нимъ была у меня маленькая исторія... Здѣсь, въ Дерптѣ, мы заходили къ Розбергу, Русскому профессору, котораго здѣсь очень любятъ, и, къ сожалѣнію, не застали его дома. Хотѣлъ было я познакомиться съ Крузе, но мнѣ опи-

сали его такими темными красками, что я отдумалъ... Изо всего, что мы здѣсь видимъ и слышимъ, кажется, что студенты здѣшніе нисколько не прилежнѣе и не лучше нашихъ, Петербургскихъ, и что экзамены сходятъ съ рукъ гораздо легче. Громки бубны за горами» (изъ письма отъ 20 іюля, изъ Дерпта).

Освѣжившись нѣсколько описанною прогулкою, къ августу П. С. возвратился въ Петербургъ, и жизнь его потекла прежнею колеею.

«Отъ тебя все еще нѣтъ вѣстей. Между тѣмъ мы кой какъ принялись за дѣло: началъ свои выписки и посѣщаю лекціи Шейха, съ которымъ вскорѣ заговоримъ по Арабски. Мухинъ *) уѣхалъ третьяго дня. Жаль что онъ не могъ здѣсь остаться. Я съ нимъ только два утра могъ провести вмѣстѣ и очень пріятно провелъ ихъ въ многоразличной болтовнѣ. Такъ рѣдко встрѣчаешь порядочныхъ людей, что встрѣтивъ однажды, жалѣешь потомъ, что они должны жить чортъ знаетъ гдѣ, какъ и съ кѣмъ... Шейхъ — прекрасный человѣкъ, любезный, услужливый. Произношеніе его не то, что Сенковскаго, а гораздо мягче, ближе къ Персидскому выговору. Я буду ходить къ нему на домъ: вмѣстѣ съ воспитанниками Института, нечего дѣлать — едва половина изъ нихъ читать умѣетъ... Знаменитый П. въ Петербургѣ. Онъ преловкій купецъ. Въ Константинополѣ его, за глупость, отстранили отъ занятій по миссіи; онъ принялся за торговлю монетами, и Свѣтлицкій увѣрялъ, что

*) Н. Е. Мухинъ — товарищъ нашъ по Петербургскому университету, впрочемъ старшій насъ двумя курсами. Служилъ постоянно на востокѣ, въ послѣднее время — генеральнымъ консуломъ въ Бейрутѣ.

онъ нажилъ отъ нея до сорока тысячь. Вѣрно, назначеніе его быть мѣнялой, а не оріенталистомъ. Онъ умнѣе всѣхъ товарищей своихъ *воспользовался* пребываніемъ на востокѣ... Вообще, по пріѣздѣ, мнѣ что то очень скучно. Ничего не дѣлается, то геморрой мучитъ, то гулять идешь. А поговорить, право, не съ кѣмъ. Захочешь что нибудь написать, подумаешь: «да къ чему это!» и бросишь. Съ горя читаешь себѣ грамматики и рукописи. Написалъ нѣсколько строкъ о Тантавви и отдалъ Очкину, для Спб. Вѣдомостей. Прекрасно написано, литтературно, не по канцелярски и не по Нѣмецки. Похвалить себя хоть самому когда другіе ничего не говорятъ» (изъ письма отъ 16 августа).

«Я до сихъ поръ еще никуда не выхожу, вотъ почти цѣлый мѣсяцъ: все геморрой. Дѣлаю мало дѣльнаго. Во время болѣзни прочелъ двадцать главъ Гиббона и Тацитовы Annales... Кстати, теперь у меня другой начальникъ, который стоитъ К. С.: это Александръ Ивановичь, про котораго сказано въ Сумашедшемъ домѣ — «и К...ій ноздри рвать» (изъ письма отъ 26 сентября).

«Я тебѣ давно писалъ о моей гипотезѣ на счетъ происхожденія Грузинской расы изъ Харезма. Недавно я нашелъ новое тому подтвержденіе: одинъ хроникёръ XV или XIV вѣка говоритъ, что Харезмцы бѣжали отъ завоеваній изъ своей страны, и пошли на Кавказъ, гдѣ извѣстны подъ именемъ Tchurzan — جرزان? Другое такое же маленькое, но для меня столько же пріятное открытіе сдѣлалъ я относительно Руссовъ, читая Гиббона и особенно его примѣчанія: одинъ Римскій писатель III вѣка (кажется около 280 годовъ) упоминаетъ о Руссахъ, Russi, какъ союзникахъ

Саковъ, Saci, безпокоившихъ Имперію. Это мѣсто *никому* изъ писавшихъ о Руссахъ не было извѣстно, и тутъ едва ли не первый разъ упоминается имя Russi... Въ осьмомъ нумерѣ Ж. М. н. пр. есть переводъ Френовой статьи о Кубечахъ. Какъ можно такъ переводить! И еще два сотрудника журнала—оріенталисты! Не приводя многихъ фразъ, которыхъ переводчикъ вовсе не понялъ и исказилъ, укажу на одну интересную ошибку. У Френа была цитата: «Belasory bei D'Ohsson» *Белазори у Доссона* или *по Доссону;* кажется, очень понятная и не трудная фраза; только, по ошибкѣ наборщика или печатника, буква *b* въ словѣ *bei*, перевернулась, и стала другимъ бокомъ, такъ — d. Ученые переводчики не догадались, вмѣсто *bei* прочли *dei*, приняли это за достоинство Арабскаго автора (вѣрно думали что это бывшій Алжирскій дей) и написали тако: «*См. Белазори дей Доссонъ*». Каковы!? Такой удали я впрочемъ не ожидалъ отъ Менцова. Христіанъ Даниловичь будетъ въ отчаяніи отъ такого искаженія его творенія. Я его давно уже не видалъ» (изъ письма отъ 1 октября).

«Я еще не совсѣмъ опредѣленъ въ Цензурный комитетъ и состою «на испытаніи». Я уже составилъ одинъ журналъ засѣданій, къ полному удовольствію предсѣдателя. Знай, какіе мы дѣловые люди! Этотъ предсѣдатель, какъ я уже тебѣ писалъ, — очень уменъ... (изъ письма отъ 21 октября).

Выше упомянулъ я, что съ переходомъ главной редакціи Плюшаровскаго Энц. Лексикона въ руки Сенковскаго, Савельевъ охладѣлъ къ сотрудничеству въ этомъ изданіи. Съ наступленіемъ 1839 года прекратилось и самое

изданіе, за несостоятельностію издателя. Это серьезно огорчило нѣкоторыхъ сотрудниковъ, свыкшихся съ лексиконною работою и видѣвшихъ въ Лексиконѣ предпріятіе крайне полезное для публики. Явились было попытки продолжать изданіе помимо Плюшара. Такъ, съ этою цѣлію, собиралъ къ себѣ на совѣщаніе сотрудниковъ Э. Лексикона Д. И. Языковъ; такъ, говорятъ, за право докончить изданіе, Смирдинъ прощалъ должные ему Плюшаромъ 50,000 р. Но особая, учредившаяся по дѣламъ Плюшара администрація никого не допустила до этого, имѣя въ виду взять на себя продолженіе изданія. Прошелъ однако же и 1839 и 1840 годъ, а ни одного новаго тома Лексикона не являлось. Къ осени 1841 года пошли слухи о возобновленіи Лексикона, и о томъ что главнымъ редакторомъ его будетъ Н. А. Полевой. Кончилось тѣмъ, что главная редакція поручена была совмѣстно Д. И. Языкову и П. С. Савельеву. Послѣдній взялся за нее крайне неохотно, только для того, чтобы отказомъ своимъ не повредить дѣлу, которому душевно желалъ успѣха. «Если буду редакторомъ», писалъ мнѣ Савельевъ, пока продолжались переговоры его съ Плюшаромъ, черезъ Сенковскаго, «то многое перемѣню и главное — толпу сотрудниковъ. Пусть ихъ существуютъ только въ одномъ объявленіи. Само собою разумѣется, что ни г. М., ни многіе другіе не напишутъ при мнѣ ни одной оригинальной статьи, которую можно замѣнить переводною. О добросовѣстности М. можно судить между прочимъ по одному образчику: въ XV томѣ Э. Л. есть статья *Д'Аламберъ*, произведеніе оригинальное въ 400 р. за листъ, съ полною подписью имени

автора, *Ѳ. Н. М.* Но что же? Мало того, что это статья не только переводная, она просто переписана съ Русскаго же, почти буквально, и откуда? Изъ перваго тома того же самаго Энц. Лексикона: см. *Аламбертъ*» (изъ письма отъ 26 ноября). «Объявленіе о продолженіи Энц. Лексикона уже вышло (писалъ далѣе П. С. отъ 17 декабря). Я согласился быть редакторомъ de facto и корредакторомъ по имени. За работу сотрудники еще не принимались. XVII-й томъ былъ почти весь набранъ при Сенковскомъ, но въ два года типографія растеряла почти весь наборъ, такъ что осталось не болѣе десятковъ двухъ статей, листа на три печатныхъ, и то не въ порядкѣ. Надо будетъ заказывать статьи снова, и если томъ успѣетъ выдти въ срокъ, къ святой, то рѣшительно это будетъ подвигъ». Въ спискѣ сотрудниковъ возобновленнаго Лексикона выставлёна была и моя фамилія; но я рѣшительно не хотѣлъ участвовать въ дѣлѣ, за которое и Савельеву не совѣтовалъ браться, предвидя, что оно или не пойдетъ, или отвлечетъ П. С. отъ занятій болѣе для него полезныхъ. Онъ былъ очень недоволенъ, можетъ быть весьма основательно, что я не хотѣлъ принять участія въ томъ, чему онъ, послѣ долгаго колебанія, отдался однако же со всѣмъ жаромъ, и въ наказаніе перестал̀ъ мнѣ писать о ходѣ изданія. Знаю только, что первую половину 1841 года Савельевъ почти всю просидѣлъ за работами по изданію XVII тома Энц. Лексикона. Съ XVIII-го редакція должна была перейти къ Д. И. Языкову. По какимъ это причинамъ, равно какъ и то, почему на XVII-мъ томѣ изданіе остановилось вторично и на этотъ разъ уже окончательно, мнѣ неизвѣстно. Безъ сомнѣнія, П. С. раз-

сказалъ мнѣ обо всемъ этомъ весьма подробно, когда я лѣтомъ 1841 года, опять пріѣзжалъ въ Петербургъ; но я рѣшительно все перезабылъ. Съ возвращенія моего въ Одессу изъ этой поѣздки, переписка между мною и П. С. утратила прежнюю живость. Вмѣсто нѣсколькихъ писемъ въ мѣсяцъ, мы стали писать другъ другу по нѣскольку разъ въ годъ, и въ письмахъ его изъ этого періода обоюдной лѣни не нахожу я почти ничего о серьезныхъ занятіяхъ его за это время: работы по Э. Л., какъ я недаромъ опасался, оторвали его отъ начатыхъ ученыхъ работъ и опять надолго погрузили въ сферу статеечнаго производства; предположенной же поѣздки за границу не позволяли уладить домашнія дѣла. Въ «С.-Петербургскія академическія Вѣдомости» продолжалъ онъ постоянно сообщать время отъ времени разныя извѣстія о тѣхъ или другихъ явленіяхъ въ ученомъ или литературномъ мірѣ, которыя интересовали его самого. Съ 1842 года редакція «Сына Отечества» перешла къ К. И. Масальскому, и Савельевъ, по неотступнымъ просьбамъ редактора, далъ нѣсколько статей и статеекъ и въ этотъ журналъ *). Въ Военно-Энциклопедическомъ Лексиконѣ, издававшемся подъ главною редакціею барона Л. И. Зедделера, имя Савельева, который не могъ не уважать этого ученаго, прямаго и безкорыстнаго генерала, встрѣчается въ спискѣ сотрудниковъ, начиная съ V тома, вышедшаго въ 1841 году. Въ V — X томахъ этого

*) Въ Приложеніи подъ № III читатели найдутъ перечисленіе статей П. С. въ «Сынѣ Отечества» на 1842 годъ; но весьма вѣроятно, что есть еще статьи его въ этомъ журналѣ и за 1843 годъ, а быть можетъ и за 1844 годъ.

изданія (1841 — 1846 годы) помѣщено П. С. 45 подписанныхъ статей, исключительно относящихся до исторіи, географіи, этнографіи и литературъ Азіи *). По служебной части Савельевъ оставилъ между тѣмъ редакцію Журнала М. н. пр., и въ февралѣ 1841 года опредѣлился секретаремъ Комитета иностранной цензуры, которую должность и занималъ постоянно до 1852 года.

*) Списокъ этимъ статьямъ помѣщенъ въ Приложеніяхъ, подъ № I.

V.

Работая безъ опредѣленной цѣли и крайней надобности для тѣхъ или другихъ повременныхъ изданій, Савельеву случилось перевести, между прочимъ, одну статью Френа, которая, совершенно неожиданно для переводчика, сообщила новое направленіе собственнымъ его занятіямъ,—направленіе, отъ котораго былъ онъ дотолѣ весьма далекъ и которому, отдавшись, оставался уже вѣренъ до конца жизни. Это—разработка исторіи помощію нумизматики, доставившая П. С. то почетное значеніе въ ученомъ мірѣ, которымъ пользовался онъ въ послѣднее время благодаря постояннымъ въ этомъ направленіи трудамъ и добытымъ результатамъ. Дѣло произошло такимъ образомъ. Подъ конецъ 1841 года напечатано было въ Bulletin scientifique С.-Петербургской Академіи наукъ Френово «Topographische Uebersicht der Ausgrabungen von altem arabischen Gelde in Russland, nebst chronologischer und geographischer Bestimmung des Inhaltes der verschiedenen Funde».

Желая обратить этою статьею внимание Русскихъ помѣщиковъ на Халифскія и другія Азіятскія монеты, находимыя нерѣдко въ ихъ имѣніяхъ, и убѣдить къ присылкѣ этихъ монетъ на разсмотрѣніе въ Академію, Френъ просилъ Савельева перевести статью на Русскій языкъ. П. С. исполнилъ это единственно изъ уваженія къ Френу, и переводъ свой напечаталъ, въ іюлѣ 1842 года, въ «Сынѣ Отечества»; да сверхъ того, по просьбѣ же Френа, сдѣлалъ извлеченіе изъ статьи, и помѣстилъ это извлеченіе тогда же въ С.-Петербургскихъ и Московскихъ Вѣдомостяхъ. Принявшись за переводъ статьи безъ сочувствія къ ея предмету, П. С. кончилъ однако же тѣмъ, что заинтересовался и мѣстонахожденіями, и содержаніемъ монетныхъ кладовъ изъ старо-Арабскихъ денегъ открываемыхъ въ Россіи и Прибалтійскихъ странахъ, потому что увидѣлъ въ совокупности того и другаго обильный источникъ новыхъ данныхъ для древнѣйшей отечественной исторіи. Это привело его, съ одной стороны, къ тому, чтобы слѣдить внимательно за находками такого рода вновь обнаруживающимися или ускользнувшими отъ вниманія его предшественниковъ, а съ другой — къ занятіямъ, необходимою для опредѣленія этихъ монетныхъ кладовъ, магометанскою нумизматикою. Убѣдившись въ пригодности нумизматическихъ свѣдѣній не для одного составленія коллекцій, П. С. быстро подвинулся въ куфической палеографіи, и въ самое короткое время пріобрѣлъ навыкъ разбирать монетныя легенды. Важнѣйшимъ результатомъ этихъ новыхъ занятій было, — не упоминаемъ о предварительныхъ трудахъ, помѣщенныхъ въ Bulletin scientifique и Журналѣ М. н. пр., —

появленіе, въ началѣ 1847 года, особой книги подъ заглавіемъ: *Мухаммеданская Нумизматика въ отношеніи къ Русской исторіи. I. Топографія кладовъ съ восточными монетами и издѣліями VII, VIII, IX, X и XI вѣка, въ Россіи и Прибалтійскихъ странахъ, объясненная историческими свидѣтельствами о торговлѣ сѣверо-востока Европы въ эпоху основанія и утвержденія Русскаго государства. Спб. 1846.* 8°.

Задача этой книги заключалась въ томъ, чтобы о самыхъ кладахъ, о которыхъ идетъ въ ней рѣчь, сообщить сколь возможно бо̀льшее число достовѣрнѣйшихъ свѣдѣній, а за тѣмъ представить полное собраніе историческихъ свидѣтельствъ о торговлѣ, капиталовъ которой клады эти являются наличными представителями, и вывести, изъ этого двоякаго рода источниковъ, результаты о положеніи торговли съ Азіею на сѣверо-востокѣ Европы въ теченіе VII — XI столѣтій. Съ какимъ успѣхомъ выполнены авторомъ эти задачи, отданъ былъ, въ свое время, подробный отчетъ въ одномъ изъ тогдашнихъ Русскихъ журналовъ. Разборъ, о которомъ говорю, составленъ былъ по моимъ указаніямъ, и, полагаю, предметъ книги и заслуги Савельева изложены и оцѣнены въ немъ съ ясностію и должнымъ безпристрастіемъ. Не считаю по сему излишнимъ разборъ этотъ перепечатать въ приложеніи къ настоящей біографіи (исключивъ изъ него только введеніе и вообще мѣста̀ неотносящіяся прямо къ дѣлу), тѣмъ болѣе что другой, дѣльнѣйшей рецензіи на Савельевскую «Топографію» не являлось, ни на отечественномъ, ни на иностранныхъ языкахъ. Во всякомъ случаѣ, изданіе «Топо-

графіи» составляетъ видную, со стороны Савельева, услугу не только Русской, но и обще-Европейской литературѣ, и обратило на него вниманіе специалистовъ какъ въ Россіи, такъ и за границею. Императорская Академія наукъ отличила этотъ трудъ П. С. половинною Демидовскою преміею, а покойный Государь, которому экземпляръ «Мухаммеданской Нумизматики» поднесенъ былъ черезъ г. Министра народнаго просвѣщенія, всемилостивѣйше соизволилъ пожаловать автору бриллiантовый перстень *)

*) За первою частію «Мухаммеданской Нумизматики», должна была явиться вторая часть этого труда, матеріалы для которой и обработывались Савельевымъ исподоволь между другими занятіями. Изъ замѣтокъ найденныхъ между бумагами покойнаго видно, что въ составъ этой второй части «Мухаммеданской Нумизматики» имѣли войти между прочимъ розысканія: 1) о народахъ, обитавшихъ въ означенный періодъ по среднему и нижнему теченію Волги, Хазарахъ, Булгарахъ, Буртасахъ и другихъ; 2) о торговыхъ путяхъ съ Волги и Камы въ Среднюю Азію; 3) о монетахъ Булгарскихъ; 4) о монетахъ въ подражаніе Саманидскимъ, неизвѣстно гдѣ и кѣмъ битыхъ.

VI.

Занимавшись, такимъ образомъ, по отношенію къ востоку, сначала всѣмъ, на что наводилъ случай, съ 1839 года отдался П. С. преимущественно географіи Средней Азіи, а съ 1842 — восточной нумизматикѣ въ связи ея съ Русскою исторіею. Со временемъ какія нибудь новыя обстоятельства увлекли бы его, можетъ быть, опять на иной, новый путь. Но въ 1846 году, еще прежде нежели вышла въ свѣтъ его «Топографія», основалось въ Петербургѣ общество знатоковъ и любителей археологіи и нумизматики, которое, вліяніемъ своимъ на П. С., окончательно сдѣлало его нумизматомъ, археологомъ и археографомъ. Будучи однимъ изъ членовъ основателей этого общества, П. С. чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе втягивался въ сферу его дѣятельности, находя ее совершенно соотвѣтственною своему характеру, складу ума своего, роду своихъ занятій, и тѣмъ ученымъ требованіямъ, которыя развивались въ немъ въ слѣдствіе этихъ занятій. Прекратись вдругъ, по чему

либо, дѣятельность Археологическаго Общества, Савельевъ навѣрное почувствовалъ бы себя въ первое время какимъ то сиротою, чѣмъ то въ родѣ путника, оставленнаго товарищами на дорогѣ. За то, нѣтъ сомнѣнія, чувствительна и для Общества потеря такого члена, какимъ былъ для него Савельевъ. Десятилѣтнею дѣятельностію своею, съ начала въ качествѣ секретаря его по Русской перепискѣ (съ января 1849 года), потомъ въ качествѣ секретаря и редактора «Записокъ» Общества (съ 18 февраля 1850 по 10 декабря 1851 года), потомъ секретаря Восточнаго отдѣленія (съ 22 декабря 1851 по 26 февраля 1859 года), и подъ конецъ завѣдывающаго дѣлами Отдѣленія Русской и Славянской археологіи (съ 30 апрѣля 1857) и редактора «Извѣстій» Общества (съ 8 ноября 1857), П. С. весьма много, быть можетъ болѣе чѣмъ кто либо изъ сочленовъ, содѣйствовалъ къ пріобрѣтенію Археологическому Обществу того сочувствія и уваженія, какими пользуется оно у спеціалистовъ и въ Россіи, и за границею. Секретарствовалъ П. С. и завѣдывалъ дѣлами обоихъ упомянутыхъ отдѣленій, участвуя сверхъ того почти во всѣхъ серьезныхъ коммисіяхъ Общества, — ссылаюсь на всѣхъ его членовъ, — съ образцовою ревностію къ успѣхамъ Общества, съ самымъ горячимъ желаніемъ, чтобы оно приносило наукѣ и Россіи ту пользу, какую должно приносить, не вдаваясь ни въ какія крайности, чуждыя чистому знанію — ни въ квасной патріотизмъ, ни въ дѣтскія заботы о благорасположеніи Европы. Его иниціативѣ обязаны Русскіе оріенталисты тѣмъ, что въ «Трудахъ» и «Извѣстіяхъ» Восточнаго отдѣленія имѣютъ они теперь свой собственный органъ, первый на Руси, а про-

токолы Отдѣленія Русской и Славянской археологіи за 1856, 1857 и 1858 годы свидѣтельствуютъ о неменьшемъ усердіи его къ сохраненію, приведенію въ извѣстность, и критической, черезъ Общество, разработкѣ памятниковъ Русской древности, къ усовершенствованію изданій Отдѣленія и расширенію его дѣятельности. Редакторствовалъ же П. С. какъ мало кто въ Россіи, потому что понятія его объ обязанностяхъ редактора въ ученомъ изданіи нисколько не были похожи на общеходячія о томъ понятія: каждую статью проходившую черезъ его руки, П. С. считалъ долгомъ своимъ снабдить введеніемъ, примѣчаніями, дополненіями, если она хотя сколько нибудь могла отъ того выиграть, и предметъ статьи хотя сколько нибудь входилъ въ кругъ собственныхъ спеціальныхъ его занятій, — а много ли найдется такихъ людей, способныхъ брать на себя безкорыстную такую обузу? Утомительную и сухую работу составленія указателей,—онъ считалъ указатели необходимою принадлежностію ученыхъ изданій,— никогда также П. С. не сваливалъ на другихъ, изъ опыта зная какъ много внимательности и аккуратности нужно для этой работы, и какъ трудно у насъ встрѣтить эти качества въ человѣкѣ мало мальски умѣющемъ держать перо въ рукахъ. Наконецъ самъ держалъ онъ и корректуру, убивая по необходимости надъ этимъ занятіемъ силы, которыя конечно могли бы быть обращены на трудъ сообразнѣйшій съ его умственными средствами. Съ такою примѣрною добросовѣстностію изданы П. С. три первые тома «Записокъ» Археологическаго Общества, вышедшіе доселѣ шесть томовъ «Трудовъ» Восточнаго отдѣленія, и томъ «Извѣстій»

Общества. Съ III-го тома «Записокъ» П. С. счелъ полезнымъ присоединять къ отчетамъ о занятіяхъ Общества и библіографическій указатель Русской археологической литературы, составивъ прекрасный образчикъ такого указателя за 1850 годъ. Но на этомъ прекрасномъ началѣ дѣло, къ сожалѣнію, и остановилось: въ послѣдующихъ томахъ «Записокъ» мы не встрѣчаемъ уже библіографическаго указателя. Независимо отъ означенныхъ занятій, по званію секретаря и редактора, П. С. постоянно держалъ Общество въ извѣстности обо всѣхъ явленіяхъ въ мірѣ археологіи, которыя могли интересовать его, опредѣлялъ всѣ поступавшія въ даръ Обществу восточныя монеты, перевелъ для него нѣсколько статей изъ заграничныхъ журналовъ, способствовалъ трудами своими изданію на Русскомъ языкѣ тѣхъ изъ отдѣльныхъ сочиненій членовъ Общества, которыя явились первоначально на Французскомъ (именно: «Изслѣдованій объ исторіи и древностяхъ Херсониса-Таврическаго» г. Кёне, и «Керчи и Воспора» г. Сабатье), привлекалъ въ изданія Общества такія статьи и переводы, которые, безъ его стараній, или явились бы въ другомъ мѣстѣ, или могли бы совсѣмъ пропасть для науки (разумѣю трудъ г. Эйхвальда о Чудскихъ копяхъ, переводъ Алтанъ-Топчи, и т. д.), убѣдилъ покойнаго богача Голубкова пожертвовать 500 руб. сер. въ премію за полную монографію Саманидскихъ монетъ, самъ составилъ программу для этой задачи, равно какъ и для другой восточной задачи, предложенной Обществомъ: о монетахъ Халифскихъ, и т. д. Наконецъ о горячемъ усердіи П. С. къ дѣлу археологіи въ Россіи свидѣтельствуетъ лучше всего,. что, страждущій

уже смертельною болѣзнію, онъ прислалъ еще въ засѣданіе Общества 11 января 1859 года записку, въ которой обращалъ его вниманіе на необходимость принятія особыхъ мѣръ къ приведенію въ извѣстность и сохраненію случайно находимыхъ въ отечествѣ нашемъ предметовъ древности.

Что касается до вклада П. С. въ изданія Археологическаго Общества собственными учеными трудами, то о горячемъ участіи его въ этомъ отношеніи блистательно свидѣтельствуютъ семьдесятъ слишкомъ статей и разныхъ сообщеній его, напечатанныхъ въ «Mémoires'ахъ», «Запискахъ», «Трудахъ» и «Извѣстіяхъ» Общества *). По объему, нѣкоторыя изъ сообщеній конечно весьма незначительны, заключаясь иногда въ одной страничкѣ, иногда и того менѣе; но не надо забывать, что для этихъ страничекъ и полустраничекъ требовалась часто работа нѣсколькихъ дней: таковы записки о восточныхъ монетахъ, поступавшихъ въ даръ Обществу или иначе проходившихъ черезъ руки П. С. По содержанію, большинство статей относится къ нумизматикѣ и археологіи Средней и Передней Азіи, состоя преимущественно изъ описанія куфическихъ и Джучидскихъ монетъ и восточныхъ древностей, доставленныхъ Русскою почвою. Пускаться въ подробности о значеніи для науки каждой изъ этихъ статей было бы несообразно съ предѣлами настоящаго труда. Скажу коротко—статьями этими П. С. справедливо пріобрѣлъ репутацію перваго въ Россіи ученаго по части мусульманской нумизматики. Относительно же трактата «О Джучидскихъ,

*) Списокъ имъ помѣщенъ въ Приложеніяхъ подъ № II.

Джагатайскихъ и Джелаиридскихъ монетахъ эпохи Тохтамыша», трактата, составляющаго отдѣльный, хотя къ сожалѣнію и не вполнѣ оконченный трудъ, который Императорская Академія наукъ увѣнчала тѣмъ не менѣе, половинною Демидовскою преміею, обстоятельный отзывъ мой о немъ читатели найдутъ въ приложеніяхъ къ настоящей біографіи. Изъ трудовъ П. С., по предмету своему постороннихъ нумизматикѣ, но все таки относящихся къ Азіи, статья его о Борсиппской Ассирійской надписи, объясненной Оппертомъ, представляется намъ наиболѣе замѣчательною. Сверхъ того, статья эта важна и какъ одно изъ свидѣтельствъ, что П. С. не ограничивалъ восточныя занятія свои, даже и въ послѣднее время, рамкою одного магометанскаго міра; постоянное же общеніе съ спеціалистами по Русской и Славянской археологіи завлекло Савельева и въ эту область: изъ трудовъ его сюда относящихся, преимущественнаго упоминовенія заслуживаютъ статьи «О Славянскихъ монетахъ съ именами Владиміра, Святослава и Ярослава», и «О монетахъ Юго-западныхъ Славянъ». Что же касается до работъ Савельева по археологическимъ раскопкамъ въ Россіи, то объ нихъ будетъ говорено ниже.

VII.

Почти въ одно время съ Археологическимъ (въ августѣ 1845 года) возникло въ Петербургѣ другое Общество — Географическое. Савельевъ не могъ не сдѣлаться членомъ его, потому что оно весьма скоро привлекло въ среду свою почти все, что было въ Петербургѣ образованнаго и ученаго, или интересовавшагося наукою. Избранный Дѣйствительнымъ членомъ этого Общества въ январѣ 1847 года, Савельевъ приписался къ Этнографическому отдѣленію, и до самаго конца жизни былъ однимъ изъ усерднѣйшихъ его дѣятелей, избравъ спеціальностію своею разсмотрѣніе присылаемыхъ въ Общество статей объ инородцахъ, обитающихъ въ Россіи, и статей по Азіятско-лингвистической части. Сверхъ общей этнографической программы, разосланной отъ Общества, въ 1850 году признано было необходимымъ составить, для наблюденія и описанія собственно инородческихъ племенъ, особую программу: это принялъ на себя и исполнилъ П. С.; въ послѣдствіи программа эта была по-

полнена И. И. Срезневскимъ, но къ сожалѣнію осталась, кажется почему—неизвѣстно, ненапечатанною и неразосланною до сихъ поръ. Этнографическій музей образовался при Обществѣ почти съ самаго его основанія, въ слѣдствіе различныхъ случайныхъ по этой части приношеній; но въ такомъ отрывочномъ и безсистемномъ видѣ онъ представлялся Савельеву безполезнымъ для науки, тогда какъ учрежденіе Русскаго этнографическаго музея, сообразнаго съ требованіями современнаго знанія, всегда признавалъ онъ за одну изъ насущнѣйшихъ ученыхъ потребностей Россіи. По этому, когда знаменитымъ натуралистомъ нашимъ К. М. Бэромъ поднятъ былъ въ Совѣтѣ Общества вопросъ объ этомъ предметѣ, П. С. явился однимъ изъ ревностнѣйшихъ сторонниковъ Бэрова предложенія, и въ засѣданіи Этнографическаго отдѣленія 20 декабря 1857 года высказалъ нѣсколько замѣчательныхъ дѣльностію мыслей о томъ, въ какихъ размѣрахъ и какимъ образомъ желательно было бы устроить этнографическій музей Общества. Въ послѣдствіе этого, Отдѣленіе избрало его въ число членовъ коммисіи, образовавшейся для начертанія подробной программы предметамъ, долженствующимъ войти въ составъ этнографическаго музея Общества, а за тѣмъ, въ засѣданіи 11 февраля 1859 года, единогласно избрало своимъ предсѣдательствующимъ. Кромѣ этого, П. С. почтенъ былъ довѣренностію сочленовъ своихъ по Географическому Обществу и во многихъ другихъ случаяхъ. Такъ, сверхъ разныхъ мелкихъ порученій, въ 1847 году, когда составилась особая коммисія для разработки и установленія Русской географической терминологіи, на П. С. возложено было произ-

водство работъ оной; въ 1852 году участвовалъ онъ въ комитетѣ для оцѣнки и продажи дублетовъ библіотеки Общества; въ 1856—въ коммисіи для разбора отвѣтнаго сочиненія на объявленную Обществомъ задачу о возстановленіи текста Книги Большому чертежу; въ 1857 — въ коммисіи для разсмотрѣнія сочиненій предложенныхъ для удостоенія Константиновскою медалью; въ коммисіи для снаряженія Хорасанской экспедиціи; и въ ревизіонной по дѣйствіямъ Общества коммисіи; наконецъ общимъ собраніемъ 16 апрѣля 1858 года П. С. избранъ былъ въ члены совѣта Общества. Изъ изданій Географическаго Общества, П. С. участвовалъ трудами своими въ «Карманной книжкѣ для любителей землевѣденія», въ «Географическихъ Извѣстіяхъ» и «Вѣстникѣ». Въ «Карманной книжкѣ» (Спб. 1848) помѣщено имъ «Обозрѣніе географическихъ открытій и путешествій, совершенныхъ въ средней части Азіи съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ» — статья, въ которой не смотря на избитость предмета, умѣлъ онъ сказать, живо и занимательно, много новаго, въ слѣдствіе спеціальныхъ занятій предметомъ, въ то время какъ, видѣли мы выше, готовилъ онъ въ себѣ путешественника по Средней Азіи. Въ «Географическихъ Извѣстіяхъ», пока онѣ въ теченіе трехъ лѣтъ (1848—1850) издавались съ тою отчетливостію и внимательностію къ дѣлу, которыя П. С. считалъ необходимою принадлежностію ученыхъ изданій, участвовалъ онъ дѣятельнѣе чѣмъ кто либо изъ членовъ Географическаго Общества *).

---

*) Списокъ статьямъ П. С. въ «Извѣстіяхъ» И. Р. Географическаго Общества, помѣщенъ въ Приложеніяхъ подъ № II.

Если бы каждый изъ членовъ Р. Географ. Общества сдѣлалъ для него столько же, сколько Савельевъ, вышла бы огромная масса ученаго и полезнаго труда; самъ же П. С. никогда не былъ доволенъ дѣятельностію своею по этому Обществу: онъ не могъ не сознавать, что при другихъ условіяхъ доля участія его въ предпріятіяхъ и работахъ Р. Г. О. была бы несравненно значительнѣе. Его болѣзненно поражало: въ большинствѣ членовъ — отсутствіе опредѣленной специальности, ихъ ученый дилеттантизмъ, а въ общемъ ходѣ дѣлъ Общества — то, что бездна времени тратилась на засѣданія и совѣщанія всякаго рода безъ практическаго отъ того результата, что говорилось горячо и предполагалось много, а дѣлалось, сравнительно, и холодно, и мало. Впрочемъ, это—недостатокъ не одного Географическаго Общества, и не у насъ однихъ, а едва ли не большинства ученыхъ обществъ въ цѣломъ образованномъ мірѣ.

IX.

Покончивъ съ обозрѣніемъ дѣятельности Савельева по Археологическому и Географическому Обществамъ до самаго конца его жизни, возвращаюсь опять къ половинѣ 1840-хъ годовъ. Въ это время, именно осенью 1844 года, познакомился Савельевъ съ Н. И. Надеждинымъ. Отсутствіе всякаго педанства въ этомъ замѣчательно умномъ и даровитомъ человѣкѣ, при его основательной и разнообразной учености, которою онъ готовъ былъ служить каждому, желавшему воспользоваться его свѣдѣніями; общительность характера, тянувшая его къ сближенію съ людьми, какого бы образованія и образа мыслей они ни были; всегдашняя занимательность его бесѣды; уступчивость чужимъ мнѣніямъ, которыхъ не раздѣлялъ онъ въ душѣ: все это и многое другое соединило у него, со времени переселенія его изъ Одессы въ Петербургъ, весьма пестрое и интересное общество, преимущественно изъ ученыхъ, литераторовъ и «передовыхъ» тогда чиновниковъ разныхъ

вѣдомствъ, многіе изъ коихъ занимаютъ теперь государственныя должности. Савельевъ сдѣлался вскорѣ однимъ изъ обычныхъ посѣтителей вечернихъ сборищъ Надеждинскихъ, въ Свѣчномъ переулкѣ, многимъ доселѣ памятныхъ. Посѣщеніе этого общества, большею частію совершенно для него новаго, гдѣ услаждались парламентскими формами даже въ литературныхъ преніяхъ, и любили погорячиться о предметахъ «вызывающихъ на размышленіе», не мало содѣйствовало къ установленію образа мыслей П. С. относительно политическихъ и общественныхъ вопросовъ. По неумѣнью ни ораторствовать, ни переливать съ пріятностію изъ пустаго въ порожнее, П. С. постоянно оставался здѣсь въ тѣни; но убѣжденія человѣка, который дѣйствительно ихъ имѣетъ, высказываются нерѣдко молчаніемъ столь же выразительно, какъ и одушевленною рѣчью. Равнодушіе, обнаруженное Савельевымъ при горячихъ спорахъ о тѣхъ или другихъ предметахъ, насмѣшливая улыбка при выходкахъ въ томъ или другомъ духѣ, показывали достаточно, какого онъ мнѣнія о важности или образѣ мыслей ораторствовавшихъ, весьма часто противорѣчившемъ, извѣстному изъ другихъ источниковъ, ихъ образу дѣйствій. Этого раздвоенія честная душа Савельева не могла переварить, и чѣмъ гуманнѣе были рѣчи человѣка, на дѣлѣ обнаружившагося сухимъ эгоистомъ, тѣмъ большимъ отвращеніемъ проникался къ нему Савельевъ. Въ кружкѣ, гдѣ слова считались большинствомъ за дѣло и едва ли не важнѣе дѣла, противный этому взглядъ не могъ не быть незамѣченъ, и пріобрѣлъ Савельеву, съ уваженіемъ нѣкоторыхъ, нерасположеніе многихъ, выказавшееся въ послѣд-

ствіи непріязнію въ жизненныхъ отношеніяхъ. Противоположность жизни со словомъ поражала П. С. особенно въ представителяхъ Русскаго либерализма, выкроеннаго по западной мѣркѣ: и либерализмъ сдѣлался противенъ ему, не только какъ узкая буржуазная доктрина, неудовлетворяющая самымъ вопіющимъ потребностямъ обиженныхъ судьбою массъ, но и какъ маска, прикрывающая благовидно въ глазахъ профановъ личные интересы его проповѣдниковъ. Въ сферѣ политико-экономическихъ идей, тоже благородное сочувствіе къ массамъ ставило его инстинктивно въ ряды противниковъ ученія laisser faire, laisser aller, имѣющаго практическимъ послѣдствіемъ тиранство капитала и обездолѣніе труда; говорю «инстинктивно», потому что пристально политическою экономіею П. С. никогда не занимался. Но какъ привычкою къ труду въ одного рода дѣятельности пріобрѣтается возможность усвоивать себѣ скоро пріемы другихъ дѣятельностей, такъ и безкорыстное исканіе истины въ какомъ либо отдѣлѣ вѣдѣнія изощряетъ способность прозрѣвать ее во всѣхъ прочихъ. Несостоятельность экономическаго ученія либеральной школы выяснилась Савельеву научнымъ образомъ нѣсколько позже, когда началось знакомство Петербурга съ критикою и теоріями новыхъ соціалистовъ. Соціализмъ, какъ направленіе, пришелся ему несравненно болѣе по сердцу нежели либерализмъ; но въ возможность осуществленія соціалистическихъ утопій и въ благо имѣющее произойти отъ того для человѣчества, онъ, какъ человѣкъ знакомый съ исторіею, не вѣрилъ, а проповѣдниковъ соціализма въ Петербургѣ, съ которыми имѣлъ случай сходиться довольно часто и близко, не жало-

валъ почти столько же, какъ и либераловъ, потому что и тутъ актерства и фанфаронства видѣлъ въ десять разъ болѣе, нежели глубокаго убѣжденія и истиннаго увлеченія. Относительно Русской жизни и науки выработались въ Савельевѣ въ это время его жизни, о которомъ говоримъ, тотъ взглядъ и то направленіе, имѣвшіе лозунгомъ: «самостоятельность Русской мысли и развитіе Русской жизни въ національномъ духѣ и національныхъ формахъ», которые распространяемы были въ послѣдствіи «Русскою Бесѣдою» (за исключеніемъ религіозныхъ воззрѣній послѣдней), и окрещены фальшиво, со стороны противниковъ, именемъ славянофилія. А какъ взглядъ этотъ и направленіе, по непониманію ихъ, были гонимы въ литературѣ и преслѣдуемы насмѣшкою, то въ П. С. родилось желаніе содѣйствовать, по мѣрѣ силъ и возможности, разъясненію дѣла литературнымъ же путемъ. Случай къ этому, казалось, весьма удобный, вскорѣ представился. У Е. П. Гребенки, гдѣ тоже собиралась постоянно часть пишущей братіи, познакомились мы, въ началѣ 1847 года, съ издателемъ «Финскаго Вѣстника», журнала который не имѣлъ никакого опредѣленнаго цвѣта, нуждался въ дѣльныхъ сотрудникахъ и находился въ плохихъ финансовыхъ обстоятельствахъ. Сотрудничество Савельева и мое (я вполнѣ раздѣлялъ руссофиліе П. С., его антипатію къ либераламъ и симпатію къ соціализму) принято было, въ такомъ положеніи журнала, весьма охотно; а мы, не имѣя ни возможности исходатайствовать право на изданіе собственнаго, новаго журнала, ни матеріальныхъ средствъ къ тому, предложили наше сотрудничество съ цѣлію уста-

новить въ «Финскомъ Вѣстникѣ», мало по малу, господство того направленія, которому сами сочувствовали. Участіе Савельева въ «Финскомъ Вѣстникѣ» на 1847 годъ ограничилось, впрочемъ, мелкими вкладами въ отдѣлы «Смѣси» и «Библіографіи», начиная съ іюля мѣсяца. Для перваго отдѣла онъ сообщалъ преимущественно извѣстія о дѣятельности Русскихъ ученыхъ обществъ и въ то же время, пять мѣсяцевъ сряду, писалъ — кто бы могъ подумать?—фельетонъ, подъ заглавіемъ «Петербургскія замѣтки». Фельетонъ только что началъ тогда входить въ моду у насъ; Савельевъ, любившій мѣшать дѣло съ бездѣльемъ, не вытерпѣлъ, захотѣлъ попробовать себя въ этомъ родѣ произведеній, и фельетоны его вышли весьма не дурны, ни чуть не хуже тѣхъ, какими довольствовалась тогда публика въ другихъ изданіяхъ, а можетъ быть даже и веселѣе, не говоря ужь что умнѣе. Какъ бы то ни было, я и Савельевъ писали въ одномъ духѣ, а между тѣмъ въ прочихъ статьяхъ «Финскаго Вѣстника» проявлялось нерѣдко направленіе, прямо противоположное нашему. Тѣ изъ читателей, которые понимаютъ, что̀ читаютъ, замѣчая это, не знали что̀ думать. Безхарактерность редакціи бѣсила насъ; чтобы положить ей конецъ, мы осенью купили у издателя половинное право на журналъ, съ тѣмъ чтобы редакціею его завѣдывать исключительно. Тогда же исходатайствовано было разрѣшеніе правительства на переименованіе «Финскаго Вѣстника» въ «Сѣверное Обозрѣніе». Но не въ добрый часъ затѣяли мы дѣло: съ одной стороны, въ февралѣ 1848 года произошла въ Парижѣ извѣстная революція, въ слѣдствіе которой и подъ другою широтою

оказалось невозможнымъ печатать что либо, имѣющее вкусъ и цвѣтъ, а съ другой — число подписчиковъ далеко не оплачивало издержекъ изданія; мы же не имѣли достаточнаго состоянія чтобы издавать журналъ въ счетъ будущихъ благъ. Да, наконецъ и то надо сказать, мы ошиблись въ расчетѣ на сотрудниковъ, хотя и не предполагали чтобы между пишущимъ Русскимъ людомъ нашлось много сочувствующихъ намъ: на дѣлѣ оказалось, что мы должны были довольствоваться, въ этомъ отношеніи, собственными нашими особами и нѣсколькими добрыми Петербургскими знакомыми, которыхъ втянули за собою въ «Финскій Вѣстникъ». Въ числѣ послѣднихъ, съ особою за себя и Савельева благодарностію, долженъ я упомянуть объ И. И. Срезневскомъ и А. Н. Поповѣ. Москва, хотя и замѣчала, что въ «Финскомъ Вѣстникѣ» повѣяло Русскимъ духомъ, не заявила намъ сочувствія своего ни единою статьею, ни единымъ словомъ... «Одинъ въ полѣ не воинъ», говоритъ Русская пословица, и «Сѣвернаго Обозрѣнія» въ 1848 году вышло всего три книги. Въ нихъ Савельевскаго помѣщено нѣсколько мелкихъ извѣстій въ «Смѣси», двѣ три критическихъ статейки, да переведенный имъ съ Французскаго «Общій взглядъ на философію словесности» графа С. С. Уварова. Въ началѣ 1849 года полное право на изданіе «Сѣвернаго Обозрѣнія» передано было нами (и основателемъ журнала, Ф. К. Дершау) хорошему знакомому нашему, но уже вовсе не славянофилу, бывшему сотруднику «Библіотеки для Чтенія», В. В. Дерикеру, съ тѣмъ чтобы подписчики наши на 1848 годъ, въ замѣнъ недоданныхъ нами девяти книжекъ журнала, получили безденежно

«Сѣверное Обозрѣніе» за 1849 годъ. Такимъ образомъ разстались мы съ планами нашими на противодѣйствіе въ Россіи духу рабской подражательности западу, и, не безъ убытка для кармана, раздѣлались съ нашими обязательствами передъ публикой, взваливъ ихъ на В. В. Дерикера, который, хотя хорошо былъ знакомъ съ журнальнымъ дѣломъ, однако тоже не расчиталъ, что начинаетъ предпріятіе въ неудобное время и что у него не достанетъ средствъ вести его въ невыгодныхъ обстоятельствахъ. Слѣдствіемъ этого было окончательное прекращеніе журнала въ 1850 году. Въ книжкахъ «Сѣвернаго Обозрѣнія», вышедшихъ въ этомъ и 1849 году, кромѣ отчетовъ о дѣятельности Русскихъ ученыхъ обществъ, которыя продолжалъ сообщать П. С., напечатаны еще статьи его: «Карамзинъ, какъ переводчикъ и цѣнитель Шекспира», «Черкесскія преданія», «Іероглифы (есть ли возможность читать и понимать ихъ; историческій очеркъ іероглифической науки)», рецензіи нѣкоторыхъ ученыхъ сочиненій и нѣсколько статей въ «Смѣси». Статью «Іероглифы» можно назвать образцомъ популярнаго изложенія, достойнымъ стать на ряду со всѣмъ, что есть превосходнѣйшаго въ этомъ отношеніи.

X.

Такимъ образомъ вторая половина 1840-хъ годовъ прошла для Савельева преимущественно въ работахъ по Археологическому и Географическому Обществамъ и по сотрудничеству въ «Финскомъ Вѣстникѣ» и «Сѣверномъ Обозрѣніи». Между тѣмъ не забывалъ онъ участіемъ своимъ и другихъ изданій — Журналъ М. н. пр. и С. Петербургскія Вѣдомости, въ которыхъ помѣщено, за это время, нѣсколько статей его и статеекъ, по разнымъ случаямъ. Такъ, празднованіе семисотлѣтняго юбилея Москвы дало ему поводъ написать «О древности Москвы», и доказывать, что мѣстность ею занимаемая долженствовала быть бойкимъ торговымъ пунктомъ полутора или двумя столѣтіями ранѣе 1147 года *). Такъ, статья доктора Тильмана о корнѣ сунбуль, помѣщенная въ «Русской Медицин-

*) С. Петербургскія Вѣдомости на 1847 годъ, № 6.

ской Газетѣ», вызвала замѣчанія Савельева [*]), что растеніе это вовсе не ново въ Европѣ. Д. Тильманъ сдѣлалъ возраженіе на эти замѣчанія, но Савельевъ тотчасъ же отвѣчалъ ему [**]). Такъ, помѣщеніе въ «Сѣверной Пчелѣ» некролога оріенталиста Жобера, заимствованнаго изъ «Journal des Débats», побудило Савельева обнаружить [***]) нѣсколько промаховъ этого некролога. И такъ далѣе.

Весь періодъ съ половины 1844 по конецъ 1851 года провелъ я почти неразлучно съ П. С., дѣля съ нимъ и занятія, и досугъ. Въ это время одержимъ онъ былъ, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, страннымъ недугомъ: у него почти отнялись большой, указательный и средній пальцы правой руки, так что онъ едва могъ держать перо и писалъ съ большимъ трудомъ. Лечился онъ отъ этой болѣзни всѣми возможными способами, прибѣгалъ ко всѣмъ знаменитостямъ врачебнаго міра, и къ гидропатамъ, и къ магнетизерамъ — ничто не помогало. Наконецъ, какъ то, само собою, трясеніе въ пальцахъ прекратилось, хотя Савельевъ и не переставалъ работать перомъ; только нѣкоторая слабость въ нихъ осталась ему памятью этого недуга до конца жизни. Братъ Александръ, занимавшій въ это время каѳедру физики въ Казанскомъ университетѣ, пріѣзжалъ въ Петербургъ почти каждое лѣто, и тогда мы весьма нерѣдко проводили вечера за преферансомъ. Къ этому же періоду относится знакомство и сближеніе П. С.

---

*) Тамъ же, № 25.

**) Тамъ же, № 36.

***) Тамъ же, № 106.

съ В. Ф. Диттелемъ и И. Н. Березинымъ, возвратившимися изъ путешествія по востоку въ концѣ 1845 года; съ Банзаровымъ, прожившимъ въ Петербургѣ осень 1847 и весну 1848 года; съ отцомъ Палладіемъ, пріѣзжавшимъ изъ Китая въ 1848 году, и съ нѣкоторыми другими оріенталистами, а равно и съ кругомъ нумизматовъ и любителей нумизматики, въ который ввели его занятія по Археологическому Обществу. Съ Диттелемъ, вскорѣ (въ 1848 году) погибшимъ отъ холеры, и съ Банзаровымъ, тоже не долго пожившимъ, сошлись мы особенно пріятельски *). Осенью 1848 года, П. С. занимался, между прочимъ, по просьбѣ Одесскаго Общества исторіи и древностей, разсмотрѣніемъ и описаніемъ 817 восточныхъ монетъ, подаренныхъ оному графомъ А. С. Уваровымъ. Между тѣмъ, чтобы провѣтриться, мы, не имѣя возможности прогуляться куда нибудь подальше, предпринимали поѣздки хотя по сосѣдству съ Петербургомъ. Въ іюлѣ 1845 года прокатились на таратайкѣ по Финляндіи взглянуть на Иматру, дивясь дорогою, какъ даже самый бѣдный край въ мірѣ можетъ благоденствовать подъ хорошимъ управленіемъ, и какъ Русское населеніе въ Старой Финляндіи, оставаясь Русскимъ по всему, подъ вліяніемъ того же управленія переродилось совершенно въ гражданскомъ отношеніи. Въ августѣ 1850 года съѣздили мы до Шлиссельбурга на пароходѣ, а оттуда по Ладожскому каналу на трешкотѣ,—

---

*) Всѣ бумаги Диттеля о племенахъ, исторіи и языкѣ Курдовъ, оставшіяся у Савельева, послѣдній пожертвовалъ, въ 1856 году, Императорской Академіи наукъ.

посѣтить остатки Старой Ладоги, доселѣ еще слывущей въ народѣ подъ именемъ Рюриковой крѣпости, и пришли къ убѣжденію, что крѣпость эта была заложена при самомъ впаденіи Волхова въ Ладожское озеро, отстоитъ же отъ него теперь на десять слишкомъ верстъ въ слѣдствіе обмеленія озера въ теченіи тысячи лѣтъ, обмеленія продолжающагося постоянно и доселѣ. Новая Ладога тоже построена была, въ свое время, при самомъ устьѣ Волхова, а въ настоящее время она отдѣляется отъ озера уже двухверстнымъ пространствомъ. Не могу не вспомнить также, по случаю этой поѣздки, объ удивленіи Савельева, когда онъ увидѣлъ въ Новой Ладогѣ три церкви въ одномъ мѣстѣ, и наивномъ вопросѣ его: «что̀ это значитъ?» — «То значитъ», отвѣчалъ я, «что ты истый Петербуржецъ, не имѣющій ни какого понятія о настоящей Россіи». Петербургскаго жителя, привыкшаго видѣть церкви не ближе одна отъ другой какъ на версту, дѣйствительно должно поражать обиліе ихъ въ старинныхъ Русскихъ городахъ.

Служебныя занятія по Комитету иностранной цензуры шли, между тѣмъ, своимъ чередомъ. Но составлять въ теченіи десяти лѣтъ все протоколы и протоколы засѣданій Комитета наскучило наконецъ Савельеву; при всемъ нерасположеніи къ какому либо искательству, онъ сталъ присматриваться, нельзя ли перейти на службу куда нибудь въ другое мѣсто. Н. И. Надеждинъ рекомендовалъ его покойному Министру внутреннихъ дѣлъ, графу Л. А. Перовскому, для занятія при немъ должности секретаря по Департаменту удѣловъ. П. С. былъ принятъ на испытаніе,

оставаясь служить въ Комитетѣ и. ц. Испытаніе длилось довольно долго; Министръ, весьма интересовавшійся археологіею и нумизматикою, казалось, убѣдился въ способностяхъ Савельева, былъ имъ доволенъ; но должности, на которую былъ рекомендованъ, П. С. не получилъ; вмѣсто ея, Надеждинъ предложилъ ему мѣсто помощника редактора Журнала М. в. д., которое занималъ дотолѣ я, и которое, съ откомандировкою меня на службу въ Оренбургъ, дѣлалось вакантнымъ. П. С. согласился и на это, и въ январѣ 1852 года причисленъ былъ къ Министерству внутреннихъ дѣлъ; но означеннаго мѣста опять не получилъ, хотя обязанности съ нимъ сопряженныя исполнялъ съ самаго отъѣзда моего изъ Петербурга въ декабрѣ 1851 года. Зимніе мѣсяцы 1852 года П. С. провелъ, съ болью въ ногѣ, и выѣзжая изъ дому лишь на службу, въ разборѣ монетъ огромнаго Екатеринославскаго клада, описаннаго имъ въ послѣдствіи ученымъ образомъ. «Свѣдѣніе объ этомъ кладѣ», писалъ мнѣ Савельевъ, «доставилъ въ Министерство в. д. Новороссійскій генералъ губернаторъ, приславъ для образчика четыре монеты Тохтамыша, весьма обыкновенныя; но какъ кладъ состоялъ изъ 1½ пуда монетъ, то я и представилъ Министерству, чтобы вытребовать всю находку, полагая что въ такой массѣ не могутъ не встрѣтиться любопытные экземпляры. Кладъ былъ доставленъ — болѣе 14,000 монетъ! Я употребилъ цѣлыхъ два мѣсяца, часовъ по 8 въ день, на одну только разсортировку ихъ. Министръ спросилъ меня однажды, какъ подвигается впередъ разсмотрѣніе клада. Я отвѣчалъ что аккуратный Нѣмецъ употребилъ бы на разсмотрѣніе 14,000 монетъ,

считая на каждую только по 5 минутъ,—70,000 минутъ, то есть, работая по 8 часовъ въ день, 4 мѣсяца 6 часовъ и 40 минутъ.—А вы скорѣе, вѣдь, разсмотрите?—Надѣюсь, мѣсяца въ два.—И дѣйствительно не съ большимъ въ два мѣсяца разсмотрѣлъ я весь кладъ, отъ первой до послѣдней монеты. Скорѣе невозможно физически! Цѣлые дни я проводилъ въ разборѣ грудъ ихъ, надѣясь найти что нибудь новое и «сдѣлать открытіе». Безъ особеннаго фанатизма къ дѣлу, право, не стало бы терпѣнія просматривать 14,000 Золотоордынскихъ монетъ. Нѣмецъ бы этого не сдѣлалъ. И я радъ, что труды мои не пропали даромъ. Слишкомъ важнаго между этими монетами (въ историческомъ отношеніи) — мало; но бездна неизданныхъ и новыхъ варіантовъ. Чтò скажешь о кладѣ, въ которомъ болѣе 8,000 экземпляровъ совершенно неизданныхъ, а оно такъ». Такъ то оно было—такъ, да усидчивое сидѣнье за разборомъ этихъ монетъ по ночамъ, нерѣдко до разсвѣта, да еще при какой то странной болѣзни, выражавшейся тупою болью въ ногѣ, послужило первымъ шагомъ къ тому органическому разстройству, которое свело П. С. безвременно въ могилу. Справившись съ монетами, онъ принялся за леченіе ноги, и для этого еще цѣлый мѣсяцъ просидѣлъ дома, но въ началѣ іюля сталъ уже выѣзжать и выходить. Между тѣмъ, еще въ маѣ, по случаю отъѣзда въ Крымъ Л. А. Перовскаго, который взялъ съ собою и Надеждина, Савельеву, на время отсутствія послѣдняго, поручено было завѣдываніе редакціею Журнала М. в. д., и онъ завѣдывалъ ею въ теченіи пяти мѣсяцевъ, до самаго возвращенія Надеждина. За тѣмъ, въ слѣдствіе перемѣнъ

въ Министерствѣ вн. дѣлъ, послѣдовавшихъ осенью 1852 года, Савельевъ, по неимѣнію штатнаго мѣста и опредѣленныхъ занятій, чуть не дождался увольненія отъ службы, какъ чиновникъ для нея безполезный; но въ январѣ 1853 года переведенъ былъ Л. А. Перовскимъ въ Министерство удѣловъ и причисленъ къ Кабинету Его Величества, для археологическихъ работъ.

XI.

Съ порученіемъ графу Л. А. Перовскому управленія Кабинетомъ Его Императорскаго Величества, и завѣдыванія всѣми археологическими розысканіями въ Имперіи, настала, какъ извѣстно, эпоха горячей дѣятельности по этой части, въ которой П. С. принялъ значительное участіе. Изъ Русскихъ чиновниковъ придворнаго вѣдомства, безъ сомнѣнія, никто не былъ приготовленъ къ этой дѣятельности и способенъ для нея столько, какъ П. С.; а ему такая служба была совершенно по сердцу, какъ совпадавшая съ его вкусами и образованіемъ и дававшая возможность къ ученымъ открытіямъ. Проработавъ зиму 1852 — 1853 года при Л. А. Перовскомъ кабинетнымъ образомъ, весною получилъ онъ предписаніе продолжать предпринятыя графомъ А. С. Уваровымъ (съ 1851) археологическія розысканія во Владимірской губерніи, съ цѣлію открытія отечественныхъ древностей. Савельеву хотѣлось бы лучше на югъ Россіи, но за невозможностію удовлетворить этому

желанію, онъ радъ былъ ѣхать и во Владимірскую губернію, лишь бы вырваться изъ омута Петербургскихъ чиновничьихъ интригъ и дохнуть воздухомъ полей. Выборъ мѣстности для раскопокъ былъ предоставленъ ему самому, и онъ рѣшилъ рыться въ уѣздахъ Переяславскомъ и Ростовскомъ (Ярославской губерніи) около Ростова и Клещина озера, гдѣ, по Нестору, было гнѣздо народа Меря.

11 мая П. С. былъ уже во Владимірѣ; отъ 21-го писалъ мнѣ изъ Юрьева Польскаго: «Вотъ уже съ недѣлю живу въ скучномъ городѣ, гдѣ нѣтъ ничего порядочнаго, тѣмъ менѣе замѣчательнаго; разъѣзжаю по уѣзду, рою курганы, пишу письма и донесенія. Ко мнѣ прикомандированъ чиновникъ очень грамотный, землемѣръ; сверхъ того нанимаю писца, да подъ командою сотни полторы рабочихъ. Покуда еще не скучаю между разъѣздами и письмомъ. Рытье кургановъ—дѣло довольно завлекательное: дошедши до остова, съ невольнымъ трепетомъ ожидаешь найти при немъ что нибудь особенно примѣчательное; неизвѣстность интересуетъ; неожиданная находка производитъ драматическій эффектъ. Въ Москвѣ обѣдалъ у старика Уварова; его узнать нельзя: посѣдѣлъ, подряхлѣлъ, едва ноги передвигаетъ,—всѣ признаки старческаго маразма; но еще оживляется когда зайдетъ рѣчь о народномъ просвѣщеніи и высшихъ интересахъ. Московскіе профессора часто у него бываютъ. Въ Петербургѣ оставилъ я всѣ чиновническія дрязги, и—слава Богу—хоть мѣсяца четыре не увижу ни И. П., ни другихъ героевъ этого покроя. Ins Grüne, ins Grüne! Вдали отъ столицы канцелярій, какъ то чувствуешь себя болѣе человѣкомъ,

освобождаешься отъ чиновнаго элемента, просторнѣе дышешь, лучше смотришь на міръ. Коли начинаю скучать въ городѣ, посылаю за тройкою, лечу верстъ за пятьдесятъ и возвращаюсь къ обѣду довольный». Всего экспедиція Савельева во Владимірскую губернію продолжалась пять мѣсяцевъ. Отъ 1 октября, изъ Переяславля Залѣсскаго писалъ онъ мнѣ: «Довольно я наѣздился, довольно работалъ и довольно сдѣлалъ. Изъѣздилъ я всѣ проселки въ Юрьевскомъ и Переяславскомъ уѣздахъ, былъ въ Нижнемъ на ярмаркѣ, въ Костромѣ, Ярославлѣ и Ростовѣ. Разрыто мною болѣе 3000 кургановъ; отрыто болѣе тысячи вещей, отправлено въ Петербургъ уже 13 ящиковъ. Теперь укладываю послѣднюю отсылку — ящиковъ пять или шесть. Въ занятіяхъ я не видалъ какъ прошло пять мѣсяцевъ, и ни разу не пожалѣлъ о Петербургѣ. Лѣтомъ разъѣзды и разрытія приковывали къ себѣ своею новостію, съ сентября мѣсяца отправка вещей поглощала все время. Дѣло велъ я какъ могъ лучше, и сдѣлалъ что могъ. Главный результатъ изъ раскопокъ можно вывести тотъ, что и до прибытія сюда Русскихъ, въ языческій періодъ Суздальскаго края, было здѣсь довольно густое населеніе, не чуждое нѣкоторой образованности. Слѣдовательно, когда князья перенесли во Владиміръ «столъ» свой, они переселились въ страну вовсе не дикую и не безлюдную. На владычество Норманновъ на Клещинѣ озерѣ несомнѣнно указываютъ вещи совершенно одинаковыя стилемъ съ найденными въ Скандинавіи. Я нашелъ даже золотыя бляхи на одеждѣ съ изображеніемъ-конунговъ въ такомъ же видѣ какъ на Англосаксонскихъ монетахъ, и медаль съ

такимъ же изображеніемъ, не говоря о монетахъ ихъ. Почтенные Меря воскресаютъ изъ своихъ могилъ. Для окончанія розысканій, въ будущемъ году вѣроятно придется рыть на Ростовскомъ озерѣ. «На Ростовѣ озерѣ Меря, на Клещинѣ Меря же», не предполагалъ я чтобъ могъ заинтересоваться Мерею!»

Въ Петербургъ возвратился П. С. въ половинѣ октября, здоровый, веселый; вслѣдъ за тѣмъ туда же пріѣхалъ и я съ береговъ Сыръ-дарьи. Всю зиму провели мы вмѣстѣ, толкуя о начинавшейся войнѣ и составляя планы для дѣйствій противъ Англичанъ со стороны Китая и Средней Азіи, планы, въ осуществленіе которыхъ сами не вѣрили, хотя и не считали ихъ неисполнимыми. Сверхъ обычныхъ занятій по Арх. Обществу, П. С. работалъ надъ описаніемъ и классифированіемъ отрытыхъ имъ древностей. Извлеченіе изъ подробнаго, представленнаго имъ по начальству отчета о раскопкахъ его въ 1853 году, напечатано въ «Извѣстіяхъ» Археологическаго Общества.

Въ 1854 году, не смотря на открывшіяся уже военныя дѣйствія, археологическія работы, предпринятыя по Императорскому Кабинету, положено было вести съ прежнею дѣятельностію. Савельеву Министръ поручилъ продолжать столь удачно начатыя имъ раскопки во Владимірской и Ярославской губерніяхъ; въ помощь ему прикомандированы были Кол. Сов. Пискаревъ и художникъ Сергѣевъ. Прибывъ на мѣсто работъ въ Переяславль, 13 мая, П. С. производилъ разрытія до начала сентября. Отъ 2-го числа этого мѣсяца я получилъ отъ него изъ Ростова слѣдующія извѣстія о ходѣ его занятій. «Разрытія шли не

хуже прошлогодняго, хотя и въ меньшемъ размѣрѣ, по недостатку въ рабочихъ. Важнѣйшимъ открытіемъ будетъ цѣлый Норманскій городъ подъ Ростовомъ; нужно только продолжать здѣсь раскопки и слѣдующее лѣто. Жаль, что онъ отчасти уже разрушенъ строителями шоссе, бравшими изъ него камень. Десять лѣтъ тому онъ былъ еще цѣлехонекъ, и никто не зналъ о немъ! Это, можетъ быть, единственный въ Россіи Норманскій «городъ». При самомъ началѣ работъ, тамъ найдена груда Таберистанскихъ монетъ, Умейядовъ и Аббасидовъ (новѣйшія—начала IX вѣка); нѣтъ ни одной монеты X вѣка и ни одной Саманидской. Бо̀льшая часть половинки и четвертаки. Есть и другія интересныя мелочи. До сего мѣсяца я велъ полукочевую жизнь, преимущественно между Переяславлемъ и Ростовомъ; и тамъ, и здѣсь были у меня квартиры. Теперь засяду отчищать, описывать и укладывать вещи. Въ этомъ пройдетъ добрый мѣсяцъ или недѣли съ три. Въ Ростовѣ у меня рѣдкій хозяинъ — купецъ Хлѣбниковъ, Русскій человѣкъ съ Русскимъ умомъ и чувствомъ, образовавшій себя до примѣчательной степени, собиратель древностей и рѣдкостей, знатокъ своего уѣзда и губерніи, ораторъ и писатель, ведущій огромную корреспонденцію и имѣющій богатый архивъ. Между помѣщиками подобныхъ людей я еще не встрѣчалъ, и едва ли можно встрѣтить. Русскихъ людей можно встрѣтить только между народомъ. Во всей Ярославской губерніи пять человѣкъ занимаются Русскою древностью и поддерживаютъ губернскія вѣдомости, и всѣ пятеро — купцы или мѣщане. Послѣ завтра ѣду въ Великое Село на «великую ярмарку», а 10 числа—въ Юрьевъ,

на открытіе Общества сельскаго хозяйства, котораго буду имѣть честь быть членомъ. Видно теперь пойду по части сельскаго хозяйства! Да еще бы мнѣ не быть агрономомъ, когда перекопалъ нѣсколько тысячь кубическихъ футовъ земли въ трехъ уѣздахъ!... А. И., прославившійся въ области археологіи открытіемъ въ курганѣ скелета женщины «умершей въ родахъ», и «окаменѣлаго мыла», проситъ поклониться тебѣ».

По письму этому я разсчитывалъ, что Савельевъ долженъ возвратиться въ Петербургъ къ половинѣ октября, какъ вдругъ, въ одинъ прекрасный октябрскій вечеръ, «человѣкъ» приходитъ ко мнѣ и «докладываетъ», что какой то, должно быть чиновникъ, спросивши дома ли я, и получивши утвердительный отвѣтъ, велѣлъ провести себя прямо въ кабинетъ, а мнѣ сказать, что у него есть дѣло до меня. «Что за чудакъ такоі!» подумалъ я, отправляюсь въ кабинетъ, и вижу передъ собой — собственную особу Павла Степановича! Это, управившись окончательно съ своимъ порученіемъ, вздумалъ онъ, безо всякой нужды, единственно ради дружбы, «завернуть» ко мнѣ въ Оренбургъ, за полторы тысячи верстъ отъ Переяславля, и, чтобы удивить неожиданностію, не предувѣдомилъ ни словомъ. Налюбовавшись Киргизами, верблюдами, Башкирами, мечетями, взглянувъ на степь разстилающуюся за Ураломъ, на мѣновой дворъ, на караванъ-сараі, то есть на все что было для него интереснаго въ Оренбургѣ, П. С. черезъ два дня поскакалъ за 700 верстъ отсюда, въ Казань, повидаться съ братомъ своимъ Александромъ и другими Казанскими своими знакомыми — оріенталистами;

да хотѣлось ему и посмотрѣть на этотъ городъ, столицу татаризма въ Россіи. Но и въ Казань изъ Оренбурга отправился Савельевъ не прямо, а на Уфу, да и съ Уфимскаго тракта сдѣлалъ еще крюкъ — на развалины Болгаръ, въ Спасскомъ уѣздѣ. Изъ Казани, пробывъ здѣсь тоже три четыре дня, проѣхалъ Савельевъ въ Петербургъ, никуда уже не «завертывая».

Эти поѣздки по средней и восточной Россіи, и два лѣта проведенныхъ въ провинціи посвятили Савельева въ знакомство съ провинціальною жизнью, провинціальными отношеніями, природою Россіи и бытомъ Русскаго крестьянина, о чемъ онъ до тѣхъ поръ, какъ настоящій Петербуржецъ, не имѣлъ никакого понятія. И Савельевъ, съ его Русскою душою, узнавъ поближе Русскаго человѣка, полюбилъ его еще болѣе, чѣмъ прежде.

XII.

Конецъ 1854 и начало 1855 года прошли для Савельева преимущественно въ занятіяхъ по изданію «Записокъ» и «Трудовъ» Археологическаго Общества, и въ составленіи отчетовъ по оффиціальнымъ раскопкамъ. Кромѣ того, написалъ онъ въ это время нѣсколько нумизматическихъ статей, біографію Банзарова, біографію Френа, составлялъ Index къ Nova Supplementa сего послѣдняго, и просиживалъ цѣлые часы у Надеждина, разбитаго параличомъ и почти совсѣмъ оставленнаго прежними, обычными его посѣтителями.

Зима 1854—1855 года заключилась событіемъ, которое потрясло всѣ сердца. Въ маѣ Англійская эскадра подошла къ Кронштадту. Петербургъ былъ объявленъ въ военномъ положеніи. Ожидали бомбардировки. Все, что способно было воодушевиться, пылало энтузіазмомъ. Не до археологіи и нумизматики было... Савельевъ, какъ и другіе Петербуржцы, ѣздилъ, по воскресеньямъ, на вос-

точный рейдъ Кронштадта, сперва привѣтствовать флотъ нашъ, ожидавшій непріятеля, а потомъ — взглянуть поближе на непріятельскій; читалъ Погодинскія письма, рвался душою въ Севастополь, и просился туда, къ сожалѣнію, напрасно; мучился, что въ тяжелое для Россіи время приходится сидѣть сложа руки. А тамъ палъ Севастополь; дѣла принимали оборотъ, тяжкій для всякаго кто не могъ оставаться равнодушнымъ къ славѣ отечества; грусть отнимала и силы, и желаніе работать...

Новый годъ наступилъ подъ благопріятнѣйшими предзнаменованіями. Въ литературномъ мірѣ особенно начала проявляться жизнь. Знакомый съ редакторами «Русскаго Вѣстника», П. С. приглашенъ былъ къ сотрудничеству въ этомъ журналѣ, и въ теченіе весны доставилъ ему три статьи. Въ одной изъ нихъ сказано было нѣсколько рѣзкихъ, но справедливыхъ словъ на счетъ нѣкоей «программы». Тѣ, до кого онѣ касались, узнали себя и пошли жаловаться оффиціальнымъ путемъ. Имъ было отвѣчено, что могутъ защищать печатно честь той корпораціи, которую они считали оскорбленною; печатной защиты не послѣдовало, и выходка Савельева увѣнчалась, черезъ нѣсколько времени, результатомъ весьма утѣшительнымъ для Русскаго оріентализма. Что касается до «Русскаго Вѣстника», то помянутыми тремя статьями и ограничилось сотрудничество въ немъ П. С., по обнаружившемуся несходству въ убѣжденіяхъ съ редакціею этого журнала.

Савельевъ всегда имѣлъ большое расположеніе къ туризму; поѣздки 1853 и 1854 годовъ развили въ немъ этотъ вкусъ еще сильнѣе. Просидѣвъ лѣто 1855 года въ

Петербургѣ, съ экскурсіями не далѣе Петергофа и Царскаго Села, онъ къ веснѣ 1856 такъ пресытился «сѣверною Пальмирою», что готовъ былъ уѣхать куда бы ни было, лишь бы представилась возможность; возможность представлялась одна — отправиться на археологическіе поиски въ Екатеринославскую губернію, гдѣ производились они, по порученію Кабинета, подъ руководствомъ директора Керченскаго музея Ст. Сов. Люценки; и Савельевъ съ радостію воспользовался предложеніемъ Министра послать его въ помощь г. Люценкѣ, тѣмъ болѣе что давно желалъ познакомиться съ югомъ Россіи, и живо интересовался ходомъ производившихся тамъ работъ по розысканію Греческихъ и Скиѳскихъ древностей. Выѣхавъ изъ Петербурга на Москву 30 апрѣля, П. С. пробылъ въ послѣдней до 6 мая, преимущественно въ обществѣ М. П. Погодина и семейства Аксаковыхъ, съ которыми сблизился въ прежнія свои поѣздки; сверхъ того, познакомился съ редакторомъ только что начавшей выходить «Русской Бесѣды», которой и обѣщалъ свое сотрудничество. Изъ Москвы на Екатеринославль П. С. не поѣхалъ ближайшею дорогою. Имѣя постоянно въ виду знакомиться съ пространствомъ Россіи, сколь возможно обширнѣйшимъ, и видѣть въ ней сколь возможно болѣе, онъ направился изъ Москвы, черезъ Калугу, Бѣлевъ, Болховъ, Орелъ, Кромы, Дмитровскъ, Сѣвскъ, Глуховъ, Кролевецъ, Борзну и Козелецъ на Кіевъ; изъ Кіева же, пробывъ здѣсь дня три, поѣхалъ на Екатеринославль черезъ Васильковъ, Бѣлую Церковь, Таращу, Звѣнигородку, Новомиргородъ, Елисаветградъ, Кременчугъ и Верхнеднѣпровскъ. Въ Екатеринославлѣ П. С. прожилъ

всего четыре дня, тѣмъ не менѣе успѣлъ погорѣть, вмѣстѣ съ остатками Керченскаго музея. Дѣло въ томъ, что онъ остановился здѣсь на квартирѣ, нанятой для помѣщенія вещей Керченскаго музея, вывезенныхъ оттуда передъ занятіемъ Керчи непріятелемъ; а неподалеку отъ квартиры этой сдѣлался пожаръ, въ 20 минутъ обнявшій цѣлый кварталъ. Побросавъ на скоро пожитки свои въ тарантасъ, Савельевъ вывезъ его со двора, среди дыма, собственною особою. Часть тюковъ съ Керченскими вещами также была спасена. Въ селеніе Александрополь (въ 80 верстахъ отъ Екатеринославля), гдѣ производились раскопки, явился онъ 21 мая. Здѣсь пятый годъ уже рылись въ громадномъ курганѣ, высотою въ 8, окружностію въ 143 сажени. «Ты знаешь, что мы ищемъ здѣсь Геродотовъ Герросъ», писалъ мнѣ П. С. изъ Александрополя отъ 6 іюня, «и кажется нашли его. Къ сожалѣнію, большой Александропольскій курганъ, извѣстный у мѣстныхъ жителей подъ названіемъ «Луговой могилы», былъ уже кѣмъ то разграбленъ, можетъ быть въ древности. Т. копалъ его три года и не дошелъ до материка, хотя донесъ что дошелъ. Тогда Керченскимъ археологамъ поручено было переизслѣдовать раскопки Т. Оказалось, что онъ не докопался до материка только на два аршина, а въ материкѣ оказались ямы, въ родѣ колодцевъ, шедшія на двѣ сажени въ глубь. Отъ этихъ ямъ шли въ материкѣ галереи. Могилы найдены были разграбленными, какъ бо́льшая часть Керченскихъ: кости лежали въ безпорядкѣ, массивныхъ вещей не было, но по всѣмъ галереямъ валялись разбросанныя мелкія вещицы—бляхи и т. п., всѣ изъ чистаго золота съ

выбитыми изображеніями — Медузиными головами, грифонами и т. д.; по стилю, много схожаго съ Кульобскими находками. Нынѣшнимъ лѣтомъ найдено нѣсколько неограбленныхъ костяковъ лошадей: узды украшены золотыми, довольно полновѣсными бляхами; на одной украшеніе вѣситъ $\frac{1}{2}$ фунта золота — длинная золотая лента à jour съ изображеніемъ оленей, терзаемыхъ грифонами. Всего открыто теперь фунтовъ десять золотыхъ вещей. А это вѣдь крохи, уцѣлѣвшія отъ грабежа! Что же здѣсь было?! Геродотово сказаніе вполнѣ подтверждается. Герросъ отысканъ. Слѣдуетъ непремѣнно раскопать и другіе большіе курганы царскіе; вѣрно, хоть одинъ найдется цѣльный, — и тогда сколько свѣта прольется на Скиѳію! Въ Эрмитажѣ откроется Скиѳскій музей, какъ въ British museum'ѣ — Ниневійскій! Сколько еще работы для нашихъ археологовъ, сколько можетъ открыться новыхъ матеріаловъ для науки! Я бы охотно посвятилъ лѣтъ пять на эти разслѣдованія, если бы умѣли цѣнить ихъ и не стѣсняли предписаніями «имѣть въ виду, что раскопки производятся лишь для доставленія золотыхъ вещей Эрмитажу». А есть въ степи еще кургановъ пять не менѣе Александропольскаго — горы саженъ 10—13 высоты — навѣрно царскіе; на одномъ сохранилась и каменная баба. Да и въ менѣе высокихъ, но той же формы, помѣщики случайно находили и золотыя вещи, и Этрурскія вазы, и каменныя катакомбы. А Скиѳы здѣшніе — все таки загадочны. Когда нибудь сообщу тебѣ объ нихъ свои соображенія, основанныя на курганныхъ открытіяхъ. Я разрываю, отдѣльно отъ Люценки, особый небольшой курганъ, можетъ быть не цар-

скій, но кажется современный большому, и потому любопытный. Пока, кромѣ боковой каменной гробницы, съ костякомъ, конемъ и тремя горшками, ничего еще не найдено. По всей вѣроятности, должна быть гробница или катакомба въ серединѣ. По характеру погребенія видно что это Скиѳскій курганъ. На дняхъ я объѣзжалъ степь на пространствѣ 300 верстъ: сплошь покрыто курганами различной величины. По дорогѣ осматривалъ остатки Запорожской Сѣчи. Животрепещущій вопросъ у насъ, въ Екатеринославской губерніи, теперь — переселеніе крестьянъ «въ Таврію». Какъ нѣсколько лѣтъ тому, изъ Приволжскихъ губерній крестьяне шли «на Дарью», такъ тетеперь отсюда идутъ цѣлыми деревнями «въ Таврію». Я встрѣтилъ десятки подводъ на пути, и распрашивалъ многихъ. Въ рабочую пору такое переселеніе разорительно столько же для крестьянъ, сколько и для всего края. Несчастные глупцы продають все почти за даромъ, чтобы дойти «до Тавріи». Сельскія власти останавливають ихъ, и возвращають по этапамъ. Пересѣченные, безъ гроша и безъ хлѣба, они должны, рано или поздно, воротиться къ помѣщикамъ... Выходять и изъ сосѣднихъ губерній, даже изъ Полтавской и Кіевской».

Письмо П. С. ко мнѣ изъ Александрополя отъ 3 іюля наполнено было извѣстіями, бо́льшею частію посторонними археологіи, но тѣмъ не менѣе интересными. «Каковы оффиціальные археологи здѣшніе», сообщалъ онъ, «одинъ пишетъ *мне, съѣтъ;* другіе не умѣютъ отличить урны отъ амфоры, и грифона отъ дракона, не говоря о совершенной невинности въ дѣлахъ археологіи и миѳологіи; описывають

«геніевъ съ хвостами» (сатировъ) и «какихъ то вооруженныхъ женщинъ на конѣ» (амазонокъ); а, впрочемъ, честные и добрые люди. Въ слѣдствіе войны, все здѣсь вздорожало, и до сихъ поръ цѣны еще держатся высоко; дороговизна выше Петербургской. Даже въ нашемъ селѣ сельскіе припасы — молоко, яйца, куры — стóятъ тоже, и еще дороже, чѣмъ въ Петербургѣ. Главная тягость войны здѣсь чувствовалась въ поставкѣ подводъ, а потомъ въ проходѣ войскъ. Нѣкоторые полки, особенно ополченія, проходили деревни непріятелемъ, забирали все даромъ, и домашнюю птицу ловили на штыки. Хохлы здѣшніе довольно зажиточны, хотя безпечны по Русски. Богатые перенимаютъ кой что у Нѣмцевъ колонистовъ, и, въ праздникъ, увидѣвъ мѣстнаго франта на бричкѣ, въ фуражкѣ, чистой Нѣмецкой рубашкѣ и жилетѣ, примешь его, пожалуй, за Нѣмца. Но заимствованіе нейдетъ далѣе внѣшности. Промысловъ нѣтъ, овцеводство слабо и не улучшается, всякой живетъ зря со дня на день; а рядомъ — богатыя, благоустроенныя колоніи, торговыя, промышленныя, съ сотнями тысячь тонкорунныхъ овецъ. Здѣшній крестьянинъ, хоть, напримѣръ, Никонъ, имѣющій до 15 т. руб. сер. капиталу, держитъ себѣ эти деньги въ узелкахъ или въ скрынѣ, живетъ какъ казакъ, ничего не имѣющій, и не думаетъ въ чемъ либо улучшить свой образъ жизни, расширить дѣятельность, развести болѣе скота. Крыша хаты крыта тесомъ, какъ у колониста, есть синій суконный кафтанъ — вотъ все, что доставило ему пользованіе 15-тысячнымъ капиталомъ! Великорусскій мужикъ пустился бы въ обороты, у казаковъ же нѣтъ, кажется, духа торговыхъ предпріятій.

Здѣшняя почва, говорятъ, благодатна и могла бы питать миліонное народонаселеніе. У Новороссійскихъ степей есть будущность, которой мы не увидимъ. Я писалъ тебѣ о здѣшнихъ эмиграціяхъ въ Крымъ. Теперь это унялось, и все возвратилось въ прежній порядокъ. Я ѣзжу только на курганъ и дѣлаю поѣздки по степи. Въ хатѣ есть у меня газеты, журналы и книги. Читаю довольно. Лѣнь только писать, отъ того, вѣроятно, что нѣтъ кабинетныхъ удобствъ, къ которымъ привыкъ. Писемъ получаю мало, а изъ Питера ихъ и совсѣмъ нѣтъ».

Работы П. С. по изслѣдованію избраннаго имъ кургана окончились ранѣе, чѣмъ онъ предполагалъ; «курганъ оказался незначительный», писалъ онъ отъ 21 іюля, «восемь гробницъ и могилъ съ костяками людей и коней, горшки и мѣдныя копья; любопытны, впрочемъ, разныя подробности разрытія, положеніе костяковъ и т. д., указывающія на различные образы погребенія. Курганъ, можетъ быть древне-Славянскій, потому что подобные разрываемы были въ Кіевской губерніи». Концемъ лѣта и началомъ осени, отличающейся въ Новороссіи прекрасною теплою и ясною погодою, П. С. рѣшился воспользоваться, чтобы поѣздить по Крыму, который представлялъ тогда наблюдателю особый интересъ, по недавнему очищенію его союзниками. Онъ просилъ у Министра позволенія отправиться туда принять участіе въ раскопкахъ предположенныхъ близь Ѳеодосіи, и вообще для обозрѣнія главнѣйшихъ археологическихъ мѣстностей полуострова; получилъ разрѣшеніе, и, провозившись въ Екатеринославлѣ съ разболѣвшеюся ногою около двухъ недѣль, выѣхалъ оттуда

8 августа; но, по обычаю, направился не прямо на Симферополь, а—через Никополь, Бериславъ, Херсонъ и Николаевъ, въ Одессу, гдѣ прожилъ болѣе недѣли, осматривая достопримѣчательности города и музея древностей тамошняго Историческаго Общества. Пароходныя сообщенія съ Крымомъ, прерванныя войною, не были еще возстановлены, потому ѣхать туда пришлось Савельеву сухопутьемъ, обратно черезъ Херсонъ и Перекопъ, на Симферополь. Отдохнувъ здѣсь трое сутокъ, П. С. поспѣшилъ въ Севастополь, не забывъ, впрочемъ, свернуть съ дороги въ Бакчисарай. Осмотрѣвъ развалины Севастополя, остатки Французскаго лагеря въ Камышѣ и Англо-Сардинскаго хозяйничанья въ Балаклавѣ, Савельевъ проѣхалъ Байдарскою долиною на южный берегъ, останавливался въ Ялтѣ, и черезъ Алушту возвратился, горною дорогою, въ Симферополь, 3 сентября. Отсюда черезъ Карасу Базаръ, въ Ѳеодосію пріѣхалъ онъ 6-го, и оставался тутъ до 13-го, когда отправился въ Керчь. На обратномъ пути изъ Керчи прожилъ онъ опять въ Ѳеодосіи цѣлыя двѣ недѣли. Вотъ нѣсколько замѣтокъ его о Керчи и Ѳеодосіи.

«На вершинахъ возвышенностей, окружающихъ Ѳеодосію съ СЗ. полукружіемъ, курганы средней величины. До 20 и болѣе раскопаны; въ нихъ найдены И. К. Айвазовскимъ аграфъ, статуэтки, грифонъ и пр. Въ большихъ курганахъ, обложенныхъ камнями, почти ничего не находили. Древніе курганы — меньшей величины; въ нихъ находили пепелъ и вещи. Возвышенности эти были покрыты нѣкогда лѣсомъ и садами; старожилы еще помнятъ; теперь ничего нѣтъ. Русскіе, при занятіи города, изрубили

лѣсъ на дрова. Были вездѣ виноградники; теперь только вновь начинають заводить ихъ. Въ послѣднюю войну (1854 — 1855) нанесенъ былъ послѣдній ударъ, раззореніемъ домовъ. До Фенша (градоначальникъ въ 1800 году) весь городъ былъ обнесенъ Генуезскою стѣною съ башнями и глубокимъ рвомъ, обложеннымъ тесаными камнями. Феншъ первый явился раззорителемъ Ѳеодосіи; онъ разобралъ стѣны для постройки казармъ, и слѣдами бывшихъ укрѣпленій остаются теперь только три башни: при въѣздѣ въ городъ и къ сторонѣ отъ карантина; при немъ же и его преемникахъ засыпаны рвы, отъ чего городъ съ тѣхъ поръ два раза затопляло водою съ горъ. Остатки рва съ каменной обложкой сохранились еще у карантина. Дюбуа несправедливо приписалъ Казначееву уничтоженіе мечети и бань на Большой площади: это было дѣло В—а, въ 1833 году, въ голодъ, чтобы дать Татарамъ работу (платили по 25 к. въ день), В—ъ предписалъ разобрать эти зданія. Жаль что погибли при этомъ и камни съ надписями; нѣкоторыя, впрочемъ, сохранились въ городскомъ музеѣ, напримѣръ надпись 819 года. Музей, основанный въ 1810 году, помѣщается въ упраздненной Турецкой мечети. У входа два мраморные льва въ лежачемъ положеніи, головою внизъ. Два такіе же льва находятся въ саду Котляревскаго подъ городомъ. Всѣ четыре изъ сломанной мечети. Въ самомъ музеѣ болѣе 50 мраморовъ и камней съ надписями изъ Греческаго, Генуезскаго и Турецкаго періодовъ,—огромныя амфоры, статуэтки, лампы и пр., найденныя въ курганахъ,—монеты. Особенно замѣчательна огромная плита въ сажень длиною, съ выпуклымъ изображеніемъ грифона въ

право. Эти памятники заслуживаютъ изданія. Сохранился еще, кромѣ церквей, одинъ памятникъ прежняго времени — трехъэтажный домъ оригинальной постройки, теперь пустой, почти развалина; здѣсь останавливалась Императрица Екатерина II, потомъ было Собраніе. Церквей Армянскихъ три, всѣ старинныя: Св. Георгія, на кладбищѣ, самая древняя, Византійской формы; Св. Архангеловъ Михаила и Гавріила, вѣроятно Генуезскаго времени, и Св. Сергія, со многими плитами и надписями внутри, и съ воротами въ арабескахъ. Кромѣ того, Армяно-католическая церковь, бывшая мечеть. Бульваръ идетъ двумя параллельными террасами, изъ коихъ та, которая ниже 6-ю или 7-ю ступенями (напрасно не 14-ю) назначена для простаго народа. На берегу «ханы» бо̀льшею частію пустые. Въ фонтанахъ воды нѣтъ; ушатъ продается по 15 к. сер.»

«Въ Керчи истреблено непріятелемъ едва ли не $^3/_4$ домовъ: одни стоятъ безъ крышъ, стропилъ, балокъ и рамъ, разобранныхъ на топливо, и покрививпись; другіе сожжены были въ то время, когда разнесся слухъ, что подступаютъ Русскіе: въ нихъ хранилась пшеница, которую приказали было сжечь, чтобы не доставалась Русскимъ; третьи разобраны на батареи; четвертые сломаны, чтобы очистить площадь передъ батареями. Уцѣлѣли болѣе другихъ Ѳеодосійская и Воронцовская улицы. Истреблены дома̀ по набережной, сломана часть самой набережной, дома̀ по Митридатовой горѣ, гдѣ стояли Турки. Они разрывали даже кладбища. Татары грабили больше всѣхъ. Вырублены сады городской и Гущина. Уцѣлѣли тѣ дома̀, гдѣ стояли власти, или гдѣ остались прежніе обыватели.

На Митридатѣ устроена батарея. Музей цѣлъ, но голъ. Лѣстница, ведущая на Митридатъ, испорчена: разбиты каменныя балюстрады. Изъ памятника Стемпковскому вынутъ позолоченный крестъ. Вскорѣ по занятіи города, непріятель приступилъ къ укрѣпленію его—обвелъ валомъ и рвомъ, которые идутъ отъ Соляной пристани съ одной стороны, до бывшей таможни съ другой, черезъ Золотой курганъ, который совершенно разрушенъ: камни разобраны на устроенную на немъ батарею. На стоящей за нимъ горѣ еще батарея. Также укрѣпленъ и Ениколь».

Относительно Севастополя, Савельевъ, взглянувъ на него глазами антикварія, замѣтилъ что хорошо было бы поискать въ развалинахъ его, не найдутся ли между камнями разрушенныхъ домовъ — древніе, съ Греческими надписями, взятые изъ развалинъ Херсониса.

Крымъ спасеніемъ своимъ — разсказывали Савельеву на мѣстѣ — обязанъ волостному писарю въ Сакахъ, Карабіенкѣ. Важная, представительная фигура его принята была союзниками, при высадкѣ, за мера. Его взяли, и, за обѣдомъ у Сентъ-Арно и Раглана, разспрашивали о числѣ Русскихъ войскъ въ Крыму; онъ показалъ огромное число, зная и расположеніе, и настоящее количество нашихъ силъ тамъ. Союзники повѣрили или нѣтъ, только не рѣшились идти на Симферополь. Разспрашивалъ его графъ Браницкій.

Пробывъ въ Ѳеодосіи по 30 сентября, въ обратный путь оттуда, П. С. поѣхалъ не обычною дорогою черезъ Перекопъ, которая была уже извѣстна ему, а новооткрытымъ Чунгарскимъ трактомъ, самою степною и соляною

полосою Крыма, гдѣ не проѣзжалъ еще ни одинъ археологъ. Съ Чунгарскаго моста направился на Мелитополь, Александровскъ и Екатеринославъ, а отсюда въ Москву проѣхалъ Новомосковскомъ, Константиноградомъ, Харьковымъ, Курскомъ, Орломъ и Тулою. Въ Москвѣ останавливался у преосвященнаго Леонида, и 15 октября былъ уже въ Петербургѣ.

XIII.

«Единственный результатъ этого длиннаго пути — писалъ мнѣ Савельевъ по возвращеніи изъ описанной поѣздки по южной Россіи — собраніе свѣдѣній о курганахъ и анекдотовъ о злоупотребленіяхъ во время войны». Неправда — потому что человѣкъ съ сердцемъ, человѣкъ умный, образованный, привыкшій не тратить времени даромъ, не можетъ не набраться разнообразныхъ свѣдѣній и впечатлѣній, какую бы сторону онъ не посѣтилъ, тѣмъ болѣе если былъ предварительно знакомъ съ нею исторически, какъ Савельевъ съ Крымомъ. Что онъ клеветалъ на себя приведенною фразою, что посѣщеніе Крыма многому его научило, многое заставило перечувствовать и передумать, видно изъ того даже, что, менѣе нежели черезъ мѣсяцъ, онъ (въ письмѣ ко мнѣ отъ 19 ноября) фантазировалъ уже такимъ образомъ: «Хочется написать о Крымѣ нѣчто историко-политическо-археологическое, — матеріалы для этого лежатъ у меня подъ рукою,—показать, чѣмъ была страна

въ древности, сколько процвѣтало въ ней городовъ, и пр. и пр., какъ процвѣтали они даже у Гиреевъ и Турокъ, и какъ съумѣли мы ничего не сдѣлать изъ нея въ теченіе 80 лѣтъ, кромѣ шоссе на южномъ берегу. Тутъ явится эпизодъ войны, видѣнные мною слѣды непріятеля и въ перспективѣ желѣзныя дороги, пароходы, колонизація и торговля. Хотѣлось бы мнѣ многое слышанное и замѣченное высказать прямо, если только пропуститъ цензура. А для безцѣльныхъ или картинныхъ очерковъ не стоитъ и приниматься за перо: ихъ ужь и такъ довольно напечатано». Ознакомившись лично съ такою страною какъ Крымъ, богатою историческимъ прошлымъ и глохнущею въ настоящемъ, человѣку привыкшему мысль и чувство свое передавать бумагѣ, невозможно почти въ первое время по возвращеніи, когда впечатлѣнія еще живы и ясны, удержаться отъ желанія написать объ ней то или другое. Но пока соберешься приняться за дѣло, являются другія занятія, нужнѣйшія; новыя впечатлѣнія ослабляютъ память видѣннаго, и желаніе замираетъ безплодно. Такъ было и съ П. С., кромѣ другихъ, частныхъ причинъ, заставившихъ отложить его намѣреніе подарить Русскій міръ умною и совѣстливою книгою о Крымѣ. Пріѣхавъ въ Петербургъ, онъ засталъ начальника своего, Л. А. Перовскаго, тяжко больнымъ, почти мертвецомъ на постели. Никакія пособія не помогали, и 9 ноября графъ переселился въ вѣчность. «Страдалъ довольно, — писалъ Савельевъ мнѣ, также долго служившему подъ начальствомъ покойнаго — а умеръ тихо и незамѣтно, повернувшись на другой бокъ. Больно не хотѣлось ему умереть, спорилъ и бранился онъ

съ врачами, говоря что не дастъ имъ уморить себя; наконецъ сознаѣлъ самъ безнадежность свою, исповѣдался и причастился, плакалъ при этомъ, и — заснулъ на вѣки. Миръ праху его! Изъ людей прошлаго царствованія все таки былъ онъ едва ли не лучшій: человѣческое часто проглядывало въ немъ, не вполнѣ заглушенное той атмосферою, въ которой приходилось ему вращаться. Я, съ своей стороны, хотя въ служебномъ отношеніи ничего отъ него не выигралъ, былъ привязанъ къ нему и привыкъ къ его обращенію, тѣмъ болѣе что онъ постоянно былъ хорошъ со мною... Мнѣ дороже всего была моя свобода, и за нее то я и любилъ графа. Трудно мнѣ будетъ привыкать къ новому начальству, каково бы оно ни было. Притомъ я не знаю что̀ предстоитъ, и куда примкнусь». Другой человѣкъ, съ которымъ Савельевъ тоже долгое время былъ въ близкихъ сношеніяхъ, и котораго любилъ онъ, не смотря на то, что имѣлъ достаточныя причины быть недовольну имъ, именно Н. И. Надеждинъ, умеръ еще въ началѣ 1856 года. А. М. Княжевичъ, принимавшій всегда большое участіе въ Надеждинѣ, просилъ П. С. разобрать бумаги, оставшіяся послѣ покойнаго. П. С. охотно взялся, и, разобравъ, рѣшился, съ согласія наслѣдниковъ Надеждина, напечатать неизданныя сочиненія и сверхъ того написать полную біографію, съ извлеченіемъ изъ его писемъ. Лѣтняя поѣздка на югъ отвлекла Савельева отъ исполненія этого намѣренія: въ началѣ года онъ успѣлъ только напечатать въ Журналѣ М. н. пр. статью Надеждина «Объ отличительныхъ признакахъ и нарѣчіяхъ Русскаго языка», да послать въ «Русскій Вѣстникъ» автобіографію покойнаго,

снабдивъ ее введеніемъ, примѣчаніями и дополненіемъ, въ которомъ съ сочувствіемъ, увлекательно и вѣрно очертилъ его жизнь и оцѣнилъ его дѣятельность. Зимою, возвратившись изъ поѣздки, онъ счелъ долгомъ тотчасъ же заняться приготовленіемъ къ печати находившихся въ рукахъ его рукописныхъ статей Надеждина (которыя и отослалъ печатать въ «Русскую Бесѣду»), собраніемъ матеріаловъ для біографическихъ объ немъ «Записокъ», и плановъ полнаго изданія многочисленныхъ и разнообразныхъ трудовъ его, разбросанныхъ почти по всѣмъ журналамъ и сборникамъ, издававшимся въ теченіи 30 лѣтъ. Боль въ ногахъ, между тѣмъ, не прекращалась, только временно унимаясь. Отъ 23 декабря 1856 года Савельевъ писалъ мнѣ: «Дня три я пролежалъ, порядочно простудившись. Помогла гомеопатія; она же помогаетъ немного и моимъ ногамъ, ослабивъ въ нихъ мускульное подергиваніе». Къ этому, въ письмѣ отъ 7 февраля 1857 года, прибавлялось: «Нога моя, какъ оказывается, страдаетъ сухою костоѣдою, что не совсѣмъ утѣшительно, потому что есть надежда, рано или поздно потерять ногу». Усидчивая работа, особенно по ночамъ, была вовсе неумѣстна при такомъ состояніи здоровья, а тутъ явился на бѣду Тетюшскій кладъ въ двѣ тысячи слишкомъ монетъ: какъ утерпѣть чтобы не разобрать ихъ! А разборъ этого клада послужилъ, послѣ Екатеринославскаго въ 1852 году, второю капитальною брешью въ организмъ Савельева. «Я давно не писалъ къ тебѣ — нахожу я въ письмѣ его отъ 23 апрѣля 1857 года — потому что ровно три недѣли, страстную, свѣтлую и Ѳомину, не дѣлалъ ничего кромѣ разборки монетъ. Накопилось ихъ тысячи три.

Надо было за разъ ихъ покончить: засѣлъ безвыходно— кстати и худая погода и можно никуда не выѣзжать—и кончилъ. Между прочимъ былъ и кладъ Джучидскихъ монетъ, небывалый по богатству новыхъ родовъ и видовъ, лучше даже Екатеринославскаго: хановъ пять или шесть новыхъ—нѣкоторые сомнительны, но другіе несомнѣнны— новые года, огромное число экземпляровъ именно тѣхъ хановъ, которые рѣже всего попадаются: Джанибека II (твоего), Урусъ хана, Джанибека III (моего), Каганбека (въ первые открытаго въ Екатеринославскомъ кладѣ), и т. д. Я составилъ описаніе этого клада, со многими рисунками, которое вмѣстѣ съ описаніемъ Екатеринославскаго клада, и разныхъ неизданныхъ Джучидовъ изъ разныхъ собраній, составитъ одно цѣлое. Оно уже печатается... Ты пишешь, что тебѣ достается за статью о Грановскомъ, но ты не читалъ еще статей Павлова и Кавелина въ «Русскомъ Вѣстникѣ». Это ужь и имени не имѣетъ!! Хочу написать на Павлова, и, смотря по объему, пошлю въ «Бесѣду» или «Молву». Тебѣ самому не йдетъ отвѣчать Павлову».

Дѣйствительно, статья г. Павлова «Біографъ оріенталистъ», помѣщенная въ «Русскомъ Вѣстникѣ» за 1857 годъ, № 6, написана была въ такомъ тонѣ, и съ такими противу меня выходками, что отвѣчать самому, дорожа сколько нибудь собственнымъ достоинствомъ, мнѣ не приходилось. Между тѣмъ, Москва волновалась въ то время,—не то что теперь,—отъ каждаго слова «Р. Вѣстника», и было необходимо вывести на чистую воду fidem punicam и клеветы г. Павлова; но не всякій бы рѣшился на такое дѣло по

страшному на меня тогда озлобленію всей «прогрессивной» публики и всѣхъ «либеральныхъ» журналовъ и газетъ. «Какъ можно защищать такого человѣка, противу котораго возстало общественное мнѣніе?» писалъ одинъ изъ корифеевъ изобличительной литературы къ пріятелю моему, который прислалъ ему, для передачи въ редакцію Р. В., статью противу г. Павлова. А такъ думали тогда всѣ люди, ратовавшіе «за свободу личныхъ убѣжденій». Но Савельевъ, какъ видѣли мы и по отношенію къ Сенковскому, никогда не увлекавшійся голосомъ толпы не разбирающей дѣла и вопящей съ чужаго голоса, всегда думавшій, что каково общество, таково и общественное его мнѣніе, или, другими словами, что на рябинѣ не растетъ ананасовъ (а въ возможности этого и доселѣ не сомнѣваются многіе глубокіе мыслители на Руси), и за правое дѣло не боявшійся навлечь на себя чью бы то ни было вражду, рѣшился на такой «подвигъ», какъ на вещь самую обыкновенную. Въ четвертомъ номерѣ «Молвы» за 1857 годъ, явилась въ защиту мою статья его «Фельетонистъ оріенталистъ»; а когда «Московскія Вѣдомости» напечатали псевдонимныя на нее замѣчанія, онъ отвѣчалъ на послѣднія, весьма энергически, въ 10 и 11-мъ номерахъ той же «Молвы». Не мнѣ судить о достоинствѣ защиты представленной моимъ адвокатомъ; но позволительно, кажется, замѣтить, что послѣ нея замолкли на Руси печатные толки по поводу статьи моей о Грановскомъ, и мерзости про меня выдумываемыя стали сообщаться тѣми, кому это доставляло удовольствіе, уже въ Paternoster street. Въ продолженіи этой перепалки, Савельевъ писалъ мнѣ отъ 15 мая: «Послѣднее время я

былъ довольно занятъ передачею археологическихъ дѣлъ и вещей, составленіемъ отчета ревизіонной коммиссіи Географическаго Общества, участіемъ въ составленіи новаго устава для Археологическаго, и другими срочными дѣлами. Не знаю, получаешь ли ты «Молву» и читалъ ли тамъ мои писанія въ №№ 4 и 5? Тѣ, до кого онѣ касаются, были, видно, такъ встревожены статьею, что тотчасъ прислали сюда къ Б. номеръ газеты, съ просьбою написать отвѣтъ. Б. на другой день явился ко мнѣ, и объявилъ о томъ «по секрету», съ покровительственнымъ видомъ успокоивая обѣщаніемъ, что писать не будетъ.— «Почему же нѣтъ?». — «Да такъ, не йдетъ: я имъ такъ и отвѣчалъ».— Въ тотъ же вечеръ я видѣлъ одного господина, хорошо знающаго Б., и онъ сообщилъ мнѣ, тоже «по секрету», что оріентальныя свѣдѣнія для статьи П. сообщилъ Б. Поди ты, влезь въ человѣка!»

Лѣтомъ 1857 года П. С. не успѣлъ, къ сожалѣнію, воспользоваться, чтобы освѣжить себя какимъ нибудь дальнимъ странствованіемъ. На нѣсколько дней только могъ онъ оторваться отъ своей сидячей жизни въ сыромъ Петербургѣ. «Въ іюлѣ — писалъ мнѣ П. С. — погода стояла у насъ прескверная; но вотъ какъ то просвѣтлѣло, потеплѣло, и мы съ Дерикеромъ рѣшили совершить поѣздку, чтобы протрястись и подышать незараженнымъ воздухомъ. Сѣли на пароходъ, поѣхали въ Шлюшинъ, оттуда на Ладожское озеро. Сдѣлалась порядочная буря, пароходъ воротился съ озера и прождалъ цѣлую ночь у Шлюшина. Какъ слѣдуетъ богомольцамъ, ходили мы по Коневцу, вкушали монастырскую трапезу, были на Вала-

амѣ и оттуда отправились въ Сердоболь. Отсюда на таратайкахъ на Иматру; съ Иматры на Выборгъ, откуда на пароходѣ домой. Поѣздка совершена довольно удачно (кромѣ бури и двухъ дней дождя). Общество на пароходѣ было почти все знакомое: Латкинъ, Черносвитовъ, Талызинъ, архимандритъ Макарій. Во время дождя въ каютѣ происходило публичное чтеніе повѣсти Печерскаго (Мельникова) «Старые Годы», которое заняло все общество. Отъ Сердоболя до Иматры дорога, бо̀льшею частію, живописная; также интересны шхеры за Выборгомъ. За тѣмъ, въ Питерѣ, пошло старою колеей: главное занятіе—чтеніе корректуръ и вычитываніе того сего. Печатаніе «Екатеринославскаго клада» кончено, теперь набирается Тетюшскій; сверхъ того печатается «Алтанъ Топчи» и «Рашидъ-Эддинъ».

Изъ переписки чисто нумизматическаго содержанія, которая шла у меня съ П. С. осенью 1857 года, видно, что въ это время онъ былъ почти исключительно погруженъ въ свой большой трудъ о Джучидскихъ и прочихъ монетахъ, вышедшій въ слѣдующемъ году. Зимой не получалъ я отъ него никакихъ извѣстій. «Цѣлые три мѣсяца не писалъ я къ тебѣ—увѣдомлялъ меня П. С. отъ 25 февраля 1858 года;—со мной лично въ эти три мѣсяца ничего особеннаго не случилось: то ногу потрешь, то фистулу во рту пополощешь, то змѣинаго яду капельку примешь — здоровья ради. Кажется, баклушь не бьешь, да и не дѣлаешь ничего. Служебныхъ занятій никакихъ нѣтъ. Дѣятельность по Обществамъ ограничивается засѣданіями, комитетами да коммисіями; иногда приходитъ страшная

охота кинуть всѣ эти Общества, а то дѣла не дѣлаешь, а время убиваешь... По службѣ, предлагали мнѣ занять мѣсто вице-директора въ Департаментѣ народнаго просвѣщенія, но я не могъ его принять... Манятъ также въ помощники попечителя; теперь ихъ три вакансіи, но только къ одному пошелъ бы я въ помощники, къ Пирогову, да съ нимъ не знакомъ... Одно изъ непосланныхъ къ тебѣ писемъ я началъ руганками на всѣхъ и на все, начиная съ журналовъ. На «Русскую Бесѣду» я былъ тогда сердитъ за то, что болѣе года держитъ статьи Надеждина, разбиваетъ на двѣ книжки, и сопровождаетъ умнѣйшими примѣчаніями, что де это «статьи отсталыя и устарѣлыя». О «Молвѣ» и говорить нечего: de mortuis etc. Журналовъ у насъ, кажется, не мало, а нѣгдѣ, право, печатать, когда напишешь что нибудь не по вкусу «публики»! — Не мало времени ломалъ я себѣ голову, какъ бы и гдѣ бы отвѣчать, за тебя, К — у, и рѣшилъ, что лучше не отвѣчать вовсе, если нельзя, безъ особаго позволенія, послать отвѣтъ прямо къ Г. Тамъ, друзья твои, въ отвѣтъ на мой вызовъ въ «Молвѣ» прозвонили... C'est ainsi qu'on écrit l'histoire. Чортъ съ ними, ужь наскучило говорить объ этой полемикѣ».

Не успѣлъ еще П. С., по множеству разнородныхъ занятій своихъ, управиться съ біографіею Надеждина и приготовленіемъ къ изданію его сочиненій, какъ Русская наука понесла другую утрату въ лицѣ человѣка, съ которымъ духовная жизнь Савельева имѣла несравненно большую связь: 4 марта скончался въ Петербургѣ О. И. Сенковскій. Вотъ грустное описаніе похоронъ его, изъ письма Савельева отъ 9 марта: «Похороны были весьма скромныя,

въ католической церкви, на Торговой улицѣ. Дроги въ четверню, нѣтъ ни орденскихъ подушекъ, ни даже треугольной шляпы и шпаги на гробѣ. Въ церкви было нѣсколько литераторовъ: Бенедиктовъ, Струговщиковъ, Кукольникъ, Краевскій, Очкинъ, Старчевскій; книгопродавцы: Смирдинъ, Генкель, Печаткинъ, Плюшаръ, и очень мало публики. До Волковскаго кладбища провожали весьма не многіе: мы съ Дерикеромъ, да Штакельбергъ, Тизенгаузенъ, Мухлинскій и трое четверо постороннихъ. Ни Академія, ни университетъ не прислали депутатовъ. Кучка въ 20—30 человѣкъ окружала могилу, когда опускали въ нее гробъ и ксендзъ читалъ тихую погребальную молитву. Чтеніе прекратилось, всѣ начали бросать на гробъ по горсти земли, «да будетъ она ему легка», воцарилось убійственное и неловкое молчаніе. Вдругъ послышался громкій и грустный голосъ по Русски:

«Неужели надъ гробомъ Осипа Ивановича Сенковскаго не раздастся Русское слово, которому онъ оказалъ столько услугъ, за которое онъ боролся, страдалъ, которому служилъ до послѣдняго дня жизни? Заслуги его Россіи незабвенны, и потому онъ намъ родной — онъ Русскій. Помолимтесь же о немъ по Русски, и скажемъ ему: вѣчную память».

Слова Лебедева (полковникъ генеральнаго штаба и редакторъ «Русскаго Инвалида») сказаны были отъ души, и слезы невольно навернулись у всѣхъ на глазахъ. Затѣмъ Михайловъ (М. И., ты его знаешь) сказалъ нѣчто въ родѣ рѣчи, складно, но общими мѣстами. Поминокъ не было. Человѣкъ съ десять сговорились ѣхать помянуть покойнаго

въ Знаменской гостинницѣ. — Такъ тихо и скромно, безучастно со стороны публики, литераторовъ и ученыхъ, совершилось погребеніе одного изъ замѣчательнѣйшихъ умовъ и дарованій нашего времени».

Да, не такъ бы почтила любая страна Европы память человѣка, который нѣсколько лѣтъ былъ диктаторомъ въ родной литературѣ, произвелъ коренной переворотъ въ отечественномъ словѣ, обладалъ свѣдѣніями, равныхъ которымъ, по основательности и разнообразію, не имѣлъ до него, быть можетъ, никто изъ людей; человѣка, который по уму и талантамъ могъ выдержать соперничество съ любою изъ современныхъ ему знаменитостей, и оставилъ въ наслѣдіе потомству огромный запасъ глубокихъ соображеній, бывшихъ не по плечу той толпѣ, среди которой, до послѣдняго издыханія, служилъ онъ дѣлу знанія, непонимаемый, неоцѣняемый, преслѣдуемый завистію, невѣжествомъ и бездарностію....

Читая ученыя статьи и разборы Сенковскаго, погребавшіеся въ толстыхъ томахъ «Библіотеки для Чтенія» вмѣстѣ со всякимъ хламомъ, мы часто разсуждали, какъ бы хорошо было собрать ихъ и издать отдѣльно. Такое изданіе было одною изъ самыхъ горячихъ дезидератъ нашихъ. Понятно, послѣ этого, что лишь только, по кончинѣ Сенковскаго, явилась у вдовы его мысль издать сочиненія мужа и осуществленіе этой мысли предложено было ею Савельеву (вмѣстѣ съ В. В. Дерикеромъ), онъ немедленно и съ жаромъ, оставивъ всѣ прочія работы, занялся этимъ дѣломъ, и составленіемъ подробной біографіи Сенковскаго, которая должна была служить введеніемъ къ изданію.

«Послѣ Сенковскаго — писалъ Савельевъ отъ 14 апрѣля — ни бумагъ, ни книгъ, ни денегъ, ничего не осталось, кромѣ дома и разныхъ обломковъ того и сего. Книги разрознены и растеряны, рукописей нѣтъ никакихъ. Страшный безпорядокъ во всемъ. Даже «Библіотеки для Чтенія» нѣтъ полнаго экземпляра, и книжки нужно отыскивать на Толкучемъ. Главный трудъ будетъ въ выборкѣ ученыхъ мнѣній изъ критикъ и рецензій. Всего будетъ 10 — 12 томовъ». Въ концѣ мая приступлено уже было къ печатанію, а къ сентябрю выдано два первыхъ тома, съ біографіею Сенковскаго во главѣ перваго. Біографія эта стоила П. С. много труда на разныя справки и можетъ служить образцомъ, какъ надо писать біографіи ученыхъ. Что касается до изданія самыхъ сочиненій, то П. С. не былъ имъ доволенъ: его торопили, и вмѣстѣ настойчиво требовали чтобы собраніе не заключало въ себѣ болѣе девяти томовъ. Въ слѣдствіе этого, въ составъ его не вошло многихъ замѣчательныхъ трудовъ Сенковскаго, которые Савельевъ перепечаталъ бы непремѣнно, если бы дѣло отъ одного его зависѣло.

Издавая Сенковскаго, Савельевъ уморилъ себя: за этою работою не могъ онъ отлучиться изъ Петербурга на лѣто, и доканалъ ею свое здоровье, разстроенное уже предшествовавшими усидчивыми и ночными трудами. «Цѣлое лѣто высидѣлъ я въ городѣ — писалъ мнѣ Савельевъ отъ 3 сентября — и видѣлся съ однимъ только Дерикеромъ; за то и высидѣлъ спазмы или воспаленіе въ брюхѣ, которыя онъ долженъ теперь вылечивать. На слѣдующее лѣто и калачомъ не заманятъ остаться въ Питерѣ; и то потерялъ

въ немъ два лѣта,—и надъ чѣмъ же? Надъ корректурами! А откажешься отъ нихъ, дѣло остановится; никто не хочетъ работать даромъ. Выпустивъ V и VI части «Трудовъ» Восточнаго отдѣленія, оканчиваю теперь послѣдніе выпуски III и IV тома, недоданные. Саблуковъ обѣщалъ вскорѣ прислать свой переводъ Абульгазія, который займетъ VII томъ». Но какъ ни дорого для здоровья обходились Савельеву корректуры, онъ, заваленный ими, готовъ былъ, тѣмъ не менѣе, обречь себя безкорыстно на новыя корректурныя мученія для общеполезнаго дѣла: онъ не оставлялъ намѣренія напечатать собраніе избранныхъ трудовъ Надеждина; въ томъ же письмѣ отъ 3 сентября говорилось: «Смирдинъ берется издать сочиненія Надеждина. Нѣтъ ли у тебя того списка имъ, который ты когда то составилъ, думая объ этомъ изданіи. Разумѣется, что всего печатать не слѣдуетъ; нуженъ выборъ. Но при этомъ представляется такой вопросъ: перепечатывать ли спеціальныя статьи, помѣщенныя въ трудахъ ученыхъ обществъ, какъ напр. Геродотова Скиѳія? Что̀ перепечатать изъ Энциклопедическаго Лексикона, и т. д. Во всякомъ случаѣ выйдетъ не менѣе трехъ томовъ Смирдинскаго формата in 12°».

XIV.

Коротенькое письмецо отъ 20 октября 1858 года было послѣднимъ, которое получилъ я отъ Савельева. «Недавно— писалъ онъ — я пролежалъ въ постели дня три, отъ судорогъ въ животѣ, но не отправился въ лучшій міръ, хотя и стою на очереди». Привыкши видѣть Савельева постоянно больнаго какимъ нибудь недугомъ, не смотря на здоровую его наружность и плотное сложеніе, я не подозрѣвалъ что онъ хвораетъ на смерть. Пріѣхавъ въ Петербургъ въ концѣ декабря 1858 года, я нашелъ его сильно измѣнившимся, исхудалымъ, блѣднымъ, но еще выѣзжавшимъ, и духомъ совершенно бодраго. Сознавалъ ли онъ самъ безысходность своей болѣзни, которой медики не понимали, или нѣтъ, не знаю, только въ выраженіи лица его, поступкахъ и разговорахъ не выказывалось ничего, что бы обнаруживало такое сознаніе. По прежнему работалъ онъ за своимъ письменнымъ столомъ, по прежнему читалъ, по прежнему болталъ съ добрыми знакомыми, которыхъ самъ посѣщалъ,

или которые къ нему заѣзжали. Все шло обыкновеннымъ порядкомъ, и мнѣ, видавшемуся съ Савельевымъ почти ежедневно, въ голову не приходило что онъ отживаетъ послѣдніе дни свои въ этомъ мірѣ. Но ему становилось все хуже и хуже. Онъ не могъ уже выѣзжать болѣе. Послѣдній выѣздъ его былъ на свадьбу ко мнѣ, 8 февраля. Около этого времени родственницы его, Погребовы, отправлялись за границу, и звали его съ собою. Онъ колебался. Я отговаривалъ его, совѣтовалъ ему лучше, какъ поправится весною, сѣсть въ Твери на пароходъ и Волгою пріѣхать ко мнѣ въ Оренбургъ, откуда я спроважу его въ Киргизскую степь, гдѣ чистѣйшій въ мірѣ воздухъ и кумысъ непремѣнно возстановятъ его здоровье, послѣ чего можетъ онъ ѣхать за границу, куда вздумается. Идея понравилась ему, онъ далъ мнѣ слово, что весною непремѣнно пріѣдетъ въ Оренбургъ, и сталъ фантазировать, какъ изъ Киргизской степи проѣдетъ онъ въ Гурьевъ, оттуда на пароходѣ, по Каспійскому морю, въ Баку, черезъ Закавказье въ Поти, а изъ Поти, по Черному морю, въ Константинополь, въ Грецію, Италію и т. д. Я былъ вполнѣ увѣренъ, что онъ выздоровѣетъ, и состоится по крайней мѣрѣ первая часть задуманнаго путешествія. Въ этой увѣренности я и уѣхалъ изъ Петербурга въ концѣ марта. Только, какъ прощался я съ нимъ, онъ лежалъ уже не въ кабинетѣ у себя, а въ спальнѣ, былъ молчаливъ и глядѣлъ на меня какъ то странно. Мнѣ сдѣлалось тяжело, что̀ то кольнуло въ сердце. Я обнялъ больнаго въ послѣдній разъ, поцѣловалъ, вышелъ изъ комнаты, и залился слезами: въ первый разъ послышался мнѣ внутренній голосъ, что я не увижу

болѣе человѣка, котораго въ это время любилъ болѣе всего въ мірѣ. Предчувствіе было вѣрно, но скоро замолкло. Я успокоился, и надежда, даже увѣренность видѣть его въ Оренбургѣ, не оставляла меня. По пріѣздѣ на мѣсто, я ждалъ письма отъ Савельева. Письма не было; но въ началѣ мая я получилъ извѣстіе отъ В. В. Дерикера, что больному лучше, что онъ поправляется, переѣзжаетъ на дняхъ на дачу, а тамъ и ко мнѣ ѣдетъ. Я былъ совершенно спокоенъ и только обдумывалъ гдѣ бы устроить ему по удобнѣе пребываніе въ степи. Пришелъ номеръ «Русскаго Дневника» отъ 13 мая; я прочелъ въ немъ воспоминаніе Савельева о С. Т. Аксаковѣ, умершемъ въ первыхъ числахъ мая, и заключилъ, что если Савельевъ пишетъ, такъ вѣрно ему не хуже. Всякой бы сдѣлалъ тоже заключеніе. Но вотъ получается 106 номеръ «Русскаго Дневника», отъ 21 мая, пробѣгаю его... что̀ это такое? «19 мая въ 6½ часовъ по полудни скончался Павелъ Степановичь Савельевъ, имя котораго» и пр. До моихъ чувствъ никому нѣтъ дѣла, и потому я не распространяюсь о впечатлѣніи произведенномъ на меня этимъ извѣстіемъ. Подробности о смерти и послѣднихъ дняхъ покойнаго друга моего я узналъ тремя сутками позже, изъ писемъ отъ брата его А. С. Савельева и отъ В. В. Дерикера. Послѣдній писалъ: «Три дня собирался я писать къ вамъ, да такъ тяжело, что не могъ приняться. Не знаю съ чего начать. Савельевъ къ вамъ не пріѣдетъ; его ужь нѣтъ. Сегодня мы его хоронили на Смоленскомъ. Тяжело, грустно, обидно и, сверхъ всего этого, мнѣ еще досадно, что не удалось спасти его. Утѣшеніе въ томъ, что болѣзнь его

была вообще неизлѣчимая обыкновенными и извѣстными средствами — плохое утѣшеніе. Не много успокоительно и то, что намъ удалось продлить жизнь его на два мѣсяца, тогда какъ онъ, по всей вѣроятности, умеръ бы еще въ мартѣ, если бы тогда перемѣнили методу, и стали лечить крутыми мѣрами. Правда, онъ все это время провелъ въ сносномъ положеніи, по временамъ даже въ хорошемъ, чрезвычайно обнадеживающемъ; не думалъ о смерти, надѣялся на совершенное выздоровленіе; постоянно работалъ, читалъ, кончилъ со мною изданіе Сенковскаго, которое его очень занимало; былъ порадованъ преміей отъ Академіи, — но что же изо всего этого, когда онъ все таки умеръ?...»

«Послѣ вашего отъѣзда — писалъ А. С. Савельевъ — брату сдѣлалось лучше, такъ что онъ могъ сидѣть и заниматься по шести часовъ въ день съ ряду, сидя; въ началѣ мая собрался ѣхать на дачу, уже нанятую для него въ Павловскѣ, какъ вдругъ опухла у него нога. Онъ не обращалъ на это вниманія, тѣмъ болѣе что внутреннія боли у него исчезли. Опухоль эта оказалась водяною — и онъ снова слегъ. Не смотря на видимый, явный упадокъ силъ, онъ однако же 13 мая едва едва не уѣхалъ на дачу — но, по совѣту Дерикера, остался. Еще въ воскресенье (17 мая), въ три часа по полудни, онъ говорилъ свободно и былъ веселъ; въ 9 часовъ вечера съ нимъ сдѣлался кровавый поносъ, а въ 12 часовъ онъ потерялъ всякое сознаніе, и въ такомъ положеніи оставался до самой кончины, обнаруживая признаки жизни только однимъ труднымъ дыханіемъ. Дерикеръ до конца не терялъ надежды, тогда какъ

Пеликанъ, извѣстный діагностъ, прямо сказалъ, что это предсмертная агонія, которой отвратить нѣтъ силъ человѣческихъ. Въ день смерти страданія были ужасны: дыханіе становилось труднѣе и труднѣе, сопровождалось періодически раздирающимъ стономъ, и наконецъ, въ послѣдніе три часа, превратилось въ непрерывный стонъ. Въ жизни не видалъ я такихъ мученій!»

Позже, черезъ три мѣсяца, И. И. Срезневскій сообщилъ мнѣ еще слѣдующія подробности о послѣднихъ дняхъ жизни покойнаго: «Поразила меня ваша грусть и ваши слезы послѣ прощанія вашего съ Павломъ Степановичемъ. Надежда, что онъ выздоровѣетъ не оставляла меня, какъ и его самого; но и предчувствіе ваше было вмѣстѣ съ нею и напоминало о себѣ все сильнѣе и тяжелѣе. Вы оставили П. С. еще въ кабинетѣ, страдавшимъ только иногда и нерѣдко забывавшимъ свои страданія среди занятій. Послѣ васъ уже окончилъ онъ указатель къ тòму «Извѣстій» и при составленіи его долженъ былъ довольно часто цѣлые часы проводить стоя и переходя изъ кабинета въ залу, гдѣ, на флигелѣ, были расположены карточки указателя. Тогда онъ былъ еще похожъ на самого себя и лицомъ, и дѣятельностію, и игривостію ума. Не то ужь онъ былъ черезъ мѣсяцъ, когда перешелъ въ спальню и слегъ. Правда, значительная часть дѣятельности его осталась еще за нимъ, но въ такомъ видѣ, что заставляла опасаться за него: онъ страдалъ безсонницей, и отъ безсонницы работалъ — читалъ, писалъ, держалъ корректуры. И тутъ, съ мѣсяцъ онъ еще

могъ цѣлые часы проводить сидя. Иногда мнѣ казалось, что онъ перемогаетъ себя, стараясь увѣрить и себя, и другихъ, что онъ здоровѣе, надежнѣе, чѣмъ есть; но иногда и въ самомъ дѣлѣ ему бывало какъ будто лучше. Настоящаго, покойнаго сна не было у него впрочемъ до самаго конца: бывало только забытье, частое, но кратковременное. Вмѣстѣ со сномъ онъ лишился игривости своей: умъ его выражался какъ то рѣзче, положительнѣе, строже, а шутка, если и бывала, то пропитанная какою то горечью. Грустно было глядѣть на него исхудалаго, остриженнаго подъ гребенку, обросшаго бородою, какъ будто вдвое постарѣвшаго. Невидавшіе его долго передъ тѣмъ, не узнавали его, поражались. Онъ точно сталъ совсѣмъ другимъ. Мнѣ, впрочемъ, въ такомъ новомъ видѣ нравился онъ болѣе: всѣ паутины приличій были сорваны; каждое слово его было свѣтло какъ чистая правда, и что̀ думалось, то и говорилось. Меня влекло къ нему; мнѣ не хотѣлось уходить отъ него. И горько мнѣ подумать, что я могу забыть этотъ образъ души, полной правды, знающей себя и не таящейся. Чудное выраженіе иногда принимало лицо его: какое то апостольское, строгое, важное и вмѣстѣ радушное, освѣтленное какимъ то пророческимъ свѣтомъ... За мѣсяцъ до кончины онъ переселился на новое мѣсто, на желѣзную кровать. Съ этой постели онъ вставалъ только для ванны. И лежалъ на ней все чуднѣе: спускался головою все ближе къ серединѣ, а колѣни приподымались все выше. Боль въ желудкѣ тупѣла, но стала пухнуть лѣвая нога, ниже ко-

лѣнъ, потомъ и выше, и у желудка, потомъ и правая. Водяная увеличивалась, а онъ все какъ будто живѣе чувствовалъ надежду на близкое выздоровленіе, думалъ что эта водяная — послѣдній остатокъ болѣзни. За три дня до смерти онъ сдѣлалъ послѣднія приготовленія къ переѣзду на дачу, и отослалъ ко мнѣ и къ Д. В. Полѣнову то, что изъ книгъ нашихъ и дѣлъ Общества не думалъ взять съ собою. Въ воскресенье (17-го) утромъ онъ былъ еще довольно свѣжь и говорилъ много; по позже, послѣ ванны, разомъ ослабѣлъ, впалъ въ забытье и почти безъ движенія оставался до самой кончины. Трудно было увидѣть, слышалъ ли онъ что подлѣ него говорили. Лицо иногда принимало выраженіе разумное, но чаще или оставалось безъ выраженія, или освѣтлялось какимъ то вдохновеніемъ. Вечеромъ въ понедѣльникъ мать думала причастить его, и проба священникомъ сдѣлана была три раза, но стиснутые зубы мѣшали всякой разъ. Отложили до утра; но утромъ и подавно было поздно: во вторникъ передъ вечеромъ его не стало. Аллопаты давно передъ тѣмъ рѣшили, что таковъ долженъ былъ быть исходъ болѣзни, что нарывъ въ прямой кишкѣ не могъ быть излеченъ; гомеопаты питали надежды и, казалось, произвели разрывъ нарыва внутрь кишки, но вѣроятно и противоположный разрывъ сдѣлался своимъ чередомъ.

И его нѣтъ... Только въ двѣ послѣднія зимы сблизился я съ нимъ, и только въ послѣдніе мѣсяцы сошелся дружески; а между тѣмъ утрата его была для меня одною изъ самыхъ скорбныхъ, какія испыталъ я въ жизни. И до сихъ поръ я еще не совсѣмъ привыкъ къ тому, что его

уже нѣтъ на свѣтѣ. Разсматривать его бумаги — до сихъ поръ мнѣ тяжело...»

«Въ пятницу, 22 мая, по Среднему проспекту Васильевскаго острова и далѣе по дорогѣ къ Смоленскому кладбищу, проходила печальная процессія. Вслѣдъ за многочисленнымъ духовенствомъ везли гробъ, обитый бѣлымъ глазетомъ и увѣнчанный свѣжимъ дубовымъ вѣнкомъ, этимъ символомъ гражданской чести и заслугъ на благородномъ поприщѣ научной дѣятельности. Гробъ до самаго кладбища сопровождаемъ былъ многочисленнымъ собраніемъ людей; но внѣшняя обстановка похороннаго шествія не бросалась въ глаза: не видно было ни лентъ, ни звѣздъ, ни густыхъ эполетъ, ни аристократическихъ гербовъ на каретахъ, не было даже почти ни одного военнаго мундира. Но, всматриваясь въ лица людей, шедшихъ за гробомъ, всякій, знающій ихъ, тотчасъ бы замѣтилъ, что въ этой печальной процессіи было до ста представителей Русской дѣятельности на благороднѣйшемъ поприщѣ — на поприщѣ науки и искусства. Здѣсь были академики Императорской Академіи наукъ, здѣсь были профессора университета, здѣсь были члены Обществъ Археологическаго и Географическаго, здѣсь были литераторы, художники. Люди мысли и слова отдавали послѣдній долгъ любви и уваженія человѣку мысли и слова — Павлу Степановичу Савельеву, который такъ много потрудился для науки и такъ рано окончилъ земное свое поприще. Послѣ литургіи и отпѣванія, академики и профессора на своихъ рукахъ отнесли гробъ покойнаго до могилы».

Такъ описаны были похороны Савельева въ «Русскомъ Дневникѣ» дружественною рукою редактора этой газеты П. И. Мельникова. По совершеніи погребенія, надъ могилою произнесены были рѣчи: тѣмъ же П. И. Мельниковымъ, академикомъ М. И. Броссè и священникомъ Н. В. Любомудровымъ *). Въ Вильнѣ за упокой души покойнаго служили торжественную панихиду.

*) Рѣчи эти помѣщены въ Приложеніяхъ, подъ № VII.

XV.

На могильномъ камнѣ надъ прахомъ Савельева, на Смоленскомъ кладбищѣ, изсѣченъ слѣдующій текстъ изъ Матѳея: «*Не всякъ глаголяй ми: Господи, Господи! внидетъ въ царствіе небесное, но творяй волю отца моего, иже есть на небесѣхъ*».

На сколько можетъ быть безошибоченъ судъ человѣческій, Савельевъ творилъ волю своего Создателя. Талантъ, ему данный, онъ не зарывалъ въ землю, старался, по мѣрѣ силъ, пріумножить и обратить на пользу ближняго. Безкорыстное служеніе знанію есть, безспорно, одинъ изъ лучшихъ способовъ служенія человѣчеству и поклоненія Божеству; а Савельевъ служилъ знанію съ совершеннымъ безкорыстіемъ: наука не была для него ни ремесломъ, ни средствомъ играть роль въ обществѣ, ни утѣхою для самолюбія. Служеніе знанію было въ немъ потребностію духа, и если въ молодости его примѣшивалась къ этому служенію доля мелочнаго тщеславія, то чѣмъ далѣе шелъ онъ

по пути жизни, тѣмъ чище становилось оно отъ всякихъ примѣсей. И какъ всякая полная любовь, любовь его къ наукѣ не знала не только зависти, но даже ревности. Ни въ какомъ случаѣ, никому изъ собратій своихъ по занятіямъ не становился онъ поперекъ на его пути, — даже тѣмъ, которыхъ не уважалъ. Въ теоріи такой образъ дѣйствій кажется весьма легкимъ и незаключающимъ въ себѣ особаго достоинства; но безпристрастныя біографіи ученыхъ знаменитостей свидѣтельствуютъ, что мало было между ними избранныхъ, которые бы дѣйствовали неуклонно подобнымъ образомъ. Любили и любятъ науку многіе, но любили и любятъ ее преимущественно въ себѣ самихъ. Въ другихъ та же самая наука для поклонниковъ ея такого рода становится нерѣдко предметомъ ненависти. Савельевъ любилъ науку столько же въ другихъ, сколько въ себѣ самомъ: всякому, въ комъ только замѣчалъ онъ искреннюю преданность къ ней, способности и желаніе работать на одномъ полѣ съ нимъ, помогалъ онъ всѣмъ чѣмъ могъ, и помогалъ не холодно, повинуясь принципу, а съ товарищескимъ, съ братскимъ радушіемъ, напоминая собою въ этомъ отношеніи незабвеннаго Френа. Надо было видѣть какъ привязался онъ къ Банзарову, когда открылъ неожиданно въ этомъ Бурятѣ душу и образованіе Нѣмецкаго гелертера! Конечно, никакое собственное открытіе въ наукѣ не порадовало бы его въ такой мѣрѣ. И какъ благодаренъ онъ былъ духовному вѣдомству за посылку на востокъ Н. И. Ильминскаго, и какъ возбуждалъ его потомъ къ изданію Баберъ-намэ; какъ торжествовалъ, когда А. А. Бобровниковъ получилъ Демидовскую премію за свою Монголо-

Калмыцкую грамматику; какъ подбивалъ работать покойнаго Диттеля; какъ старался, чтобы не пропали для науки свѣдѣнія и труды ламы Гомбоева; какъ сочувствовалъ занятіямъ и успѣхамъ И. А. Бартоломея въ началѣ его ученой карьеры; какъ гордился археографическими работами Н. В. Ханыкова и его глубокою ученостію въ магометанскомъ богословіи; какъ доволенъ былъ, что въ лицѣ В. П. Васильева явился наконецъ у насъ китаистъ, соединяющій европейское образованіе съ глубокими свѣдѣніями въ языкахъ и исторіи Средней Азіи; съ какою готовностію служилъ нумизматическою опытностію своею князьямъ Ѳ. Г. и А. Г. Гагаринымъ и другимъ собирателямъ восточныхъ монетъ въ Россіи; какъ радовался выбору въ Академію Вельяминова-Зернова, и хлопоталъ чтобы имѣть его преемникомъ своимъ по секретарству въ Восточномъ отдѣленіи Археологическаго Общества! Воображаю въ какой бы восторгъ пришелъ Савельевъ, если бы дожилъ до свиданія съ Султаномъ Чоканомъ Велихановымъ! И такимъ горячимъ участіемъ проникался онъ не только къ судьбѣ и ученой дѣятельности людей, посвятившихъ себя изученію и разработкѣ востока; точно также сочувствовалъ онъ работамъ и успѣхамъ добросовѣстныхъ тружениковъ въ области Русской археологіи или Черноморскихъ древностей: про это знаютъ и долго будутъ помнить многіе изъ членовъ и сотрудниковъ Археологическаго Общества. Наконецъ, не оставался онъ равнодушенъ и ко всякой заслугѣ, въ какой бы отрасли знанія ни была она совершена: свидѣтельствомъ тому служатъ его некрологи А. М. Шёгрена и И. Ѳ. Крузенштерна. Вообще, преданность Савельева

интересамъ науки чуждалась всякой узкости, всякой исключительности; въ этомъ отношеніи умолкалъ даже патріотизмъ его, весьма пылкій въ другихъ случаяхъ: онъ сочувствовалъ, и готовъ былъ помогать по мѣрѣ силъ всякому работнику на нивѣ знанія, не различая Русскій онъ или Полякъ, Нѣмецъ или Еврей. Я знаю, что въ извѣстныхъ обстоятельствахъ ратовалъ онъ за гг Хвольсона, Боллензена, Лерха, столь же усердно, какъ и за П. Я. Петрова или И. Н. Холмогорова. Если же Савельевъ желалъ и домогался постоянно чтобы Русскіе ученые писали прежде всего для Россіи и по Русски, такъ это по той же причинѣ и съ тою же цѣлію, по какимъ ученые Франціи, Англіи, Германіи, пишутъ нынѣ не по Латыни, а каждый для своей земли и на языкѣ своего народа. Точно тоже безпристрастіе обнаруживалъ онъ и въ порицаніи: невѣжество, недобросовѣстность, шарлатанство были ему одинаково противны и въ иностранцѣ, и въ соотечественникѣ; встрѣтить ихъ въ Русскомъ было для него, впрочемъ, еще тяжелѣе, нежели въ чужомъ человѣкѣ. Такъ, если случалось ему вооружаться противъ Академіи, когда находилъ онъ, что она увлекается пристрастіемъ къ германизму, то съ неменьшею горячностію возставалъ онъ и противъ ультра-руссизма, которымъ страдало въ одно время Археологическое Общество. Въ слѣдствіе этого, квасные патріоты наши упрекали его въ нѣмцелюбіи, тогда какъ Нѣмцы Петербургскіе считали его своимъ врагомъ. Понимали достоинство такого образа дѣйствій и цѣнили его только люди столь же безпристрастные, какъ самъ Савельевъ; къ сожалѣнію ихъ немного на свѣтѣ и у насъ, и вездѣ. Не понималъ также Савельевъ какимъ обра-

зомъ въ дѣло науки можно замѣшивать интересы личные или интересы партіи, какъ подымается у людей рука чтобы защищать и прославлять негодяя или невѣжду своего прихода, а честнаго и достойнаго человѣка изъ чужаго лагеря унижать и чернить. Такая разбойничья, и между тѣмъ столь употребительная въ послѣднее время въ литературномъ мірѣ, тактика была ненавистна Савельеву: онъ охотнѣе протягивалъ руку уважаемому противнику, нежели бездарному стороннику. Впрочемъ, при антипатіи своей къ односторонности онъ не могъ принадлежать и не принадлежалъ ни къ какой изъ литературныхъ нашихъ котерій, ни къ западникамъ, ни къ славянофиламъ, а держался всегда особнякомъ, дружась съ чистыми и дѣльными людьми всѣхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ, не жалуя шарлатановъ и проидохъ ни тамъ, ни тутъ, высказывая правду, гдѣ считалъ полезнымъ, одинаково друзьямъ и недругамъ, и презирая всею полнотою презрѣнія людей обращающихъ науку въ средство къ достиженію эгоистическихъ цѣлей, и ради того кланяющихся и вашимъ, и нашимъ. Отвращеніе къ восхваленію своего «кружка» и стараніе сохранить независимость свою отъ тѣхъ, съ кѣмъ имѣлъ дѣло, простиралъ онъ до того, напримѣръ, что участвуя въ «Финскомъ Вѣстникѣ» съ долею собственности въ этомъ журналѣ, печаталъ насмѣшки на него, когда тотъ заслуживалъ ихъ, а въ рецензіи на «Исторію Монголовъ», изданную мною, его первѣйшимъ пріятелемъ, отозвался, кажется, что «это, послѣ Исторіи Тибета и Хухунора отца Іакинѳа, самая скучная книга въ Русской литературѣ». Могли ли понимать такого рыцаря правды и не перетолковывать подобныхъ дѣйствій его въ дурную сто-

рону, мѣряя ихъ на свой аршинъ, жалкіе господа́, считающіе за личное себѣ оскорбленіе, за плодъ зависти, всякій безпристрастный отзывъ объ ихъ произведеніяхъ, всякое указаніе на ихъ ошибки или слабыя стороны?...

Но можно дни и ночи просиживать за книгами, любить знаніе страстно и безкорыстно, горячо стремиться къ распространенію его, и—не быть способнымъ ни къ усвоенію знанія, ни къ передачѣ его другимъ, по недостатку ли критическаго духа, по отсутствію ли архитектоническихъ дарованій. Такихъ несчастныхъ любовниковъ науки весьма не мало на свѣтѣ. Что жь былъ Савельевъ, съ своею чистою любовью къ наукѣ, настоящимъ ли жрецомъ ея, способнымъ воспринимать, вырабатывать и сообщать знаніе?

Да.

Способностей особенныхъ, эффектныхъ, бросающихся въ глаза и поражающихъ удивленіемъ Савельевъ не имѣлъ. Природа дала ему то, что многимъ даетъ — хорошую память, пытливый умъ, здравый разсудокъ, расположеніе къ дѣятельности. Но въ замѣнъ блестящихъ даровъ, она вложила въ него болѣе высокій и рѣдкій — стремленіе къ истинѣ, какъ бы ни было тяжко ея пріобрѣтеніе, стремленіе не знающее ни сдѣлокъ, ни уступокъ. Онъ же, съ своей стороны, не далъ, какъ многіе, заглохнуть въ себѣ этому дару, а холилъ его постоянно, воспитывалъ, такъ что чѣмъ болѣе мужалъ самъ, тѣмъ чувство истины становилось въ въ немъ чутче, воспріимчивѣе. Безъ этого же чувства нѣтъ, какъ извѣстно, настоящаго знанія, и запасъ свѣдѣній обращается въ ненужный никому, часто даже вредный балластъ. Важнѣйшія препятствія въ процессѣ добыванія и

сообщенія научной истины — уваженіе къ авторитетамъ, безповѣрочное усвоеніе чужихъ взглядовъ и выводовъ, принятіе гипотезъ за дѣйствительность, словъ за вещи, рабская покорность тому что̀ называется духомъ времени, сужденіе о прошломъ и чужомъ по идеямъ своего вѣка и и своей страны, падкость къ наведеніямъ, поспѣшность къ заключеніямъ, увлеченіе блескомъ мысли, гонка за фразою, и т. д. — указаны были ему, бо̀льшею частію, еще въ университетѣ; тамъ же указаны были и положительныя условія къ пріобрѣтенію знанія: возможная всесторонность обслѣдованія изучаемаго предмета, обращеніе за свѣдѣніями не иначе какъ къ первымъ источникамъ, скептицизмъ въ отношеніи ко всему и ко всѣмъ, начиная съ себя самого, и при всемъ этомъ терпѣливый, неутомимый, упорный трудъ. Оставалось руководствоваться полученными указаніями, и Савельевъ въ самыхъ первыхъ, нѣсколько серьезныхъ работахъ своихъ по выходѣ изъ университета, не смотря на ихъ компилятивный или докладной характеръ, обнаружилъ уже многія качества истиннаго ученаго: значительную и разностороннюю начитанность, стараніе о возможно полномъ и внимательномъ ознакомленіи съ трактуемымъ предметомъ по лучшимъ источникамъ и въ подлинникахъ; умѣнье отличать существенное отъ неважнаго и побочнаго; точность и добросовѣстность въ передачѣ чужихъ мнѣній, хотя и несогласныхъ съ его собственнымъ; стремленіе къ самостоятельности во взглядѣ при трезвости въ выводахъ и осторожности въ заключеніяхъ; всего же болѣе — ясность пониманія, соединенную съ легкостію, занимательностію и общедоступностію изложенія на живомъ и правильномъ

языкѣ. За тѣмъ, чѣмъ спеціальнѣе становились его занятія, тѣмъ строже, тѣмъ требовательнѣе дѣлался онъ къ самому себѣ, тѣмъ отчетливѣе, самостоятельнѣе, крѣпче анализомъ, стройнѣе синтезомъ, обильнѣе научною добычею, соотвѣтственнѣе идеалу ученаго труда выходили его работы. Савельевъ работалъ безъ устали, и умѣлъ работать какъ немногіе у насъ. Въ стремленіи къ достиженію предположенной цѣли ему было ни по чемъ просиживать дни и ночи за самымъ сухимъ и утомительнымъ занятіемъ; въ глазахъ его жажда открытій облекала эти сухія занятія даже покрываломъ поэзіи: мы видѣли выше, съ какимъ наслажденіемъ погружался онъ въ чтеніе дорожниковъ, когда готовился путешествовать, съ какимъ упоеніемъ занимался разборомъ монетныхъ кладовъ, съ какимъ волненіемъ дорывался въ курганахъ до древнихъ могилъ, и съ какимъ трепетомъ ожиданія вскрывалъ ихъ. Онъ не могъ работать равнодушно, потому что самый процессъ работы одушевлялъ его, потому что самый процессъ этотъ велъ онъ артистически. Брался онъ за изученіе какого либо вопроса, онъ отыскивалъ и перечитывалъ все, что когда либо было о немъ писано; невозможность достать какую нибудь заброшенную статью или старую диссертацію, относящуюся до предмета его изслѣдованій, мучила его, дѣлала безпокойнымъ, даже тогда, когда онъ вполнѣ былъ увѣренъ, что не вычитаетъ въ ней ничего дѣльнаго. Отъ того можно ручаться, что въ произведеніяхъ его зрѣлаго возраста не найдется ни одной непровѣренной цитаты, не приписано никому, съ чужихъ словъ, такого мнѣнія, котораго не имѣлъ цитируемый. Добросовѣстный въ высшей степени

самъ, онъ наученъ былъ опытомъ мало довѣрять людской добросовѣстности, потому безъ строгой критической повѣрки ничего не принималъ, ничѣмъ не пользовался изъ чужихъ трудовъ. Представлялась надобность, при занимавшемъ его вопросѣ, прочесть что нибудь существенное на языкѣ ему неизвѣстномъ: онъ принимался тотчасъ за лексиконъ, за грамматику этого языка, въ четыре пять дней приводилъ себя въ состояніе переводить, извлекалъ или переводилъ что нужно, и за тѣмъ забывалъ, разумѣется, этотъ языкъ до новой съ нимъ встрѣчи. Такимъ образомъ случалось ему переводить съ Венгерскаго, съ древне-Исландскаго. О томъ же, что онъ зналъ употребительнѣйшіе языки Европы и читалъ, по нуждѣ, на всѣхъ остальныхъ, на Голландскомъ, напримѣръ, на Испанскомъ или на Шведскомъ, нѣчего и упоминать, потому что это дѣло обычное почти всѣмъ оріенталистамъ. Стремленіе его обработать каждый предметъ, за который онъ брался, въ возможномъ совершенствѣ, съ удовлетвореніемъ строжайшимъ требованіямъ современной учености, простиралось до того, что онъ, такъ сказать, обтачивалъ каждую мелочь, о каждой мелочи хлопоталъ чтобы она была на своемъ мѣстѣ, не мѣшала общему впечатлѣнію; послѣ этого излишне уже упоминать, что о соразмѣрности и соотвѣтственности частей труда заботился онъ какъ будто бы ученыя его произведенія были художественными произведеніями. Чувство ученыхъ приличій, потребность наукообразнаго изложенія развиты были въ немъ до такой степени, что несоотвѣтственность имъ поражало его непріятно даже въ чужихъ трудахъ, и что въ тѣхъ изъ нихъ, которые проходили

черезъ его редакцію, онъ, сколько возможно было, старался сгладить шероховатости и пополнить недостатки, хотя при помощи примѣчаній, введеній и т. д. Но всего болѣе въ трудахъ своихъ старался онъ о ясности изложенія, потому что сочиненія, написанныя темно, сбивчиво, въ которыхъ не разберешь изъ чего исходитъ, куда ведетъ дѣло, чего хочетъ авторъ, считалъ онъ справедливо за потерянныя для науки, даже за вредныя, въ томъ смыслѣ, что онѣ заставляютъ читателя тратить даромъ или съ несоотвѣтственнымъ труду результатомъ, дорогое время. Эта ясность и общепонятность изложенія въ произведеніяхъ Савельева была послѣдствіемъ не только собственнаго его яснаго понимамія предмета и полнаго имъ обладанія, но и гуманной снисходительности къ читателямъ, желанія чтобы они не убивали безплодно своего времени за его книгою или статьею. Та же, мало кѣмъ понимаемая, гуманность побуждала его дѣйствовать такимъ образомъ даже въ отношеніи къ типографскимъ наборщикамъ: онъ старался писать какъ можно четче, чтобы они имѣли оригиналъ, чтеніемъ котораго не затруднялись. При такой отчетливости отдѣлки, даже въ обстоятельствахъ второстепенныхъ, по главному достоинству каждаго ученаго труда, по честности и добросовѣстности, произведенія Савельева могутъ быть смѣло поставлены въ образецъ нашимъ изслѣдователямъ. «Прикрыть недостаточность доказательствъ фразой, обойти тотъ или другой вопросъ и будто бы рѣшить его рѣшеніемъ вопросовъ окольныхъ, остаться равнодушнымъ къ новому открытію, гдѣ бы и кѣмъ бы ни было оно сдѣлано — было для Савельева (выражаемся словами И. И.

Срезневскаго) такъ же невозможно, какъ и браться доказать то, что хочется, или чего хотятъ другіе, играя доказательствами въ надеждѣ на слабость ума или знанія читателей»; такъ же невозможно, какъ и присвоить себѣ чужую мысль, замаскировавъ присвоеніе ловкою выходкою противу того, кому она принадлежитъ.—Главною спеціальностію Савельева была нумизматика, и преимущественно нумизматика магометанская: по этой части и работалъ онъ преимущественно, трудами по ней и пріобрѣлъ свою репутацію. Но она, по вѣрному и счастливому выраженію И. И. Срезневскаго, никогда не была для него «угломъ, въ который бы входилъ онъ все болѣе, все менѣе видя окружающее». Не таковъ былъ складъ его ума, не таковы вкусы и первоначальная дѣятельность, чтобы онъ могъ довольствоваться такою узкою спеціальностію. Къ Савельеву можно вполнѣ приложить сказанное имъ о Френѣ—что «онъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ обыкновенныхъ ученыхъ, какихъ не мало производитъ сосѣдняя намъ страна,—людей усидчивыхъ, рабочихъ, почтенныхъ ремесленниковъ науки, избирающихъ въ ней болѣе или менѣе безплодный участокъ, въ которомъ и заключаютъ они весь свой умственный міръ, и внѣ котораго имъ все чуждо, — ученыхъ чернорабочихъ, но смѣшно гордящихся тѣмъ, что видятъ въ своей каплѣ атомы незримые для глазъ, обнимающихъ большій кругозоръ». Любознательность Савельева простиралась на все, что находится въ связи съ историческими науками и лингвистикой; всѣмъ этимъ онъ занимался болѣе или менѣе, всякое замѣчательное сочиненіе въ этихъ областяхъ знанія возбуждало его вниманіе и было имъ немедленно прочитываемо. Капиталь-

10*

ныя и современныя произведенія западныхъ литературъ были ему извѣстны столько же, какъ и восточныя, если еще не болѣе. Въ слѣдствіе этого, широта взгляда и образованія обнаруживалась въ самыхъ спеціальныхъ его работахъ; «на каждый мелочной вопросъ, — говоря опять словами И. И. Срезневскаго, — онъ глядѣлъ какъ на большую или меньшую часть другаго, большаго, болѣе важнаго вопроса, и не иначе, какъ такъ приготовлялся къ его рѣшенію». Въ сорокалѣтнемъ возрастѣ своемъ Савельевъ считался уже первымъ нумизматомъ въ Россіи, и былъ однимъ изъ первыхъ въ Европѣ. Нельзя сказать что начитанность его въ нумизматическихъ сочиненіяхъ была обширнѣе, нежели у многихъ изъ сотоварищей его по наукѣ; что онъ превосходилъ ихъ опытностію и быстротою въ дешифровкѣ монетныхъ легендъ; что просмотрѣлъ и описалъ бо́льшее, нежели другіе, количество неизданныхъ монетъ, или бо́льшимъ, сравнительно съ другими, числомъ монетныхъ открытій обогатилъ науку: во всемъ этомъ онъ уступалъ многимъ изъ современныхъ нумизматовъ. Но во взглядѣ его на нумизматику и въ занятіяхъ его не было той ограниченности и узкости, которыя составляютъ принадлежность огромнаго большинства адептовъ этой науки: историкъ въ душѣ, онъ смотрѣлъ на монету не иначе, какъ на историческій памятникъ, имѣющій достоинства ровно на столько, на сколько можетъ онъ служить пособіемъ для исторіи; онъ заставлялъ высказывать памятники этого рода болѣе, нежели высказываютъ они другимъ нумизматамъ, и умѣлъ изъ топографическаго изученія монетныхъ кладовъ извлечь факты и выводы въ

высокой степени любопытные и важные для разъясненія прошлаго; кто не знаетъ при этомъ, что величайшая внимательность и осторожность въ дешифровкѣ легендъ, и самая щепетильная точность въ транскрипціи ихъ составляютъ первое достоинство нумизматическихъ работъ: и этими качествами работы Савельева отличаются въ такой степени, что самъ Френъ не отрекся бы отъ нихъ. Кстати замѣтить здѣсь: весьма ошибаются тѣ, которые, не зная дѣла, думаютъ что Савельевъ оказалъ такія же услуги наукѣ, какъ Френъ. Весьма вѣроятно, что если бы Савельевъ, вмѣсто сорока пяти, прожилъ, подобно Френу, семдесять лѣтъ, да имѣлъ бы, для описанія монетъ, такіе же случаи, какъ этотъ знаменитый ученый, такъ онъ не менѣе его сдѣлалъ бы для магометанской нумизматики; но то, что Савельевъ, сраженный смертію въ самомъ разгарѣ своей дѣятельности, въ періодъ самаго полнаго развитія умственныхъ силъ, успѣлъ сдѣлать — далеко не дастъ ему права становиться на одну доску съ «княземъ» восточной нумизматики, тѣмъ болѣе, что Френъ, независимо отъ нумизматическихъ трудовъ своихъ, обогатилъ палеографію, библіографію и лексикографію востока такими сочиненіями, а Русскую исторію такими матеріалами и изслѣдованіями, за которыя Савельевъ, по свѣдѣніямъ своимъ въ восточныхъ языкахъ, даже и приняться не былъ бы въ состояніи. Превосходя быть можетъ Френа въ общемъ образованіи и живостію умственныхъ способностей, Савельевъ и не мечталъ равняться съ нимъ ни по обширности, ни по глубинѣ его восточной эрудиціи. Подобная самонадѣянность была бы непростительна и вовсе не въ характерѣ Савельева.

Почему же — могутъ спросить — при такой счастливой совокупности въ Савельевѣ всѣхъ условій къ воспріятію и обобщенію научной истины, не обратилъ онъ способностей своихъ на разработку какой либо области знанія болѣе значительной, болѣе плодоносной, нежели нумизматика? Это объясняется очень просто. Савельевъ принадлежалъ къ числу тѣхъ скромныхъ людей, которые предпочитаютъ браться за малое въ увѣренности совладать съ нимъ и принести пользу, нежели хвататься за задачи важнѣйшія и, пожалуй, нужнѣйшія, да, быть можетъ, не по силамъ, и смѣшить народъ неудачностью ихъ разрѣшенія. По его убѣжденію, всякій фактическій вкладъ въ науку, какъ бы ни былъ онъ мелоченъ, увеличиваетъ духовный капиталъ человѣчества, тогда какъ выработка общихъ идей, отыскиваніе законовъ явленій, когда въ основу этому не положено глубокихъ спеціальныхъ изученій, неразлучныхъ съ обращеніемъ вниманія на мелочи, увеличиваютъ только научный хламъ, отъ котораго и то ужь нѣтъ прохода во всѣхъ областяхъ знанія. На нумизматику и древности навели его обстоятельства, какъ иныя обстоятельства навели бы его, быть можетъ, на лингвистику или географію; къ тому же мало научныхъ занятій, которыя бы, при извѣстномъ положеніи изслѣдователя, представляли столько случаевъ къ открытіямъ, какъ нумизматическія, а Савельевъ, по званію секретаря въ Археологическомъ Обществѣ и чиновника по части древностей, сначала при Министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, а потомъ при Императорскомъ Кабинетѣ, находился въ самыхъ благопріятныхъ къ тому обстоятельствахъ — у самаго центра, къ кото-

рому стекались всѣ извѣстія о монетныхъ находкахъ въ Россіи. Наконецъ человѣкъ дѣйствующій, по какому либо принципу, противно природнымъ своимъ влеченіямъ не сдѣлаетъ никогда ничего путнаго, а Савельева и вкусы его и складъ ума, влекли всегда на тропы непробитыя, въ темныя области исторіи, куда свѣтъ и можетъ быть внесенъ лишь археологическими и нумизматическими открытіями. Припомнимъ послѣднія слова въ письмѣ его ко мнѣ, отъ 5 марта 1839 года: «Чортъ знаетъ какъ пріятно гулять въ потемкахъ исторіи. Какъ можно сравнить съ этой занимательной тьмою прозаическую ясность новой исторіи!»

Гораздо дѣльнѣе будетъ вопросъ: чѣмъ же именно обогатилъ Савельевъ науку, что именно сдѣлалъ онъ для обобщенія ея на Руси, въ продолженіе двадцатипятилѣтней учено-литературной дѣятельности своей? Отвѣтъ на это желающіе найдутъ въ приложенномъ къ настоящей біографіи спискѣ (не полномъ еще) статьямъ Савельева, разсѣяннымъ по журналамъ и изданіямъ ученыхъ обществъ, и въ разборахъ двухъ капитальныхъ трудовъ его — «О Магометанской нумизматикѣ въ отношеніи къ Русской исторіи», и «О монетахъ Джучидовъ и проч., обращавшихся въ Золотой Ордѣ, въ эпоху Тохтамыша». Въ дополненіи къ автобіографіи Надеждина, оправдывая его въ томъ, что онъ раздроблялся на сотни мелкихъ произведеній, вмѣсто того, чтобы сосредоточиться на одномъ или нѣсколькихъ большихъ трудахъ, Савельевъ писалъ: «Развѣ справедливо упрекать богача, построившаго на общую пользу сотни не для всѣхъ замѣтныхъ домовъ, за чѣмъ онъ не соорудилъ громадныхъ палатъ, поражающихъ даже грубое зрѣніе?

Развѣ большой капиталъ непремѣнно долженъ быть употребленъ лишь на большой оборотъ, отказывая въ скромныхъ требованіяхъ современному обществу, и лишая его нужныхъ пособій? Конечно, въ другой средѣ и при другихъ обстоятельствахъ, Надеждинъ могъ бы ознаменовать свое поприще болѣе сосредоточенными трудами; но онъ былъ, прежде всего, человѣкъ своей страны и своего времени, поставляемый обстоятельствами въ разныя среды, съ которыми долженъ былъ идти въ уровень... вездѣ, однако же, онъ оставался вѣренъ идеѣ самостоятельной Русской науки... эта идея проходитъ всю его жизнь; въ развитіи и распространеніи ея и состоитъ его несомнѣнная заслуга современному обществу». Эта защита Надеждина можетъ, съ небольшимъ измѣненіемъ, служить и самому Савельеву, противу тѣхъ, кто сталъ бы упрекать его, что онъ тоже писалъ все статьи и статейки; тѣмъ приложимѣе эта защита къ Савельеву, что онъ далеко не обладалъ такимъ фундаментальнымъ образованіемъ, какъ Надеждинъ, и много уступалъ ему въ богатствѣ умственнаго капитала, слѣдовательно тѣмъ менѣе имѣлъ права отказывать современному обществу въ удовлетвореніи его «скромныхъ требованій». Впрочемъ, забота объ изданіи толстыхъ книгъ не столько доказываетъ любовь ихъ авторовъ къ наукѣ, сколько попечительность о собственномъ прославленіи, о передачѣ памяти своей потомству съ виднымъ аттестатомъ; есть не мало огромныхъ квартантовъ и фоліантовъ, которые пользуются такою дурною славою въ ученомъ мірѣ, что даже ссылка на нихъ компрометируетъ уже собственную эрудицію пишущаго. Странно было бы распространяться

о томъ, что достоинство писателя должно оцѣниваться не количествомъ и размѣрами его трудовъ, а качествомъ содержанія. Относительно послѣдняго, все напечатанное Савельевымъ можно раздѣлить на двѣ категоріи: на труды, въ которыхъ представлены новыя соображенія или выводы, или новый матеріалъ для науки, и на статьи, въ которыхъ идетъ рѣчь о чужихъ трудахъ, или популяризируются факты и свѣдѣнія не новые для ученаго міра, но незнакомые или мало извѣстные Русскому человѣку. Къ послѣднему отдѣлу относятся статьи его въ Энциклопедическомъ Лексиконѣ Плюшара и въ Военной Энциклопедіи Зеддделера, біографіи и некрологи, библіографическія рецензіи, отчеты о дѣятельности ученыхъ обществъ отечественныхъ и иностранныхъ, все почти писанное имъ не о нумизматикѣ и не о древностяхъ. Этого рода труды впустили въ общественное обращеніе у насъ огромную массу историческихъ, географическихъ, этнографическихъ, литературныхъ и другихъ свѣдѣній, преимущественно о востокѣ, свѣдѣній заимствованныхъ бо̀льшею частію изъ первыхъ источниковъ и переданныхъ вѣрно, общедоступно, съ пониманіемъ дѣла, безъ промаховъ и искаженій, какими сопровождается обыкновенно этотъ процессъ у людей, незнакомыхъ спеціально съ тѣми предметами, которые они берутся популяризировать. Впрочемъ, даже и въ такого рода трудахъ Савельевъ не былъ пассивнымъ компилаторомъ или докладчикомъ: вездѣ изложеніе его вѣяло духомъ критики, проникалось собственною его мыслію, собственнымъ его взглядомъ на предметъ; вездѣ, какъ Надеждинъ, оставался онъ вѣренъ идеѣ самостоятельной Русской науки, и про-

водилъ эту идею гдѣ только было возможно и прилично; при удобномъ же случаѣ сообщалъ и факты дотолѣ неизвѣстные. Послѣднее относится преимущественно къ его біографическимъ статьямъ, которыя писалъ онъ съ особою любовью и обработывалъ съ особою тщательностію: отдавать справедливость истинному достоинству и дѣйствительнымъ заслугамъ было для него наслажденіемъ. Благородная и симпатичная личность Савельева ни въ какихъ его произведеніяхъ не высказывается такъ рельефно, какъ въ этихъ умныхъ, теплыхъ, правдивыхъ, просто и увлекательно написанныхъ біографіяхъ. Однимъ изъ первыхъ опытовъ его въ этомъ родѣ была статья «О жизни и трудахъ Сильвестра де-Саси». Тутъ, говоря о человѣкѣ, котораго не зналъ лично, и имѣя подъ рукою нѣсколько хорошихъ его біографій, изданныхъ за границею, Савельевъ явился не болѣе какъ ловкимъ и знающимъ докладчикомъ. Но біографіи Френа и Банзарова вышли изъ рукъ его уже оригинальными и мастерскими произведеніями, а жизнеописаніе Сенковскаго составляетъ капитальное произведеніе нашей литературы какъ по трудности задачи, такъ и по добросовѣстности и талантливости въ ея выполненіи. Читая эти біографіи, мнѣ всегда думалось, что куда хорошо было бы умереть прежде Савельева *)... Тоже побуж-

*) Полныхъ біографій и біографическихъ извѣстій сообщено Савельевымъ въ разныя изданія о 20 дѣятеляхъ въ области знанія, именно: о Васифъ-Эфенди, графѣ Румянцовѣ, С. де-Саси, Крузенштернѣ, Шёгренѣ, Надеждинѣ, Сенковскомъ, Френѣ, Шармуа, А. Жоберѣ, І. Бичуринѣ, Банзаровѣ, шейхѣ Тантави, Диттелѣ, Савичѣ, Регули, Гюцлафѣ, князѣ Баратаевѣ, Коркуновѣ и С. Т. Аксаковѣ. Это—кромѣ переводныхъ статей его объ Эразмѣ Роттердамскомъ, Флемстидѣ, Лапласѣ, Годвинѣ, и біографій помѣщенныхъ въ Энциклопедическихъ Словаряхъ.

деніе отдавать должную дань заслугѣ, особенно заслугѣ мало замѣчаемой, мало цѣнимой, по низкому уровню общественнаго образованія нашего и малому у насъ требованію на истинно ученый трудъ, водило перомъ Савельева и въ большинствѣ его рецензій, между коими, какъ на лучшія могу я указать лишь на разборъ Базинеровскаго путешествія въ Хиву, и Фундуклеевскаго обозрѣнія могилъ, валовъ и городищъ Кіевской губерніи. Изъ географическихъ и историко-географическихъ статей Савельева, каковы его обозрѣнія путешествій Мишо по Малой Азіи, Госкинса — въ Эѳіопію и Ливійскій Оазисъ, Гюка — по Монголіи и Тибету, Березина и Диттеля—по Египту, Персіи и Передней Азіи, Паррота—на Араратъ и т. д., видѣнъ онъ какъ leo ex ungue преимущественно въ статьѣ «Средняя Азія», представляющей въ сжатомъ, но живомъ изложеніи образцовое и самое полное доселѣ обозрѣніе географическихъ открытій и путешествій, совершенныхъ по этой части Азіи, обработанное мастерски и по источникамъ, — и въ разсказахъ о странствованіяхъ патріарха Макарія и рыцаря Гильберта де-Ланноа: разсказахъ такихъ занимательныхъ, пересыпанныхъ такими дѣльными объясненіями, такими остроумными замѣчаніями, что, дошедши до конца статьи, невольно жалѣешь, зачѣмъ она не въ десятеро длиннѣе. Изъ статей Савельева, относящихся по содержанію къ исторіи просвѣщенія, каждый отечественный оріенталистъ долженъ отозваться съ благодарностію и уваженіемъ о трудѣ его «Восточныя литературы и Русскіе оріенталисты» — статьѣ не казистой, набросанной на скоро, но полной интереснѣйшихъ подробностей, исчерпывающей предметъ

вполнѣ, и гдѣ никто не забытъ, ничего не пропущено, всякому отдано должное, съ тѣмъ безпристрастіемъ, которое вездѣ и во всемъ составляло отличительную черту его характера. Наконецъ, замѣчу, что если иногда Савельевъ писалъ о томъ, что интересовало только его самого, то уже и не пропускалъ случая, когда публика могла нуждаться въ его свѣдѣніяхъ, чтобы не явиться ей на помощь. Такъ, когда заговорили у насъ о Хивѣ по поводу Хивинской экспедиціи 1839 года, Савельевъ напечаталъ въ С. Петербургскихъ Вѣдомостяхъ статейку «Хива и Хивинцы». Показался въ Петербургѣ шейхъ Тантавви, и Савельевъ не замедлилъ объяснить, въ тѣхъ же Вѣдомостяхъ, его Египетское значеніе. Завернулъ на берега Невы, проѣздомъ изъ Китая въ Швецію, миссіонеръ синологъ Гуцлафъ, и Савельевъ растолковалъ, въ Географическихъ Извѣстіяхъ, чѣмъ замѣчателенъ этотъ человѣкъ. Когда произошли въ Алеппо, осенью 1850 года, событія въ родѣ нынѣшнихъ Сирійскихъ, онъ помѣстилъ объ нихъ, въ Сѣверной Пчелѣ, весьма обстоятельный, переведенный съ Арабскаго разсказъ. Основанъ былъ въ Петербургскомъ университетѣ огромный факультетъ восточныхъ языковъ, и въ Журналѣ Министерства народнаго просвѣщенія явилась по этому поводу статья Савельева «Предположенія объ учрежденіи Восточной Академіи въ С. Петербургѣ 1733 и 1810 годовъ». Завладѣли Англичане Аудскимъ королевствомъ, и Савельевъ снабдилъ немедленно Русскій Вѣстникъ изображеніемъ послѣднихъ политическихъ переворотовъ въ этой странѣ, бывшихъ видимою причиною «присоединенія» ея къ владѣніямъ Остъ-Индской компаніи.

Перехожу къ трудамъ П. С. первой категоріи, такимъ, которые преимущественно богаты новыми фактами и выводами для науки,—трудамъ нумизматическаго и археологическаго содержанія. Здѣсь, чтобы не повторяться, я ничего не скажу о двухъ капитальныхъ его сочиненіяхъ и ограничусь однѣми статьями. Изъ сихъ послѣднихъ, первое мѣсто по научной цѣнности занимаютъ его описанія разныхъ монетныхъ кладовъ и вообще монетъ, проходившихъ черезъ его руки. Мы замѣтили уже, что вѣрность чтенія и транскрипціи легендъ составляетъ conditio sine qua non такихъ работъ, требующихъ, кромѣ того, близкаго знакомства съ исторіею и палеографіею, и что достоинствами этими работы Савельева отличаются въ высшей степени. Въ доказательство, что мало быть оріенталистомъ, чтобы умѣть разбирать легенды на магометанскихъ монетахъ, и въ примѣръ того, къ какимъ ошибкамъ въ хронологіи и географіи ведетъ неумѣнье въ этомъ, довольно привести случай съ г. Гамазовымъ, указанный самимъ же Савельевымъ: описывая Халифскія монеты, найденныя въ развалинахъ Сузы, г. Гамазовъ прочелъ на нихъ имена небывалыхъ городовъ Хая и Ардеширджерда, и 50 — 54, 56 — 60, 63, 64, 66, 67, 71 и 74 годà гиджры, тогда какъ мусульманскій штемпель на Халифскихъ монетахъ введенъ въ первые Халифомъ Абдуль-Маликомъ только въ 76 году гиджры. Послѣ историческихъ открытій Савельева въ Золото-ордынской нумизматикѣ, важнѣйшею услугою его наукѣ, считаю я выводъ, что Половцы, подобно Волжскимъ Булгарамъ (послѣднее открытіе принадлежитъ Френу), чеканили, во время двухсотлѣтняго господства въ

южныхъ степяхъ Россіи, *свою* монету, и что бывшія загадочными до Савельева монеты съ необъясненными надписями, имъ приписанныя хану Куманскому Хотену, являются послѣдними подражаніями Арабскимъ диргемамъ, обращавшимся въ древней Руси. Значительнымъ числомъ неизданныхъ обогащены имъ также списки извѣстныхъ доселѣ монетъ Саманидскихъ, Тагиридскихъ, Бувейгидскихъ и другихъ мусульманскихъ династій Азіи. Не менѣе важны услуги его топографіи монетныхъ кладовъ въ Россіи: принявъ эту отрасль свѣдѣній на попеченіе свое еще при жизни Френа, перваго у насъ приложившаго къ ней руку, Савельевъ постоянно заботился о ея обогащеніи, и, приведя въ извѣстность на своемъ вѣку до ста монетныхъ мѣстонахожденій, умеръ никому не завѣщавъ своего расположенія къ этому дѣлу (если только не возмется продолжать его г. Тизенгаузенъ, что̀ было бы крайне желательно при извѣстной уже способности къ нумизматическимъ работамъ этого молодаго ученаго). За тѣмъ, не перечисляя мелкихъ замѣтокъ, въ родѣ объясненія Арабскихъ клеймъ на Византійскихъ монетахъ, значенія слова *сустугъ*, непонятаго ни Карамзинымъ, ни Соловьевымъ, и т. д., и не упоминая равно ни о Русскихъ, ни о Татарскихъ древностяхъ, описанныхъ Савельевымъ, обращаю вниманіе лишь на важное значеніе его археологическихъ поисковъ во Владимірской, Ярославской и Екатеринославской губерніяхъ. Результатомъ произведенныхъ имъ здѣсь раскопокъ въ курганахъ было открытіе на сѣверѣ Россіи — «Норманскаго города», а на югѣ — быть можетъ, давно искомаго Геродотова Герроса. Преждевременная кончина не дозволила Савельеву пред-

ставить ученому міру этихъ открытій его въ сопровожденіи надлежащаго ученаго аппарата, какъ не допустила его докончить и другихъ начатыхъ трудовъ. Мало сказать: мы нашли тутъ Герросъ; надо еще доказать что нашли, потому что на эту честь могутъ претендовать, кромѣ Александрополя и другія мѣстности Екатеринославской и Таврической губерній. И Савельевъ готовилъ уже великолѣпное изслѣдованіе объ этомъ предметѣ, которое, кромѣ разъясненія вопроса о мѣстонахожденіи Герроса, пролило бы, можно было ожидать, много свѣта и на Скиѳскія древности вообще. Плодомъ же раскопокъ его въ бывшихъ владѣніяхъ Мери остались, кромѣ краткаго о нихъ отчета, напечатаннаго въ «Извѣстіяхъ» Археологическаго Общества, помѣщенные тамъ же: родъ инструкціи какъ вести подобныя раскопки, и образчикъ журнала разрытій, — два фароса для будущихъ изслѣдователей на поприщѣ курганографіи.

Труды Савельева, хотя и выходившіе бо̀льшею частію на Русскомъ языкѣ, были извѣстны Европейскимъ специалистамъ не менѣе, чѣмъ въ Россіи. Изъ нихъ, въ письменныхъ сношеніяхъ, находился онъ преимущественно съ извѣстнымъ нумизматомъ Сорѐ. Нѣкоторыя произведенія Савельева были переведены, другія рецензированы въ ученыхъ Нѣмецкихъ изданіяхъ (въ Ermann's Archiv für wissenschaftliche Kunde Russlands, въ Magazin für die Litteratur des Auslandes, и другихъ). Изъ иностранныхъ ученыхъ обществъ былъ онъ, сколько мнѣ извѣстно, только членомъ Парижскаго Азіятскаго (съ 10 августа 1837 года) да Копенгагенскаго Сѣверныхъ антикваріевъ (съ 27 октя-

бря 1843 года); изъ отечественныхъ — дѣйствительнымъ членомъ Общества исторіи и древностей Остзейскаго края (съ 18 сентября 1844 года), Императорскаго Археологическаго (съ самаго основанія), Императорскаго Географическаго (съ 8 января 1847 года), Одесскаго Общества исторіи и древностей (съ 13 ноября 1848 года), членомъ-корреспондентомъ Ученаго Эстонскаго Общества при Дерптскомъ университетѣ (съ 8 августа 1851 года), членомъ-корреспондентомъ Казанскаго университета (съ 5 ноября 1854 года), членомъ Императорскаго Московскаго Общества исторіи и древностей Россійскихъ (съ 25 мая 1855 года) и членомъ Музеума древностей Археологической Коммиссіи въ Вильнѣ (съ 1857 года). Поступая безпристрастно и благородно, Императорская Академія наукъ, не смотря на извѣстную оппозицію ей со стороны Савельева въ нѣкоторыхъ случаяхъ, дважды увѣнчала труды его половинною Демидовскою преміею. — Правительство, съ своей стороны, вознаградило труды и заслуги Савельева тѣмъ, что онъ передъ смертью (2 февраля 1859 года) назначенъ былъ старшимъ членомъ Императорской Археологической Коммисіи, надъ уставомъ которой работалъ, и умеръ, послѣ 23-хъ-лѣтней службы, въ чинѣ коллежскаго совѣтника и кавалеромъ ордена Св. Анны второй степени, который получилъ, вмѣстѣ съ прочими, въ торжественный день коронаціи, 26 августа 1856 года.

XVI.

Да, Савельевъ любилъ науку и служилъ ей до послѣдней минуты сознанія; но любилъ «не всѣмъ сердцемъ и не всѣми помышленіями». У него была другая любовь, сильнѣе, преданнѣе, въ жертву которой готовъ онъ былъ принести и самую любовь свою къ наукѣ. Объ этой любви не многіе знали, потому что говорить объ ней Савельевъ считалъ профанаціей, а доказать ее на дѣлѣ, какъ бы желалъ, такъ чтобы доказательство послужило точно во благо предмету любви, а не было пустою демонстраціей, безплоднымъ протестомъ — не имѣлъ случая, хотя постоянно былъ на сторожѣ чтобы ухватиться за первый, который представится. Понятно, думаю, что рѣчь идетъ о любви Савельева — къ отечеству. Для современнаго Русскаго уха какъ то странно звучатъ эти слова. Наши поборники свободной торговли достаточно успѣли убѣдить многихъ, что отечество — идея отжившая свой вѣкъ, а любовь къ нему — признакъ дикости и неразвитости. Но Савельевъ родился вскорѣ послѣ 1812

года, и выросталъ въ ту пору, когда еще не было у насъ фельетонистовъ и публицистовъ, которые, въ горячемъ стремленіи «догиать» Европу, успѣли забѣжать далеко впередъ и оставить ее за собою, потому что на «отсталомъ» западѣ не только порядочные, но и безпорядочные люди такъ не думаютъ. Родившись отъ четы чисто Русской, и сознавая въ себѣ Русскую кровь, Русское сердце, Русскій умъ, Савельевъ любилъ свой народъ съ языческою, съ Римскою горячностію. Онъ чувствовалъ себя органическимъ звеномъ Русскаго цѣлаго по тому глубокому отзыву, какой находили въ его душѣ всѣ явленія нашей общественной и государственной жизни, всякое горе, всякая радость Россіи. При разностороннемъ образованіи, какимъ обладалъ Савельевъ, знакомый одинаково и съ западомъ, и съ востокомъ, при томъ чувствѣ безпристрастія, которое онъ воспиталъ въ себѣ, любовь его къ отечеству, разумѣется, не впадала и не могла впасть въ квасной или пивной патріотизмъ, находящій что и скверное свое лучше чужаго хорошаго; но тоже образованіе не позволяло ему не видѣть, что не все чужое хорошо, и не все свое дурно, что не все хорошее на чужбинѣ можетъ быть хорошо для родины, и что если мы дѣйствительно хотѣли бы избавиться отъ своего дурнаго, то можемъ достигнуть этого не путемъ рабской подражательности образцамъ, а возбужденіемъ къ самодѣятельности собственныхъ силъ. Но то-то и огорчало постоянно Савельева, что дѣйствительнаго желанія исправиться, дѣйствительнаго стремленія къ улучшенію не замѣчалъ онъ вокругъ себя, что подражательность и толчокъ извнѣ, а не сознательное пробужденіе видѣлъ онъ и въ

самомъ стремленіи къ движенію, которое какъ будто бы обнаружилось въ послѣдніе годы. И тошны были Савельеву полудѣтскіе, полуфальшивые восторги Московскихъ и Петербургскихъ либераловъ, и умиралъ онъ повторяя, быть можетъ, за Макаули, что трудно представить себѣ «any situation more painful than that of an intelligent man condemned to watch the lingering agony of an exhausted country, to see the symptoms of vitability disappear one by one, till nothing is left but coldness, darkness, and corruption».

Крестьянскій вопросъ въ Россіи Савельевъ, конечно, ближе принималъ къ сердцу, нежели борьбу аболиціонистовъ съ демократами въ Америкѣ; но сочувствовалъ и аболиціонистамъ, какъ сочувствовалъ всякому успѣху ума, всякому подвигу самоотверженія на пользу общую, всякому шагу впередъ въ соціальномъ отношеніи, гдѣ бы ни совершались они. Знать что̀ дѣлается въ человѣческой семьѣ было для него потребностію, а не развлеченіемъ, не занятіемъ отъ бездѣлья или съ цѣлію пріобрѣтенія матеріала для болтовни въ обществѣ, интересующемся политикою, чтобы не казаться въ такомъ обществѣ «несовременнымъ» человѣкомъ. Онъ постоянно пробѣгалъ множество иностранныхъ журналовъ и газетъ, въ которыхъ не могъ найти ничего относящагося до своей спеціальности; читалъ всѣ замѣчательнѣйшія произведенія современной беллетристики отечественной, Французской и Англійской; романъ можно было увидѣть въ его рукахъ столь же часто, какъ и ученую монографію. Весьма долгое время былъ онъ постояннымъ читателемъ Gazette des Tribunaux, и всю жизнь оставался неизмѣннымъ поклонникомъ Англійскихъ

Reviews. Изъ иностранныхъ языковъ, писалъ и печатался онъ только на Нѣмецкомъ и на Французскомъ, но столь же хорошо владѣлъ и Англійскимъ. Нѣмцы приходили въ изумленіе отъ его искусства оканчивать каждую фразу частицами zu, vor, dar, an, и не вѣрили чтобъ онъ писалъ по Нѣмецки безъ помощи какого нибудь Нѣмца; но такого измѣнника Нѣмца отыскано не было. Міръ искусства былъ близокъ душѣ Савельева, особенно въ молодости, почти столько же, какъ и міръ науки, но и до конца жизни все прекрасное находило въ немъ привѣтъ и откликъ. Хорошая картина, изящная статуя, искусный барельефъ, замѣчательное архитектурное произведеніе доставляли ему истинное наслажденіе, и онъ искалъ этого наслажденія, а не подбиралъ его только, когда оно само попадалось ему на пути. Не оставался онъ равнодушенъ и къ драматическому искусству; во времена оны, когда играли Брянскій и Сосницкій, когда на Русской сценѣ давали Ричарда III, Лира, Гамлета, Савельевъ являлся усерднымъ посѣтителемъ Александринскаго театра; наслаждался также и талантомъ Мартынова, плакалъ даже въ мелодрамахъ, когда другіе умилялись надъ ними, но посмѣяться, когда былъ въ духѣ, отправлялся во Французскій спектакль. Пріѣзжали въ Петербургъ такіе артисты, какъ Щепкинъ, Садовскій, Девріентъ, Рашель, Ольдриджъ, — Савельевъ находилъ что было бы непростительно отказать себѣ въ наслажденіи видѣть ихъ игру. Но чѣмъ увлекался онъ преимущественно въ дѣлѣ искусства, такъ это музыкою, потому что самъ былъ отчасти музыкантомъ, порядочно исполняя на фортепьяно даже довольно трудныя пьесы. Была пора, что,

приходя къ нему, я всего чаще заставалъ его за флигелемъ, розыгрывающимъ новѣйшія музыкальныя пьесы; до Себастіана Баха, даже до Бетховена онъ не доходилъ, но лучшая оперная, Итальянская, Французская и Нѣмецкая музыка, была имъ играна и переиграна; особенно охотно игралъ онъ въ четыре руки съ братомъ Александромъ, который тоже имѣлъ музыкальныя способности. Нерѣдко также, въ молодые годы, квартира Савельева оглашалась и пѣніемъ: самъ онъ не пѣлъ, но любилъ послушать хорошій голосъ. Итальянская опера, въ первые годы существованія своего въ Петербургѣ, видѣла его въ числѣ постоянныхъ своихъ абонентовъ, а до того слушалъ онъ охотно и оперныя труппы Русскую и Нѣмецкую, не пропускалъ ни одного представленія «Нормы» и «Семирамиды», восхищался Воробьевой и Петровымъ, и съ ума сходилъ отъ «Жизни за Царя».

Съ такимъ образованіемъ, съ такою начитанностію, съ такою воспріимчивостію ко всему прекрасному и съ такими правами на уваженіе общества, по трудамъ своимъ, характеру и уму, Савельевъ былъ однимъ изъ скромнѣйшихъ смертныхъ. Онъ сознавалъ свое достоинство, но никогда не думалъ объ немъ, тѣмъ менѣе старался выказывать, да если бы и пришла ему такая фантазія, такъ онъ не съумѣлъ бы, отъ непривычки. За то и для него ничего не было тяжелѣе, какъ общество людей съ претензіями; онъ всячески избѣгалъ такихъ господъ, былъ неловокъ съ ними, стѣснялся и обнаруживалъ свой покойный, ровный, веселый характеръ, съ наклонностію къ шуткѣ и остроумію, только въ пріятельскомъ кругу, при людяхъ къ

которымъ привыкъ и которые хорошо его знали. Самолюбія, въ дурномъ смыслѣ этого слова, не было въ немъ ни на̀ волосъ ни литературнаго, ни общественнаго, а потому ни малѣйшей обидчивости, ни малѣйшей раздражительности, никакого злопамятства. Противу сближеній и выводовъ, сдѣланныхъ имъ въ «Магометанской нумизматикѣ», сильнѣйшія возраженія высказаны были гг. Егуновымъ и Сбоевымъ. Не соглашаясь съ Егуновымъ въ пониманіи предмета, Савельевъ всегда однако же отзывался и о критикѣ его, и о другихъ работахъ, не иначе какъ съ уваженіемъ. Основательность исправленій, предложенныхъ Сбоевымъ была признана имъ безъ малѣйшаго неудовольствія, и онъ отомстилъ остроумному критику тѣмъ, что отъ души расхвалилъ его книгу объ инородцахъ Казанской губерніи. Убѣжденій своихъ Савельевъ не скрывалъ, но и никому не навязывалъ, въ увѣренности что если человѣкъ самъ не дошелъ до извѣстнаго пониманія вещей, самъ не выработалъ въ себѣ той или другой идеи, то втискивать ее въ его голову безполезно, такъ какъ она останется тамъ мертвою, не дастъ ни ростка, ни плода. Какъ самъ онъ немедленно сдавался передъ истиной, въ туже минуту какъ только раскрывалась она ему, такъ желалъ видѣть туже покорность ей и въ другихъ, и потому терпѣть не могъ споровъ, въ которыхъ,—а таковы они почти всегда,—замѣчалъ не желаніе разъяснить дѣло, а стремленіе побѣдить противника во что бы то ни стало, унизить его въ мнѣніи присутствующихъ, и торжествовать пораженіе. Чувствовать свое превосходство надъ кѣмъ бы то ни было, не только что обнаруживать его, не доставляло Савельеву никакой

отрады, тѣмъ менѣе унизить соперника: съ недостойнымъ онъ не связывался, а въ отношеніи къ достойному это было бы неблагородно. Вообще, чужое достоинство не только не кололо ему глазъ, какъ многимъ умнымъ и способнымъ людямъ, а еще возбуждало желаніе подѣлиться поскорѣе съ другими своимъ уваженіемъ къ этому достоинству, отдать ему публично должную дань. И въ признаніи этомъ, какъ и для того, на оборотъ, чтобы видѣть пятна въ человѣкѣ, никогда не нуждался онъ въ чужомъ указаніи; совѣстливо составивъ себѣ понятіе о той или другой личности по поступкамъ ея, онъ не обращалъ ужь никакого вниманія на то, что думаютъ или говорятъ о ней другіе: онъ зналъ, какъ составляется общественное мнѣніе, какими побужденіями руководятся люди въ своихъ заключеніяхъ о ближнемъ, что за господа тѣ, которые берутъ на себя обыкновенно обязанность цѣнителей и судей, и что за баранья натура у тѣхъ, которые не ходятъ иначе, какъ за хвостомъ чужихъ возгласовъ и приговоровъ. Кого Савельевъ презиралъ, о томъ онъ молчалъ, по крайней мѣрѣ въ обществѣ, гдѣ не могли его понимать, или выражалъ свое мнѣніе однимъ рѣзкимъ словомъ, не распространяясь въ обвиненіяхъ; но кого уважалъ въ какомъ либо отношеніи, за того заступался и перомъ и словомъ. Правда была лозунгомъ его въ жизни, какъ истина — въ наукѣ.

Савельевъ прожилъ жизнь холостякомъ. Жениться такъ, только для того чтобы жениться,— не такого разбора былъ онъ человѣкъ; жениться по разсудку — онъ находилъ что наши дѣвушки не такъ воспитываются, чтобы могли быть истинными подругами въ жизни человѣку съ серьез-

нымъ на нее взглядомъ; а быть гувернеромъ своей жены, перевоспитывать ее по своему — не сознавалъ въ себѣ ни силъ, ни охоты, зная что это происходитъ только въ романахъ, а въ дѣйствительности бываетъ развѣ одинъ случай на сто тысячь браковъ. Сильной же страсти, которая бы ослѣпила его, заставила забыть все на свѣтѣ, онъ не испыталъ. Разъ, совершенно неожиданно, одинъ почтенный человѣкъ, котораго Савельевъ уважалъ и радъ былъ имѣть своимъ тестемъ скорѣе всякаго другаго, самъ предложилъ ему руку дочери: поступокъ не въ нашихъ нравахъ, но столько же приносившій чести Савельеву, сколько и тому, кто умѣлъ понять и оцѣнить такого человѣка. Савельевъ, не обнаруживая своего мнѣнія, спросилъ моего. Я благословилъ его обѣими руками, а онъ отвѣчалъ: «Со всѣми твоими общими разсужденіями нельзя не согласиться; но въ томъ то и дѣло, что это разсужденія общія, а надо принимать во вниманіе и обстановку частную: способность или неспособность къ женитьбѣ, разницу въ лѣтахъ, здоровье, семейныя и денежныя отношенія. Обсудивъ все, о чемъ долго бы и неумѣстно было писать въ письмѣ, я рѣшилъ что не могу воспользоваться предложеніемъ, какъ бы оно ни было лестно и выгодно для меня. Въ противномъ случаѣ былъ бы съ моей стороны только расчетъ (на который я неспособенъ) и эгоизмъ (т. е. одно мое *я*, безъ обращенія вниманія на будущее *ея*). Другое дѣло, будь такое предложеніе сдѣлано мнѣ лѣтъ пять ранѣе,— будь разность въ годахъ менѣе 20 слишкомъ лѣтъ,—будь другая обстановка. Но чего нѣтъ, того нѣтъ. Во первыхъ съ старой матерью трудно было бы ужиться молодой, а

раздѣлъ нашъ повлекъ бы за собою уменьшеніе моихъ денежныхъ средствъ (на чужія же деньги я не расчитываю), вовсе недостаточныхъ для содержанія семейства. Во вторыхъ, я давно ужь боленъ ногами, что̀ можетъ кончиться исторіею à la Надеждинъ; а жениться, зная что носишь въ себѣ зародышь неизлѣчимой болѣзни, по моему, нечестно; въ третьихъ, и т. д. Все это, вмѣстѣ съ другими мелкими обстоятельствами, заставляетъ меня и не думать о женитьбѣ, не потому чтобъ того не хотѣлъ, а отъ того что не могу и не долженъ. При другихъ обстоятельствахъ, принять сдѣланное мнѣ предложеніе я считалъ бы за счастье: лучшей «партіи» мнѣ нечего бы и желать. Отказъ съ моей стороны — есть дѣло совѣсти, а не расчета и не видовъ на что либо лучшее».

На честное предложеніе честнымъ отказомъ и должно было отвѣчать; но мало, кто бы на мѣстѣ Савельева, не увлекся разными софизмами, и поступилъ какъ онъ.

Радости супружеской и семейной жизни замѣнялись для Савельева, конечно, не вполнѣ удовлетворительно, весельемъ пріятельскихъ сборищъ и бесѣдъ — не такихъ, гдѣ бы можно было хорошо поѣсть и попить: съ откупщиками либералами онъ не дружилъ, а такихъ—гдѣ царствовали откровенность и непринужденность, гдѣ говорилось обо всемъ безъ запинки и затаенной мысли. Онъ не легко сближался съ людьми, но сблизившись разъ не расходился изъ пустяковъ. За то и всѣ, за немногими исключеніями, кто былъ съ нимъ на пріятельской ногѣ хотя недолгое время, сохраняли расположеніе къ нему и доброе о немъ воспоминаніе на всю жизнь. Я говорилъ уже о круж-

кѣ его пансіонскихъ и университетскихъ пріятелей, о семейныхъ домахъ, гдѣ любилъ онъ бывать въ молодости, и упомянулъ о знакомствахъ его въ періодъ 1845—1850 годовъ. До этого и въ послѣдствіи разныя обстоятельства сталкивали его болѣе или менѣе пріязненно еще съ другими личностями. Считаю долгомъ назвать тѣ частыя сношенія, которыхъ съ П. С., постоянныя или въ одинъ какой либо періодъ, извѣстны мнѣ, — прося извиненія у тѣхъ, о комъ запамятовалъ или кого не зналъ изъ сближавшихся съ нимъ въ долгіе годы моей Одесской и Оренбургской жизни. Сотрудничество по Энциклопедическимъ Словарямъ Плюшара и Зедделера сблизило его, болѣе другихъ, съ А. Ѳ. Штакельбергомъ, княземъ Д. А. Кропоткинымъ, Н. В. Савельевымъ-Ростиславичемъ, а сборы въ путешествіе по Средней Азіи—съ П. А. Чихачовымъ. Въ 1838—1839 годахъ жили въ домѣ у Савельева, дверь противъ двери съ нимъ, братья Я. А. и Ѳ. А. Соловьевы, съ которыми возобновилъ онъ студенческую жизнь черезъ четыре года по выходѣ изъ университета. Черезъ брата своего Александра сошелся онъ, изъ товарищей послѣдняго по Петербургскому университету, съ К. Ѳ. Кесслеромъ и М. П. Талызинымъ, а изъ сослуживцевъ брата по Казанскому университету—преимущественно съ А. И. Артемьевымъ. Замужество сестры связало его родственными отношеніями съ Д. И. и Н. И. Погребовыми. Изъ сослуживцевъ по Комитету иностранной цензуры встрѣчалъ я у него весьма нерѣдко А. П. Есипова и Л. Л. Добровольскаго. Участіе въ Финскомъ Вѣстникѣ свело его на время съ Ѳ. К. Дершау и В. В. Толбинымъ. Не знаю, гдѣ и какъ сошелся онъ съ В. М.

Романовичемъ и М. И. Иванинымъ, только часто бывалъ у перваго, и нерѣдко бесѣдовалъ я у него съ послѣднимъ. Занятія и секретарство по Археологическому Обществу поставили П. С. въ болѣе или менѣе частыя сношенія съ многочисленнымъ кругомъ людей, которымъ дотолѣ былъ онъ совершенно чуждъ: гг. Кёне и Сабатье, княземъ С. В. Долгоруковымъ, графомъ П. П. Шуваловымъ, князьями Ѳ. А. и Г. А. Гагариными, И. А. Бартоломеемъ, П. С. Казанскимъ, Г. Н. Геннади, и другими членами этого Общества. Изъ нихъ сошелся онъ особенно съ Я. Я. Рейхелемъ и графомъ А. С. Уваровымъ, который въ послѣдствіи не разъ выражалъ уваженіе и расположеніе свое къ нему на дѣлѣ. Съ Н. И. Надеждинымъ, А. Н. Поповымъ и М. П. Погодинымъ сближенъ былъ П. С. мною, привязался къ первому, оставался постоянно въ наилучшихъ отношеніяхъ со вторымъ, и пользовался особенною пріязнію и довѣріемъ послѣдняго. Въ Надеждинскомъ обществѣ познакомился онъ съ Н. В. Ханыковымъ, И. И. Срезневскимъ, С. Н. Палаузовымъ, П. И. Савваитовымъ. Служба при Л. А. Перовскомъ свела его съ В. М. и Я. М. Лазаревскими. Поѣздки, черезъ Москву, по губерніямъ Владимірской и Ярославской, въ Оренбургъ, въ Казань, потомъ въ Кіевъ, Одессу, по Екатеринославской губерніи и Крыму расширили кругъ знакомствъ его до того, что онъ вошелъ въ переписку почти со всѣми, кто только интересовался или интересуется въ Россіи древностями и нумизматикою — съ барономъ С. И. Шодуаромъ, К. Н. Тихонравовымъ, В. К. Савельевымъ, А. К. Киркоромъ и т. д., и т. д. Изъ лицъ, съ которыми встрѣчался онъ въ эти поѣздки, самыя пріят-

ныя воспоминанія оставили въ немъ П. В. Хлѣбниковъ и семейство Аксаковыхъ. Въ 1856 — 1857 годахъ, какъ видно изъ писемъ его, видался онъ чаще другихъ съ В. В. Дерикеромъ, котораго узналъ еще въ молодости, черезъ Сенковскаго, и съ В. В. Вельяминовымъ-Зерновымъ, съ которымъ познакомился у меня въ Оренбургѣ. Зимы 1858 и 1859 годовъ сдвинули его особенно пріязненно съ И. И. Срезневскимъ, а черезъ него сблизили и съ тѣми, кого встрѣчалъ онъ въ его домѣ. Зимою 1859 года, когда я пріѣзжалъ въ Петербургъ, чаще другихъ навѣщали его В. В. Дерикеръ, И. И. Срезневскій, С. Н. Палаузовъ, П. И. Мельниковъ, А. И. Артемьевъ, Д. В. Полѣновъ, священникъ Н. В. Любомудровъ. И. И. Срезневскій привязывался къ Савельеву тѣмъ сильнѣе, чѣмъ менѣе надежды оставалось на его жизнь. Выше приведено дышащее любовью къ покойному письмо его о послѣднихъ мѣсяцахъ жизни Савельева, а когда Русско-Славянское Отдѣленіе Археологическаго Общества почтило, 29 мая, память П. С. экстреннымъ собраніемъ, изъ устъ И. И. вырвалось такое горячее, такое грустное слово объ отшедшемъ, какого ни о комъ еще не раздавалось на Руси *). Надо было много любить, чтобы говорить такъ, и много хорошаго надо было имѣть въ себѣ, чтобы внушить такую любовь. «*Чѣмъ менѣе будетъ замѣчена утрата Савельева* — заключилъ Срезневскій, заключаемъ и мы, — *тѣмъ она тяжелѣе, тѣмъ, значитъ, мы бѣднѣе людьми, которые дѣйствительными достоинствами могутъ поддерживать и поднимать въ общественной требовательности общій уровень достоинствъ*».

*) См. Приложеніе подъ № VIII.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

СПИСОКЪ ОРИГИНАЛЬНЫМЪ СТАТЬЯМЪ П. С. САВЕЛЬЕВА, ПОМѢЩЕННЫМЪ ВЪ ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИХЪ СЛОВАРЯХЪ.

а) Въ Энциклопедическомъ Лексиконѣ А. Плюшара:

Томъ I. (1835 г.): Ага-Мухаммедъ-ханъ. Албанія. Александрія. Александрія-Троя. Али. Алиды. Алиширъ.

Томъ II. (1835 г.): Амикъ. Амру-ибнъ-Эльасъ. Анатолія. Антіохъ III. Арай.

Томъ III. (1835 г.): Аріана. Арсакиды. Асефъ. Ассасины. Ассемани. Атропатена. Аттаръ. Аттокъ. Афрасіабъ. Ахбазъ. Ахталъ. Ашари. Ашуре. Ашрефъ. Аюбиды.

Томъ IV. (1835 г.): Багдадъ. Бактріана. Бакуви. Балхъ. Бармекиды.

Томъ V. (1836 г.): Бахтишуа. Бельцони. Бидпай.

Томъ VI. (1836 г.): Боракъ. Бостанджи. Бостанджи-баши.

Томъ VII. (1836 г.): Броунъ (путешественникъ). Брусса. Брюсъ (путешественникъ). Будрунъ. Бузирисъ. Бузурджмигръ. Буиды. Булутъ-тагъ. Бургасъ. Бурославъ. Буркгардтъ (путешественникъ). Бурде. Бухара. Бухарія. Буширъ.

Томъ VIII. (1837 г.): Вагаршакъ. Валахія. Вартанъ.

Томъ IX. (1837 г.): Вассафъ. Васыфъ-Эфенди. Венгрія (литература). Веніаминъ Тудельскій.

Томъ X. (1837 г.): Вивлосъ. Вигіанусъ.

Томъ XI. (1838 г.): Вольнѐ.

Томъ XIII. (1838 г.): Гади. Гайтоны. Гамадани. Гамаданъ. Гамакеръ. Гамзѐ. Гамзѐ-Намѐ. Гарунъ-Альрашидъ. Гашемиды. Гебры.

Томъ XVII. (1841 г.): Діонъ Сиракузскій. Діонъ Хризостомъ. Діонъ Кассій. Докторъ. Доктринеры. Домы. Донъ и Домъ. Доссонъ. Достъ-Мухаммедъ. Драгоманъ. Друзы. Дуабъ. Дульхидже. Душекъ. Дюдеванъ (Жоржъ Зандъ).

б) Въ Военномъ Энциклопедическомъ Лексиконѣ:

Томъ V. (1841 г.): Дондукъ-Даши. Дондукъ-Омбо. Дондукъ-Цырень. Друзы. Дурани. Евфратъ. Ерлыкъ. Ефремовъ (путешественникъ). Еѳіопія. Земанъ-шахъ. Зенги. Зендъ.

Томъ VI. (1842 г.): Зіядъ. Зіяриды. Ибрагимъ-паша. Каанъ. Кабулъ. Кадеръ (Абдъ-эль-). Каджары.

Кади. Каймаканъ. Калè. Калмыки. Канси. Кара-Коюнлу.

Томъ VII. (1843 г.): Кафры. Керимъ-ханъ. Кипчакъ. Киргизъ-Кайсаки. Киргизы.

Томъ VIII. (1844 г.): Лагоръ. Маньчжу. Марониты.

Томъ IX. (1845 г.): Магометъ. Муса. Надиръ-шахъ. Наибъ. Низамъ. Низами-джедидъ. Нуръ-эддинъ.

Томъ X. (1846 г.): Омаръ. Оммiады. Орда. Отманъ.

II.

СПИСОКЪ СТАТЬЯМЪ П. С. САВЕЛЬЕВА, ПОМѢЩЕННЫМЪ ВЪ ИЗДАНІЯХЪ УЧЕНЫХЪ ОБЩЕСТВЪ.

а) Императорская Академія наукъ.

1. Notiz über funfzehn neue Ausgrabungen kufischer Münzen in Russland, als Ergänzung zu Ch. M. Fraehn's Topographischer Uebersicht der Ausgrabungen von altem arabischen Gelde in Russland (*Bulletin de la classe historico-philologique*, *T. I*, № 22 (1844).
2. Zweiter Beitrag zur Topographie der Ausgrabungen von altem arabischen Gelde in Russland (*Ibidem*, *T. IV*, № 13 (1847).
3. Vierzehn unedirte Samaniden - Münzen (*Ibid.*, *T. XII*, № 6 (1854).
4. Unedirte Samaniden-Goldmünzen (*Ibid.*, *T. XII*, № 14 (1855).

5. Notice sur deux manuscrits orientaux, appartenant à feu M. le professeur Senkofski (*Mélanges Asiatiques*, *T. III*, *p.* 483—486).

б) Императорское Археологическое Общество.

6. Sur l'importance des études d'archéologie et de numismatique orientales en Russie (*Mémoires de la Société d'Archéologie et de Numismatique de St.-Pétersbourg. Vol. I*, 1847, *p.* 191—200).
7. Notice sur une inscription cunéiforme trouvée à Nimroud (*Ibidem*, *vol. II*, 1848, *p.* 139—142).
8. Lettre à M. de Köhne sur quelques médailles et monnaies modernes de l'Asie (*Ibid. p.* 397—404). Post-Scriptum à cette lettre (*Ibid.*, *vol. III*, 1849, *p.* 248—249).
9. Ueber Fundukley's Uebersicht der alten Grabhügel, Wälle und Burgüberreste im Kijewschen Gouvernement (*Ibid.*, *p.* 250—256).
10. Monnaies coufiques en cuivre trouvées à Kiew en 1845 (*Ibid.*, *vol. V*, 1851, *p.* 71).
11. Monnaies coufiques d'argent, trouvées à Kiew en 1851 (*Ibid.*, *p.* 397—398).
12. Inscription glagolitique d'un sabre (*Ibid.*, *vol. VI*, 1852, *p.* 449).

Примѣчаніе. Изъ этихъ статей, значащіяся подъ №№ 1, 3 и 6 напечатаны по Русски въ «Запискахъ» С. Петербургскаго Археолого-логическо-нумизматическаго Общества, т. I, стр. 78—88 и 414—422, т. III, стр. 69—70.

13. Замѣчанія о Генуезско-Крымской монетѣ, упомянутой въ статьѣ Б. В. Кёне о Литовскихъ гербахъ (*Записки С. Петербургскаго Археологическо - нумизматическаго Общества*, *Т. I*, 1849, *стр.* 231—233).

14. О Славянскихъ монетахъ съ именами Владиміра, Святослава и Ярослава (*тамъ же*, *стр*. 386—398).

15. Примѣчаніе къ статьѣ И. Н. Березина объ Арабскихъ надписяхъ въ Дербентѣ (*тамъ же*, *Т. II*, 1850, *стр*. 68—71).

16. Введеніе и примѣчанія къ статьѣ Д. Банзарова о пайзе (*тамъ же*, *стр*. 72—73 *и* 95—97).

17. Археологическіе поиски въ развалинахъ Сарая — изъ отчетовъ А. В. Терещенки (*тамъ же*, *стр*. 364—410).

18. Объясненіе монеты съ именемъ Пуладъ-Тимура (*Записки Императорскаго Археологическаго Общества*, *Т. III*, 1851, *стр*. 122—123).

19. Предисловіе къ статьѣ Д. Банзарова о Монгольской надписи на памятникѣ князя Исункѐ (*тамъ же*, *стр*. 268—273).

20. Арабскія надписи на металлическомъ зеркалѣ, найденномъ въ Сараѣ и на золотомъ надбровникѣ — въ Пермской губерніи (*тамъ же*, *перечень засѣданій*, *стр*. 33—34).

21. Библіографическій указатель Русской археологической литературы за 1850 годъ (*тамъ же*, *стр*. 164—185).

22. Старинные доспѣхи, найденные въ сопкахъ Новгородской губерніи (*тамъ же*, *Т. IV*, 1852, *перечень засѣданій*, *стр*. 10—15).

23. Записка о двухъ примѣчательныхъ древностяхъ, вывезенныхъ изъ Россіи и находящихся теперь въ Парижѣ и Іенѣ (*тамъ же*, *стр*. 33—35).

24. Описаніе золотой бляхи, съ изображеніемъ и надписью, найденной въ Болгарахъ (*тамъ же*, *стр*. 37—40).

25. Открытіе двухъ древнихъ статуй въ Керчи. Извлеченіе изъ Французской брошуры г. Ашика (*тамъ же, стр.* 43—45).

26. О кладѣ съ Золотоордынскими монетами, найденномъ въ 1850 году въ Симбирской губерніи (*тамъ же, стр.* 56—57).

27. Описаніе двухъ металлическихъ зеркалъ съ Арабскими надписями, найденныхъ близь развалинъ Булгара (*тамъ же, стр.* 72—78).

28. Краткое извѣстіе о древностяхъ Мангышлацкаго полуострова (*тамъ же, стр.* 88—93)

29. Отзывъ о предложеніи г. Бейма на счетъ изслѣдованія Еврейскихъ древностей Крыма (*тамъ же, стр.* 94—95).

30. Дополнительныя извѣстія объ открытіи двухъ древнихъ статуй въ Керчи (*тамъ же, стр.* 110—115).

31. Куфическія монеты изъ Кіевскаго клада 1851 года, поступившія въ музей Общества (*тамъ же, стр.* 121—122).

32. Археологическіе поиски въ окрестностяхъ Устьсысольска (*тамъ же, стр.* 122—125).

33. Французская надпись на церковномъ колоколѣ въ Ненокскомъ приходѣ (*тамъ же, стр.* 147).

34. Извѣстіе о находкахъ восточныхъ монетъ въ Кіевѣ и Москвѣ (*тамъ же, Т. V*, 1853, *перечень засѣданій, стр.* 57—58).

35. Объясненіе семи восточныхъ монетъ, принесенныхъ въ даръ Обществу купцомъ Серебряниковымъ (*тамъ же, стр.* 63).

36. О трехъ Гулагидскихъ монетахъ, найденныхъ въ Пермской губерніи (*тамъ же, стр.* 65—66).

37. О кладѣ съ Джучидскими и Джелаиридскими монетами, найденномъ въ 1851 году въ Екатеринославской губерніи (*тамъ же, стр.* 66—68).

38. О четырехъ Куманскихъ монетахъ (*тамъ же, стр.* 68—70).

39. Объ ошибочномъ опредѣленіи г. Гамазовымъ Халифскихъ диргемовъ, найденныхъ въ 1852 году, въ развалинахъ Сузы (*тамъ же, Т. VIII*, 1856, *перечень засѣданій, стр.* 30—31).

40. Объясненіе клеймъ съ Арабскими письменами на монетахъ Византійскихъ императоровъ (*тамъ же, стр.* 150—151).

41. О вѣсѣ серебряныхъ слитковъ, найденныхъ въ Ригѣ (*тамъ же, стр.* 166—167).

42. Монеты Юго-западныхъ Славянъ (*тамъ же; Т. IX*, 1856, *стр.* 164—186).

43. Дополненіе къ описанію Саманидскихъ монетъ В. А. Тизенгаузена (*Труды Восточнаго Отдѣленія Императорскаго Археологическаго Общества. Часть I*, 1855, *стр.* 238—253).

44. Описаніе медали, розданной Султаномъ Махмудомъ Русскимъ войскамъ въ 1833 году (*тамъ же, стр.* 292—293).

45. О жизни и ученыхъ трудахъ Френа (*тамъ же, часть II*, 1855—1856, *стр.* 1—67).

46. Списокъ извѣстныхъ доселѣ монетъ Коканскаго ханства (*тамъ же, стр.* 119—127).

47. О жизни и трудахъ Дорджи Банзарова (*тамъ же, стр.* 128—160).

48. Монгольское пайзе, найденное въ Забайкальской области (*тамъ же, стр.* 161—165).

49. Древности, найденныя на Кавказѣ (*тамъ же, стр.* 179—187).

50. Неизданныя восточныя монеты Ф. Соре̂. Извлеченіе съ Французскаго (*тамъ же, стр.* 304—328).

51. Записка о 5 куфическихъ монетахъ Дерптскаго Эстонскаго Общества (*тамъ же, часть III*, 1857—1858. *стр.* 146—147).

52. Записка о 31 куфическихъ монетахъ, найденныхъ близь Билярска (*тамъ же, стр.* 147—148).

53. О серебряной медали Аудскаго владѣтеля Гайдера (*тамъ же, стр.* 155—157).

54. О 40 куфическихъ монетахъ, найденныхъ въ Казанской губерніи (*тамъ же, стр.* 160—161).

55. О 270 куфическихъ монетахъ, найденныхъ въ Рязанской и Тульской губерніяхъ и Сунженской станицѣ (*тамъ же, стр.* 166—168).

56. О 28 восточныхъ монетахъ, принесенныхъ въ даръ Обществу И. Н. Холмогоровымъ (*тамъ же, стр.* 172—173).

57. Некрологическое извѣстіе о князѣ Баратаевѣ (*тамъ же, стр.* 177—181).

58. Введеніе и примѣчанія къ письмамъ Дорджи Банзарова (*тамъ же, стр.* 182—202).

59. Монеты Джучидскія, Джагатайскія, Джелаиридскія и другія, обращавшіяся въ Золотой Ордѣ въ эпоху Тохтамыша (*тамъ же, стр.* 203—528).

60. **Неизданныя восточныя монеты Ф. Соре. Извлеченіе съ Французскаго** (*тамъ же*, *часть IV*, 1859, *стр.* 285—314).

61. **Предисловіе къ Монгольской лѣтописи «Алтанъ-Топчи», переведенной Г. Гомбоевымъ** (*тамъ же*, *часть VI*, 1858, *стр*: *V—XIV*).

62. **Археологическія розысканія во Владимірской губерніи** (*Извѣстія И. Археологическаго Общества*, *Т. I*, 1858—1859, *стр.* 12—15).

63. **Старинное Русское серебро собранія графа Л. А. Перовскаго** (*тамъ же*, *стр.* 23—24).

64. **Извѣстія о курганахъ и городищахъ** (*тамъ же*, *стр.* 148—151).

65. **Курганы у села Городищъ Переяславскаго уѣзда Владимірской губерніи. Извлеченіе изъ дневника разрытій** (*тамъ же*, *стр.* 160—166).

66. **Записка о 90 куфическихъ монетахъ, найденныхъ въ 1856 году въ Самарской губерніи** (*тамъ же*, *стр.* 192—193).

67. **О восточныхъ монетахъ г. Волошинскаго** (*тамъ же*, *стр.* 195—196).

68. **О 5 куфическихъ монетахъ изъ числа найденныхъ близь Билярска** (*тамъ же*, *стр.* 197).

69. **О книгѣ: «Знаменскій монастырь и палата бояръ Романовыхъ»** (*тамъ же*, *стр.* 201 — 202).

70. **О Борсиппской Ассирійской надписи, разобранной г. Оппертомъ** (*тамъ же*, *стр.* 203—208).

71. **О нумизматическихъ замѣткахъ г. Де-Сенъ-Тома** (*тамъ же*, *стр.* 108).

72. О 22 Джучидскихъ монетахъ, найденныхъ близь деревни Иски-Казанъ (*тамъ же, стр.* 246—247).

73. О 228 Джучидскихъ монетахъ, найденныхъ въ Харьковѣ (*тамъ же, стр.* 251).

74. О 500 Джучидскихъ монетахъ, найденныхъ въ 1853 году въ Саратовской губерніи (*тамъ же, стр.* 254).

75. О. И. Сенковскій. Некрологъ (*тамъ же, стр.* 255).

76. Записки Виленской Археологической коммисіи. Рецензія (*тамъ же, стр.* 268—270).

77. О восточныхъ надписяхъ на нѣкоторыхъ Русскихъ печатяхъ (*тамъ же, стр.* 271).

78. Некрологическое извѣстіе о М. Я. Коркуновѣ (*тамъ же, стр.* 301).

79. О книгѣ: «Описаніе музеума князя В. В. Кочубея» (*тамъ же, Т. II,* 1860, *стр.* 263—266).

в) Императорское Русское Географическое Общество.

80. Средняя Азія. I. Обозрѣніе географическихъ открытій и путешествій, совершенныхъ въ средней части Азіи, съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ (*Карманная книжка для любителей землевѣдѣнія. Спб.*, 1848, *стр.* 239—278).

81. В. Ф. Диттель. Некрологъ (*Географическія Извѣстія, выдаваемыя отъ Русскаго Географическаго Общества, годъ* 1848, *стр.* 117—120).

82. Путешествіе по Монголіи и Тибету католическихъ миссіонеровъ Гюка и Габе. Обозрѣніе (*тамъ же, годъ* 1849, *стр.* 78—92).

83. Путешествіе г. Базинера черезъ Киргизскую степь въ Хиву. Обозрѣніе (*тамъ же, стр.* 157—171 *и* 206—212).

84. Извѣстіе о пребываніи въ Хивѣ г. Антова (*тамъ же, стр.* 240—242).

85. Очеркъ путешествія въ Прибалтійскія страны, Великій Новгородъ и Псковъ, совершеннаго рыцаремъ Гильбертомъ де-Ланноа, въ 1412—1414 годахъ (*тамъ же, годъ* 1850, *стр.* 17—35).

86. Синологъ миссіонеръ Гюцлафъ и его пребываніе въ С. Петербургѣ (*тамъ же, стр.* 285—291).

87. Этнографическіе труды Мадярской Академіи въ Пестѣ и г. Регули (*тамъ же, стр.* 432—436).

88. Введеніе и примѣчанія къ Запискамъ о Кокансскомъ ханствѣ хорунжаго Потанина (*Вѣстникъ И. Русскаго Географическаго Общества за* 1856 *годъ, стр.* 254—290).

89. Записка относительно устройства этнографическаго музея Общества (*тамъ же, годъ* 1858, *стр.* 78—82).

III.

ХРОНОЛОГИЧЕСКІЙ СПИСОКЪ СТАТЬЯМЪ П. С. САВЕЛЬЕВА, ПОМѢЩЕННЫМЪ ВЪ РУССКИХЪ ЖУРНАЛАХЪ И ГАЗЕТАХЪ.

1835.

1. Испанская школа живописи (*Сынъ Отечества и Сѣверный Архивъ на* 1835 *годъ*, № 33, *стр.* 315—337).

Сокращено изъ Foreign Quarterly Review. Подписано: *М. Мурманскій*, 1834.

2. Очерки востока (*тамъ же*, № 18, *стр.* 642 — 655; № 19, *стр.* 47—55; № 26, *стр.* 428—449; № 35, *стр.* 440—460; № 44, *стр.* 476—502).

Извлеченія изъ Мишо: Correspondance d'Orient. Подписано: *М. Мурманскій*.

3. Выписки изъ новѣйшихъ путешествій (*тамъ же*, № 1, *стр.* 325—336).

Нѣсколько статей изъ книгъ Ламартина, Сенъ-Джона, Борнса и Муди. Тоже за подписью: *М. Мурманскій*.

4. Путешествіе г. Царрота на Араратъ (*Библіотека для Чтенія на 1835 годъ, № XII, стр.* 109—143).

Извлеченія изъ книги Паррота: Reise zum Ararat. Безъ подписи.

5. Статистика средняго человѣка (*тамъ же, стр.* 144—166).

Составлено по книгѣ Кэтлѐ: Sur l'homme et le développement de ses facultés. Безъ подписи.

1836.

6. Бухара въ 1835 году, съ присоединеніемъ извѣстій обо всѣхъ Европейскихъ путешественникахъ, посѣщавшихъ этотъ городъ до 1835 года включительно (*Сынъ Отечества на 1836 годъ, Т.* 181, *стр.* 249—265).

Перепечатка изъ Энциклопедическаго Лексикона—статьи *Бухара*, съ нѣкоторыми дополненіями.

7. Письмена древнихъ Руссовъ (*Библіотека для Чтенія, на 1836 годъ, № XIV, стр.* 50—59).

Подъ этою статьею подписано: *Френъ*; но это Савельевскій переводъ Френовскаго мемуара: Ibn-Abi-Iacub el Nedim's Nachricht von der Schrift der Russen im X Jahrhundert.

8. Странствованіе Арабскаго патріарха Макарія изъ Алеппо въ Москву (*тамъ же, стр.* 1—25 *и* 60—112).

Извлеченіе изъ Travels of Macarius, patriarch of Antioch, written by his attendant archdeacon Paul of Aleppo, изданныхъ Бельфуромъ, и комментарій на Арабское сказаніе объ этомъ путешествіи.

9. Трехсказочный паша. Сочиненіе капитана Маррьета (*тамъ же, стр.* 81—142).

Сокращеніе Маррьетова романа: The pasha of many tales.

10. Мoникины. Новый романъ Купера (*тамъ же, стр.* 203—232).

Извлеченія изъ The Monnikins Купера.

11. Флемстидъ, Галлей и Ньютонъ (*тамъ же, № XVI, стр.* 41—55).

Составлено изъ разныхъ Англійскихъ статей.

12. Генри Больверъ и мистрисъ Троллопъ (*тамъ же, стр.* 56—88).

Выписки изъ книги Больвера: The monarchy of the middle classes, и книги г-жи Троллопъ: Paris and the Parisans in the 1835.

13. Записки г. Раумера объ Англіи (*тамъ же, Смѣсь, стр.* 84— 97).

Переводъ нѣсколькихъ статей изъ Раумерова сочиненія: England, in 1835.

14. Парламентскіе скицціы (*тамъ же, стр.* 97—101).

Нѣсколько портретовъ изъ Recollections of the House of the peers Рандома.

15. Вильямъ Годвинъ (*тамъ же, стр.* 101—103).

Біографическое извѣстіе объ этомъ писателѣ.

16. Англія въ 1835 году. Сочиненіе г. Раумера (*тамъ же, № XVII, стр.* 27—76).

Обозрѣніе этого сочиненія, съ извлеченіями.

17. Путешествіе г. Госкинса въ Эѳіопію (*тамъ же, стр.* 77—99).

Обзоръ книги Госкинса: Travels into Aethiopia.

18. Эразмъ Роттердамскій и его эпоха (*тамъ же, стр.* 100—124).

Переводъ изъ Fraser's Magazine.

1837.

19. О жизни и трудахъ Васыфъ-Эфендія (*Журналъ Министерства народнаго просвѣщенія, на 1837 годъ. Часть XIV, отд. II, стр.* 62—68).

Таже статья о Васыфъ-Эфендіи, что и въ Энциклопедическомъ Лексиконѣ.

20. Списокъ главнѣйшихъ государей и правителей Азіи и сѣверной Африки въ 1837 году (*тамъ же, ч. XV, отд. II, стр.* 268—285).

Переводъ изъ Journal Asiatique за тотъ же годъ.

21. Грузинскія древности, надписи и монеты (*тамъ же, ч. XVI, отд. II, стр.* 485—498).

Отдѣльный оттискъ этой статьи напечатанъ подъ заглавіемъ: «О Грузинскихъ древностяхъ, надписяхъ и монетахъ, и о трудахъ гг. Дюбуа и Броссе».

1838.

22. Новый доводъ въ пользу Скандинавскаго происхожденія Руссовъ (*Журналъ М. н. пр. на* 1838 *годъ, ч. XVIII, отд. II, стр.* 514—521).

Отдѣльный оттискъ озаглавленъ такимъ образомъ: «Извѣстіе Арабскаго писателя Ахмедъ-Эль-Катеба о взятіи Руссами города Севильы въ 844 году, служащее новымъ доводомъ въ пользу Скандинавскаго происхожденія Руссовъ». Это — изложеніе Френовскаго изслѣдованія, помѣщеннаго въ Bulletin scientifique, T. IV, № 10.

23. Взглядъ на исторію и литературу Грузіи. Сочиненіе г. академика Броссе (*тамъ же, ч. XIX, отд. II, стр.* 274—335).

Переводъ рѣчи г. Броссе, произнесенной на Французскомъ языкѣ въ засѣданіи И. Академіи наукъ 29 декабря 1837 года.

24. Путешествіе г. Госкинса въ Большой Ливійскій оазисъ (*тамъ же, отд. V, стр.* 665—685).

Отдѣльный оттискъ отпечатанъ подъ заглавіемъ: «О путешествіяхъ въ Большой Ливійскій оазисъ». Это — отчетъ о Госкинсовой книгѣ: Visit to the Great oasis of the Lybian Desert, съ присоединеніемъ извѣстій о древнемъ Египтѣ изъ другихъ сочиненій.

1839.

25. Затмѣнія по понятіямъ древнихъ (*Журналъ М. н. пр. на* 1839 *годъ, ч. XXI, отд. II, стр.* 304—334).

Переводъ статьи Летронна въ Journal des Savants на 1838 годъ.

26. Баронъ Сильвестръ де-Саси (*тамъ же, отд. V, стр.* 1—48).

Отдѣльный оттискъ сдѣланъ съ заглавіемъ: «О жизни и трудахъ барона Сильвестра де-Саси». Составлено преимущественно по Notice historique et littéraire sur M. le baron Sylvestre de Sacy, par M. Reinaud.

27. Обозрѣніе Journal des Savants за 1838 годъ (*тамъ же, ч. XXII, отд. VI, стр.* 108—120 и *ч. XXIV, отд. VI, стр.* 142—156).

1840.

28. О книгохранилищахъ на востокѣ. Статья г. Катрмера (*Журналъ М. н. пр. на* 1840 *годъ, ч. XXVII, отд. IV, стр.* 1—30).

Переводъ Катрмера: Mémoire sur le goût des livres chez les Orientaux.

29. Хива и Хивинцы (*С. Петербургскія Вѣдомости на* 1840 *годъ*).

30. Шейхъ Мухаммедъ Тантавви (*тамъ же, №* 189, а по Французски *въ Journal de St.-Pétersbourg*, 1840, № 179).

1842.

31. Открытіе новаго материка въ южномъ полушаріи (*Сынъ Отечества на* 1842 *годъ* *), *мѣсяцъ январь, отд. V, стр.* 24—32).

Переводъ съ Англійскаго изъ Рошѐ.

32. Адель и Шоа, страны юговосточной Африки (*тамъ же, №* 2, *отд. V, стр.* 29—50).

Извлеченіе изъ путешествія г. Рошѐ.

---

*) Въ объявленіи объ изданіи С. О. на 1842 годъ, въ числѣ приготовленныхъ матеріаловъ упомянуты:—«*Искендеръ: преданія восточныхъ народовъ объ Александрѣ Великомъ. Соч. П. С. Савельева*», — и «*Шанфарій, поэма. Переводъ съ Арабскаго П. С. Савельева, съ объясненіями*». Этихъ трудовъ не явилось въ печати ни въ 1842, ни въ слѣдующихъ годахъ.

33. Лапласъ (*тамъ же, кн. VII, отд. V, стр.* 23—50).

Извлеченіе изъ статьи Араго́.

34. О восточныхъ монетахъ, находимыхъ въ Россіи. Изслѣдованія академика Френа (*тамъ же, мѣсяцъ іюль, отд. V, стр.* 51—100).

Отдѣльный оттискъ отпечатанъ подъ заглавіемъ: «Топографическое обозрѣніе мѣстонахожденій Арабскихъ монетъ въ Россіи. Сочиненіе академика Х. М. Френа. Переводъ съ Нѣмецкаго, съ нѣкоторыми дополненіями, П. С. Савельева».

35. Восхожденіе Русскаго офицера Платона Чихачова на высочайшую изъ Пиренейскихъ горъ (*тамъ же, кн. VIII, отд. VII, стр.* 26—28).

36. Клады съ восточными монетами, находимые въ Россіи (*С. Петербургскія Вѣдомости на* 1842 *годъ*, №№ 235—238; *Московскія Вѣдомости*, 1842, №№ 95—97).

Это—извлеченіе изъ статьи подъ № 34.

37. Хива за сто лѣтъ назадъ (*Сынъ Отечества на* 1842 *годъ*, № 1, *кн. I, отд. V, стр.* 33—39).

1843.

38. О жизни и трудахъ Ф. Ф. Шармуа (*С. Петербургскія Вѣдомости на* 1843 *годъ*, № 47).

По напечатаніи этого некролога оказалось, что г. Шармуа не умиралъ. Потому къ отдѣльному оттиску некролога, вышедшему въ 1845 году, сдѣлана приписка объ этомъ обстоятельствѣ.

1844.

39. Извѣстіе о древнихъ рукописяхъ въ Самаркандѣ (*С. Петербургскія Вѣдомости на* 1844 *годъ*, № 179).

По поводу ложныхъ разсказовъ объ этомъ предметѣ Армянина Кадкадура.

1846.

40. О торговлѣ Волжскихъ Булгаръ въ IX и X вѣкѣ (*Журналъ М. н. пр. на 1846 годъ, ч. XLIX, отд. II, стр.* 31—50).

41. Еще нѣсколько словъ объ ученыхъ заслугахъ графа Румянцова (*тамъ же, отд. V, стр.* 51—56).

Дополненія и поправки къ статьѣ г. Старчевскаго: «О заслугахъ Румянцова, оказанныхъ отечественной исторіи».

42. Русское отдѣленіе королевскаго Общества сѣверныхъ антикваріевъ въ Копенгагенѣ (*тамъ же, отд. VIII, стр.* 1—10).

43. И. Ѳ. Крузенштернъ (*тамъ же, ч. LII, отд. V, стр.* 1—11).

Некрологъ, заимствованный изъ статьи въ St.-Petersburgische Zeitung, съ добавленіями.

1847.

44. О важности изученія восточной нумизматики и археологіи въ Россіи (*Журналъ М. н. пр. на* 1847 *годъ, ч. LIII, отд. II, стр.* 262—272).

Переводъ Французской рѣчи Савельева, напечатанной въ Mémoires de la Société d'archéologie et de numismatique de St.-Pétersbourg. Vol. I, p. 191—200.

45. О древности Москвы (*С. Петербургскія Вѣдомости на* 1847 *г., №* 6; по Нѣмецки *въ St.-Petersburgische Zeitung*, 1847, № 19; по Французски *въ Journal de St.-Pétersbourg*, 1847, № 173).

46. Сунбуль (*С. Петербургскія Вѣдомости на* 1847 *г., №* 25).

По поводу статьи д-ра Тильмана о корнѣ этого названія — о томъ, что Сунбуль давно извѣстенъ и въ Европѣ, и въ Россіи.

47. Нѣсколько замѣчаній на послѣднее сочиненіе г. Минутоли (*тамъ же*, № 27).

Примѣры невѣжества этого Прусскаго генерала и академика, взятые изъ книги его: Topographische Uebersicht der Ausgrabungen u. s. w.

48. Сунбуль (*тамъ же*, № 36).

Отвѣтъ г. Тильману на возраженія его противъ замѣчаній въ статьѣ подъ № 46.

49. Амедей Жоберъ (*тамъ же*, № 106).

О томъ что г. Жоберъ вовсе не былъ замѣчательнымъ орьенталистомъ и продавалъ г-ну Терно Киргизскихъ и Калмыцкихъ козъ за настоящія Тибетскія.

50. Восточныя древности, найденныя въ Пермской губерніи (*тамъ же*, № 122).

51. О дѣятельности Русскихъ ученыхъ обществъ въ 1846—1847 году (*Финскій Вѣстникъ на* 1847 *годъ*, № *V*, *Смѣсь*, *стр*. 37—44; № *VII*, *стр*. 18—23; № *VIII*, *стр*. 26—27; № *IX*, *стр*. 24—27; № *X*, *стр*. 80—82 *и* № *XI*, *стр*. 27—33).

52. Историческое обозрѣніе торговыхъ сношеній Новагорода съ Готландомъ и Любекомъ, М. Славянскаго.— Санскритская Антологія П. Петрова.— Записки Русскаго Географическаго Общества, книжка вторая (*тамъ же*, № *VII*, *Библ. Хроника*, *стр*. 31 — 34 *и* 39 — 40; № *VIII*, *стр*. 50—56).

Рецензіи этихъ книгъ.

53. Новое сочиненіе профессора Сенковскаго (*о древности имени Руссовъ*).— Берлинскій журналъ, посвященный Россіи.— Европейская географія на Китайскомъ языкѣ.— Разрушеніе Баальбекскаго храма.— О сочиненіи Гефтера (*Der Weltkampf der Deutschen und Slaven*).— Труды Курда Шлецера по Русской исторіи.— Вторая

часть «Космоса».—Живописный Кавказъ.—Розысканія о народахъ Кавказа. — Толки объ ученой благонамѣренности.—Натуралистъ поэтъ Савичь (*тамъ же, № VII, стр.* 38—45; *№ VIII, стр.* 52—53; *№ X, стр.* 87—93 *и* 101—103).

Мелкія статьи въ отдѣлѣ Смѣси. Подпись: Р. Р**

54. Петербургскія Замѣтки (*тамъ же, № VII, стр.* 45—48; *№ VIII, стр.* 36—45; *№ IX, стр.* 27—31; *№ X, стр.* 93—99; *№ XI, стр.* 42—46).

Фельетонъ о разныхъ явленіяхъ Петербургской жизни. За подписью Р. Р**

55. Трехлѣтнее путешествіе по востоку профессора Березина (*тамъ же, № VIII, Смѣсь, стр.* 20—22).

56. Путешествіе по востоку г. профессора Диттеля (*тамъ же, № IX, Смѣсь, стр.* 19—24).

57. Извѣстія ученыя и литературныя (*тамъ же, № XI, Смѣсь, стр.* 46—50).

1848.

58. Общій взглядъ на философію словесности. Графа С. С. Уварова (*Сѣверное Обозрѣніе на* 1848 *годъ, № I, отд. Критики, стр.* 1—10).

Переводъ съ Французскаго.

59. Сборникъ газеты «Кавказъ».—Beiträge zur Geschichte der Kaukasischen Länder und Völker.—Объ изслѣдованіи вершинъ Сыръ и Аму-дарьи, и нагорной площади Памиръ (*тамъ же, № II, отд. Критики, стр.* 24—41).

Рецензіи этихъ изданій.

60. Журнальныя Замѣтки. — Разныя разности. —Ученыя извѣстія (*тамъ же, № I, Критика, стр.* 67—69; *Смѣсь, стр.* 41—44; *№ II, Смѣсь, стр.* 31—36).

1849.

61. Карамзинъ, какъ переводчикъ и цѣнитель Шекспира (*Сѣверное Обозрѣніе на* 1849 *годъ*, *Т. I*, *стр*. 464—469).

Подписано: Р. Р.

62. Черкесскія преданія (*тамъ же*, *Т. II*, *стр*. 786—796).

По поводу статей объ этомъ предметѣ въ газетѣ «Кавказъ».

63. Іероглифы. Есть ли возможность читать и понимать Египетскіе іероглифы. Историческій очеркъ успѣховъ іероглифической науки (*тамъ же*, *Т. II*, *стр*. 461—487).

64. Обозрѣніе дѣятельности Русскихъ ученыхъ обществъ въ 1848—1849 году (*тамъ же*, *Т. I*, *стр*. 275—281, 557—561 *и* 561—563; *Т. II*, *стр*. 561—591 *и* 839—845).

Съ подписью * * * ъ.

65. Записки Русскаго Географическаго Общества, книжки I—III, изданіе второе. — Записки С. Петербургскаго Археологическо-нумизматическаго Общества. Т. I.— Николай Михайловичъ Карамзинъ, Старчевскаго.— Грамматика Исландскаго языка, Сабинина. — Десять изданій Голубкова (*тамъ же*, *Т. I*, *стр*. 535 — 540; *Т. II*, *стр*. 289—290 *и* 817—819).

Рецензіи этихъ изданій, за тою же подписью.

66. Ученыя и литературныя новости (*тамъ же*, *Т. II*, *стр*. 659—666).

1850.

67. Гражданскій бытъ Тиритовъ, П. Бекера (*Сѣверное Обозрѣніе на* 1850 *годъ*, *Т. III*, *стр*. 208—213).

Рецензія.

68. Обозрѣніе дѣятельности ученыхъ обществъ (*тамъ же, Т. III, стр.* 220—222 *и* 698—709).

69. Путешествіе по Дагестану и Закавказью И. Березина (*Журналъ М. н. пр. на* 1850 *годъ, ч. LXV, отд. VI, стр.* 103—119).

Рецензія.

70. Mélanges Asiatiques И. Академіи наукъ, Т. I.—Русская старина въ памятникахъ церковнаго зодчества, Мартынова. — Mélanges Russes И. Академіи Наукъ, т. I. (*тамъ же, отд. VI, стр.* 119—129).

Рецензія. Вмѣсто подписи * * *

71. Жизнь князя А. М. Курбскаго въ Литвѣ и на Волыни (*тамъ же, ч. LXVII, отд. VI, стр.* 164—178).

Рецензія. Тоже вмѣсто подписи: три звѣздочки.

1851.

72. Казанскіе Чуваши (*Журналъ Министерства внутреннихъ дѣлъ на* 1851 *годъ, № XII, стр.* 391—412).

Библіографія предмета, и о книгѣ объ ономъ г. Сбоева.

1852.

73. Пермская губернія въ археологическомъ отношеніи (*Журналъ М. в. д. на* 1852 *годъ, № VII, стр.* 114—123).

74. Археологическіе поиски въ окрестностяхъ Устьсысольска (*тамъ же, стр.* 164—167).

Таже самая статья, что и въ «Запискахъ» И. Арх. Общества, Т. IV, стр. 122—125.

1853.

75. Ученыя Записки Имп. Академіи Наукъ по первому и третьему отдѣленіямъ, Томъ I (*Журналъ М. н. пр. на* 1853 *годъ, ч. LXXVII, отд. VI, стр.* 15—22).

Рецензія, съ подписью * *.

76. Catalogue des manuscrits et xylographes orientaux de la Bibliothèque Imp. publique de St.-Pétersbourg (*тамъ же, стр.* 22—28).

Рецензія, съ тою же подписью.

1855.

77. Академикъ А. М. Шёгренъ (*Журналъ М. н. пр. на* 1855 *годъ, ч. LXXXVI, отд. V, стр.* 1—8).

Некрологъ, извлеченный изъ Гельсингфорской газеты Morgenbladet, и Дерптской—Inland, съ дополненіями.

78. Древности села Веськова (*тамъ же, отд. VII, стр.* 30—32; *и Владимірскія Губернскія Вѣдомости на* 1855 *годъ, №* 24).

1856.

79. Дополненіе и примѣчанія къ автобіографіи Н. И. Надеждина (*Русскій Вѣстникъ на* 1856 *годъ, № V, стр.* 49—50 *и* 68—78).

80. Аудское королевство (*тамъ же, № VI, стр.* 93—96).

81. Восточныя литературы и Русскіе орьенталисты (*тамъ же, № VI, стр.* 115—124; *№ VIII, стр.* 270—278 *и № IX, стр.* 28—38).

82. Предположенія объ учрежденіи Восточной Академіи въ С. Петербургѣ, 1733 и 1810 годовъ (*Журналъ М. н. пр. на* 1856 *годъ, ч. LXXXIX, отд. III, стр.* 27—36).

83. Древности Босфора Киммерійскаго, хранящіяся въ Имп. музеѣ Эрмитажа (*тамъ же, ч. XC, отд. VII, стр.* 1—5).

Рецензія изданія подъ этимъ заглавіемъ.

1857.

84. Записки Сибирскаго Отдѣла и Русскаго Географическаго Общества, книжки первая и вторая. — Записки

Виленской Археологической коммисіи, часть первая (*Журналъ М. н. пр. на* 1857 *годъ, ч. XCIII, отд. VI, стр.* 65—72 *и* 78—81).

Рецензія этихъ изданій.

85. Фельетонистъ оріенталистъ (*Молва на* 1857 *годъ, № IV, стр.* 50 — 52). Поясненія и заключеніе къ статьѣ Фельетонистъ орьенталистъ (*тамъ же, № X, стр.* 111—114; *№ XI, стр.* 126—132).

Возраженія на статьи «Русскаго Вѣстника» и «Московскихъ Вѣдомостей» противу «Воспоминаній о Грановскомъ» В. В. Григорьева.

1858.

86. О жизни и трудахъ О. И. Сенковскаго (*Собраніе сочиненій Сенковскаго (барона Брамбеуса). Спб.* 1858. *Томъ I, стр. XI—CXXXVIII*).

1859.

87. С. Т. Аксаковъ (*Русскій Дневникъ на* 1859 *годъ, №* 99).

Воспоминаніе о первомъ свиданіи съ нимъ Савельева, 26 сентября 1854 года.

Примѣчаніе. Представленный списокъ статьямъ П. С. Савельева далеко не полонъ. Во первыхъ—онъ начатъ лишь съ 1835 года, тогда какъ П. С. печатался съ 1831; во вторыхъ—не указаны статьи, помѣщенныя въ «Литературныхъ Прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду» за 1837 и 1838 годы, въ «Отечественныхъ Запискахъ» за 1839 и 1840 годы, и въ «Москвитянинѣ», тогда какъ онъ сотрудничествовалъ въ этихъ изданіяхъ; въ третьихъ—пропущено много статей изъ числа печатавшихся въ «С. Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», «Сѣверной Пчелѣ», «Сынѣ Отечества» и, быть можетъ, еще въ другихъ газетахъ и журналахъ.

IV.

СПИСОКЪ МАТЕРІАЛАМЪ, СООБЩЕННЫМЪ П. С. САВЕЛЬЕВЫМЪ ВЪ РАЗНЫЯ ИЗДАНІЯ.

---

1. Записки о пребываніи Императрицы Екатерины Второй въ Кіевѣ, въ 1787 году, и о свиданіи ея съ Станиславомъ-Августомъ, королемъ Польскимъ (*въ Сынѣ Отечества на* 1843 *годъ*).
2. О происхожденіи нѣкоторыхъ дворянскихъ фамилій Русскихъ изъ Польши (*въ Сынѣ Отечества на* 1844 *годъ*).
3. О событіяхъ въ Алеппо 4/16 октября 1850 года. Переводъ съ Арабской рукописи (*въ Сѣверной Пчелѣ на* 1851 *годъ*, №№ 50—52).
4. Событія случившіяся въ Крыму, въ царствованіе Шагинъ-гирей-хана. Переводъ съ Еврейской рукописи Караима Рабби Азарія сына Иліи (*во Временникѣ Московскаго Общества исторіи и древностей Россійскихъ, на* 1856 *годъ, книга XXIV*).

5. Тетрадь, а въ ней писаны рубежи городу Полоцку и Полоцкому повѣту, 7071 года (*тамъ же*).

6. Царская грамота о перенесеніи города Еренска на устье рѣчки Кижмолки, 7140 года (*тамъ же, на* 1857 *годъ, книга XXV*).

7. Автобіографическая записка отца Іакинѳа Бичурина (*въ Запискахъ Императорской Академіи наукъ по первому и третьему отдѣленіямъ, Т. III*).

8. Автобіографическая записка Н. И. Надеждина (*въ Русскомъ Вѣстникѣ на* 1856 *годъ, книжка V*).

9. Объ отличительныхъ признакахъ и нарѣчіяхъ Русскаго языка по системѣ Надеждина (*въ Журналѣ М. н. пр. на* 1857 *годъ, ч. XCIII*).

10. Записки о Коканскомъ ханствѣ хорунжаго Потанина (*въ Вѣстникѣ И. Русск. Географич. Общества за* 1856 *годъ, книжка VI*).

V.

Мухаммеданская Нумизматика въ отношеніи къ Русской исторіи. Сочиненіе Павла Савельева. — I. Топографія кладовъ съ восточными монетами и издѣліями VII, VIII, IX, X и XI вѣка, и проч. С. Петербургъ, 1846 (CCXXXII и 180 стр. въ 8 д. л.).

(Изъ «Финскаго Вѣстника» на 1847 годъ, № IV, Библіографическая Хроника, стр. 18—39. В. В. Григорьевъ выпустилъ было изъ этой статьи нѣкоторыя мѣста, лично его касающіяся; но мы сочли нужнымъ включить и ихъ, потому что безъ этого многое осталось бы непонятнымъ для читателя, не близко знакомаго съ ходомъ дѣла. *Ред.*).

Сколько извѣстно доселѣ, клады съ восточными монетами и издѣліями VII, VIII, IX, X и XI вѣка, или съ однѣми только помянутыми монетами, находимы были и продолжаютъ безпрестанно отыскиваться въ Россіи, Польшѣ, Пруссіи, сѣверной Германіи, Даніи, Швеціи, Норве-

гіи и отчасти даже въ Англіи и Исландіи. Въ остальныхъ странахъ Европы не сдѣлано, сколько знаемъ, ни одной такой находки. Самый южный пунктъ, до котораго простирается ихъ поле въ Германіи, есть Франкфуртъ на Одерѣ. Въ Россіи находимы онѣ были въ Финляндіи, губерніяхъ Остзейскихъ, Литовскихъ, Минской, Могилевской, Смоленской, Витебской, Псковской, Новгородской, С. Петербургской, Тверской, Московской, Тульской, Рязанской, Владимірской, Ярославской, Костромской, Казанской, Пермской, Тобольской, Саратовской и Таврической. Въ иныхъ пространствахъ такіе клады встрѣчаются чаще, въ другихъ рѣже. Самыя обильныя ими мѣста суть Балтійскіе острова Готландъ и Оландъ. Монеты и вещи, составляющія клады, попадаются и въ небольшомъ числѣ, и въ значительномъ количествѣ. Самые богатые клады найдены были доселѣ въ Россіи; приведемъ въ примѣръ два значительнѣйшіе случая:

«Въ полуверстѣ отъ города Великихъ Лукъ, гдѣ доселѣ еще видны развалины древняго городища и стоятъ двѣ крестьянскія избы, нашли пастухи, въ 1802 или 1803 году, копаясь въ пескѣ на берегу Ловати, сперва нѣсколько разбросанныхъ тамъ и сямъ почернѣвшихъ монетъ. Вскорѣ наткнулись они на небольшой котелъ, заключавшій въ себѣ такія же почернѣвшія монеты. Наконецъ, роясь далѣе, открыли большой котелъ, который, впрочемъ, упалъ въ рѣку съ крутаго берега, отъ чего высыпалась въ нее часть заключавшихся въ немъ монетъ; но и оставшаяся въ вытащенномъ изъ воды котлѣ часть клада оказалась весьма значительною: она вѣсила отъ шести до семи пудовъ и

продана была на ярмаркѣ въ Тоснѣ одному купцу». Это извѣстіе сообщено знаменитому академику нашему Френу покойнымъ нумизматомъ Пфлугомъ, который купилъ себѣ нѣсколько восточныхъ монетъ изъ этого клада.

«Въ 1808 или 1809 году, рыбакъ, крестьянинъ госпожи Бестужевой, увидѣлъ однажды, что дерево, къ которому онъ обыкновенно привязывалъ свою лодку, на берегу Ладожскаго озера, въ двѣнадцати верстахъ отъ устья Волхова, сломано бурею. Желая прикрѣпить челнъ къ оставшимся корнямъ дерева, онъ замѣтилъ, что земля подъ нимъ глубоко подмыта и унесена волнами, а тамъ изумленнымъ глазамъ его представилось и множество серебряныхъ монетъ. При ближайшемъ разсмотрѣніи, оказалось, что тутъ закопана была цѣлая бочка съ деньгами, и дерево посажено надъ нею, чтобы можно было признать мѣсто клада. Дважды долженъ былъ крестьянинъ нагружать свою лодку для перевозки найденнаго клада въ деревню. Здѣсь скоро провѣдали о находкѣ; земская полиція и владѣтельница деревни предъявили свои требованія, и были удовлетворены семью пудами; но крестьянинъ, должно быть, удержалъ у себя изъ найденныхъ денегъ еще значительное количество, потому что чрезъ нѣсколько лѣтъ выкупился на волю со всею семьею и переѣхалъ въ Тихвинъ, гдѣ пріобрѣлъ себѣ домъ и завелъ торговлю. Кладъ состоялъ, говорятъ, изъ куфическихъ монетъ, и, къ сожалѣнію, отправился въ плавильные горшки». Это свѣдѣніе доставлено тому же г. Френу извѣстнымъ нумизматомъ нашимъ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Рейхелемъ.

Въ обоихъ приведенныхъ случаяхъ кладъ весь состоялъ изъ однѣхъ монетъ; но часто вмѣстѣ съ монетами находятъ различныя вещи и украшенія, нерѣдко золотыя. Съ восточными монетами и издѣліями встрѣчаются въ такихъ кладахъ иногда и монеты другихъ странъ, преимущественно Англосаксонскія, Нѣмецкія и Византійскія, всегда современныя первымъ, то есть IX, X и XI вѣка. Восточныя монеты находятъ обыкновенно серебряныя; золотыя попадаются между ними какъ рѣдкія исключенія, а мѣдныхъ не встрѣчено было, кажется, доселѣ ни одной. Въ иныхъ кладахъ монеты эти представляются отлично хорошо сохранившимися, въ другихъ потертыми, обломанными, съ проверченными въ нихъ дырочками или придѣланными къ нимъ грубо ушками; часто въ половинкахъ, и даже очень мелкихъ кускахъ; нерѣдко масса кусковъ и половинокъ въ кладѣ далеко превосходитъ число цѣлыхъ монетъ. Наконецъ, относительно мѣстности кладовъ, о которыхъ говоримъ, попадаются они и въ лѣсахъ, и на пашняхъ, и на высотахъ, и въ оврагахъ, подъ деревьями и подъ камнями, преимущественно по близости такихъ пунктовъ и дорогъ, которые въ началѣ и въ половинѣ среднихъ вѣковъ извѣстны были какъ торговые или должны были быть такими.

Судя по числу кладовъ этого рода, найденныхъ и сдѣлавшихся извѣстными черезъ припечатаніе объ нихъ, въ прошломъ и нынѣшнемъ столѣтіяхъ, должно полагать, что они отрываемы были и прежде, издавна. Но до XVIII столѣтія цѣнности этихъ кладовъ для науки не понимали, цѣнили одинъ металлъ, и потому всѣ, какіе открываемы

были, шли, безъ сомнѣнія, въ плавильный котелъ, какъ это не только нерѣдко, но даже бо̀льшею частію дѣлается и въ наше время. Беречь эти находки, не умѣя еще опредѣлить какія монеты ихъ составляютъ, и не зная къ чему онѣ могутъ послужить, начали прежде всего въ Швеціи, гдѣ на сохраненіе отечественныхъ древностей вообще вниманіе правительства обратилось ранѣе, чѣмъ въ другихъ сосѣдственныхъ земляхъ. Потомъ, съ распространеніемъ повсюду въ Европѣ бо̀льшей образованности, преимущественно съ половины прошлаго вѣка, нашлись и въ Германіи люди, которые стали собирать эти отрываемыя монеты и вещи, вмѣстѣ съ чѣмъ начали дѣлаться извѣстными и самыя мѣстонахожденія ихъ. Первое перечисленіе кладовъ съ восточными монетами, открытыхъ въ Швеціи, сдѣлано было Шведскимъ ученымъ Ауривилліемъ и помѣщено имъ въ 1775 году, во второмъ томѣ Nova acta regiae societatis scientiarum Upsaliensis. Въ тоже время извѣстный оріенталистъ, О. Г. Тихсенъ обратилъ вниманіе современниковъ на находки этого рода въ Мекленбургѣ и вообще по Балтійскому побережью. Предметъ заинтересовалъ многихъ, и одни въ слѣдъ за другими явились обзоры кладовъ и трактаты объ нихъ Адлера, Адлербета, Гартмана, Болена, Лиліегрена. Общее перечисленіе всѣхъ находокъ восточныхъ монетъ и издѣлій въ Прибалтійскихъ странахъ, въ томъ числѣ и въ Россіи, о какихъ только могъ собрать свѣдѣнія, издалъ, въ 1840 году, въ Берлинѣ, Ледебуръ. Недостаточность въ этой книжкѣ свѣдѣній объ относящемся къ предмету въ нашемъ отечествѣ побудила нашего академика Френа, тридцать лѣтъ соби-

равшаго эти свѣдѣнія и печатавшаго ихъ отчасти въ разныхъ изданіяхъ, соединить въ одно цѣлое все, что̀ было имъ собрано. Плодомъ этой мысли явилась, въ 1841 году, въ Bulletin scientifique здѣшней Академіи наукъ статья его: Topographische Uebersicht der Ausgrabungen von altem arabischen Gelde in Russland, nebst chronologischer und geographischer Bestimmung des Inhalts der verschiedenen Funde. Подробныя извлеченія изъ этой статьи и изъ книжки Ледебура, сдѣланныя бывшимъ Одесскимъ профессоромъ г. Григорьевымъ, помѣщены были имъ, съ нѣкоторыми собственными дополненіями, въ первомъ томѣ «Записокъ Одесскаго Общества исторіи и древностей». Наконецъ, послѣднее обозрѣніе кладовъ съ восточными монетами и издѣліями, какъ въ Россіи, такъ и вездѣ, гдѣ находили ихъ, трудъ далеко превосходящій полнотою всѣ предшествовавшіе, издалъ вотъ теперь другой оріенталистъ нашъ г. Савельевъ.

Это обиліе восточныхъ монетъ, находимыхъ въ странахъ, окружающихъ бассейнъ Балтійскаго моря, было причиною, что здѣсь же, прежде чѣмъ гдѣ либо въ Европѣ, возникли, развились и доселѣ процвѣтаютъ преимущественно занятія восточною нумизматикою. Встрѣчая безпрестанно эти монеты, нельзя же было наконецъ, не захотѣть узнать, что̀ это такое, какія на нихъ письмена, что̀ заключается въ этихъ письменахъ. Въ XVI и XVII столѣтіяхъ, когда мѣстные ученые могли сказать лишь что это монеты не Греческія, не Римскія и не Еврейскія, ихъ называли, по произволу, Финикійскими, Ѳеіопскими, Сирійскими, Армянскими, однимъ словомъ всѣмъ, чего не

знали, и за исключеніемъ того только, чѣмъ были онѣ въ самомъ дѣлѣ. Первый основательный трудъ по части мусульманской нумизматики: Monarchiae Asiatico-Saracenicae status, Лейпцигскаго ученаго Кера, появившійся въ 1724 году, былъ вызванъ на свѣтъ именно одною находкою куфическихъ монетъ, сдѣланною за два года передъ тѣмъ близь Данцига. Въ послѣдствіи, О. Г. Тихсенъ, который трудомъ своимъ: Introductio in rem numariam Muhammedanorum, и многими другими, справедливо стяжалъ титулъ «отца мусульманской нумизматики», также былъ приведенъ къ занятіямъ его обиліемъ мусульманскихъ монетъ въ отечествѣ его, Мекленбургѣ. Не находили бы ихъ въ Швеціи и Даніи, не было бы тамъ навѣрно ни Галленберга, ни Торнберга, ни Линдберга, ни Ольсгаузена. И у насъ, если академикъ Френъ преимущественно прославился нумизматическими сочиненіями, такъ это отъ того, что обильный предметъ его изслѣдованіямъ давали наши клады съ восточными монетами. Первое на отечественномъ языкѣ оригинальное произведеніе по части восточной нумизматики: «Описаніе куфическихъ монетъ» профессора Григорьева, также получило существованіе лишь въ слѣдствіе находки горсти этихъ монетъ въ Рязанской губерніи.

Вотъ, какъ съ легкой руки Кера, Тихсена и Френа, пошло въ ходъ изученіе мусульманской нумизматики, какъ новыя находки восточныхъ монетъ стали описывать люди знающіе дѣло, и такіе же люди просмотрѣли нумизматическія собранія, въ которыхъ хранилось содержаніе прежнихъ кладовъ, — обнаружился фактъ весьма замѣчатель-

ный: что восточныя монеты, найденныя въ Россіи и Прибалтійскихъ краяхъ, принадлежатъ всѣ однѣмъ и тѣмъ же династіямъ, властвовавшимъ въ однѣхъ и тѣхъ же странахъ, въ одинъ и тотъ же періодъ времени, именно: послѣднимъ Хозроямъ Сассанидскимъ, Парсскимъ князьямъ Табаристана, халифамъ изъ рода Умейи и Аббаса, эмирамъ Тагеридскимъ, Соффаридскимъ, Саманидскимъ, Зіяридскимъ, Бувейгидскимъ и отчасти Гамданидамъ, Окайлидамъ, Мерванидамъ, Илекамъ Туркестана и другимъ вообще мусульманскимъ династіямъ, господствовавшимъ въ нынѣшнихъ Хивѣ, Бухарѣ, Афганистанѣ, Персіи, Сиріи и Арменіи отъ Евфрата до Сыръ-дарьи. Кромѣ того, въ небольшомъ числѣ попадаются монеты Волжскихъ Булгаръ, Африканскія, битыя намѣстниками восточныхъ Умейядовъ и Аббасидовъ, Аглебидами и Идрисидами, и Испанскія, принадлежащія намѣстникамъ Умейядовъ восточныхъ и Умейядамъ западнымъ. Въ огромномъ предъ другими большинствѣ являются въ находкахъ монеты Саманидовъ и Аббасидовъ. Періодъ времени, къ которому относятся всѣ найденныя монеты: отъ конца седьмаго до первой четверти одиннадцатаго вѣка включительно. Монета 1012 года, найденная на Оландѣ, какъ считалъ ее Адлербетъ, такъ и доселѣ остается самою младшею изо всѣхъ добытыхъ въ кладахъ. Оказалось также, при разсмотрѣніи ихъ оріенталистами нумизматами, что куски и половинки монетъ въ большей части находокъ принадлежатъ разнымъ экземплярамъ, которыхъ остальныя, соотвѣтствующія части тутъ не находятся; изъ чего видно, что это раздробленіе монетъ произошло умышленно, до ихъ за-

рытія, а не послѣ, отъ неосторожности при выкапываніи, какъ думали съ начала, или отъ другихъ подобныхъ причинъ.

Спрашивается: когда, какимъ образомъ и кѣмъ занесены были эти огромныя массы серебряной восточной монеты съ береговъ Каспія, Аму и Евфрата на равнины Россіи, на побережье и острова Балтійскіе? Вопросъ этотъ, естественно долженствовавшій возникнуть, лишь только обращено было вниманіе на клады, разрѣшаемъ былъ различнымъ образомъ, смотря по степени учености его изслѣдователей и свѣдѣніямъ ихъ о содержаніи и мѣстности кладовъ,—бо̀льшею частію весьма неудовлетворительно, иногда даже крайне нелѣпо: такъ внесеніе этихъ монетъ въ Европу герцогъ Померанскій Филиппъ II (въ концѣ XVI столѣтія) приписывалъ походамъ Готѳовъ, Ругіянъ и Вандаловъ! Менѣе враждующія съ хронологіею, но столь же одностороннія, годныя отчасти, для объясненія фактовъ относящихся къ кладамъ, въ ихъ время, но неимѣющія никакой цѣны при теперешнемъ состояніи нашихъ свѣдѣній о предметѣ, представили разрѣшенія этого вопроса Шефферъ, Цельсъ, Шольцъ, Керъ и Бартелеми, ученые семнадцатаго и первой половины прошлаго вѣка. Дѣльнѣе другихъ было мнѣніе знаменитаго Датскаго ученаго О. Вормія, который полагалъ, что монеты занесены въ Скандинавскія земли Норманнами изъ ихъ дальнихъ морскихъ походовъ. Это мнѣніе принялъ и извѣстный Датскій историкъ Сумъ. Современникъ послѣдняго, О. Тихсенъ первый напалъ на мысль, что на юго-западное побережье Балтійскаго моря монеты зашли съ во-

стока черезъ Россію, путемъ торговли. Гипотеза эта въ свое время совершенно разрѣшала вопросъ, и потому пошла въ ходъ. Съ разными дополненіями встрѣчаемъ ее у Адлербета, Расмуссена, Болена, Лелевеля и другихъ. Удовлетворительнѣе всѣхъ обработалъ ее, развилъ и модифировалъ г. академикъ Френъ, пришедшій, относительно происхожденія монетъ, къ слѣдующимъ главнымъ заключеніямъ:

1) Азіятскія монеты VIII, IX и X, равно какъ исхода VII и начала XI столѣтія, принесены въ Россію путемъ современной торговли ея обитателей съ мусульманскими народами Прикаспійскихъ странъ, преимущественно Мавераннагра (нынѣшнихъ ханствъ Хивинскаго и Бухарскаго), а на юго-западное побережье Балтики зашли уже изъ Россіи. 2) Часть этихъ Азіятскихъ монетъ добыта Руссами въ грабительскихъ набѣгахъ, которые совершали они въ X вѣкѣ на берега Каспійскаго моря. 3) Монеты Африкано-Арабскія и Испано-Арабскія занесены въ IX вѣкѣ Норманнами, которые неоднократно грабили Испанію и Африку, а потомъ утвердились и въ Россіи.

Въ такомъ положеніи находился вопросъ о происхожденіи кладовъ съ восточными монетами и издѣліями, прошедши черезъ головы десятковъ двухъ весьма уважаемыхъ иноземныхъ ученыхъ, когда взялся за него, въ 1842 году, нашъ орьенталистъ г. Григорьевъ. Находя весьма основательными объясненія своихъ предшественниковъ, онъ тѣмъ не менѣе выставляетъ на видъ, что объясненія эти суть ничто иное, какъ предположенія, и спрашиваетъ: «Вмѣсто того, чтобы объяснять несомнѣн-

ный фактъ, каковы клады съ монетами, о которыхъ идетъ рѣчь, предположеніями, степень вѣроятности въ которыхъ зависитъ отъ степени достовѣрности письменныхъ источниковъ, откуда заимствуются доказательства въ ихъ подкрѣпленіе — тогда какъ достовѣрность многихъ изъ этихъ источниковъ не для всѣхъ непреложна — не было ли бы гораздо основательнѣе объяснить этотъ фактъ изъ самыхъ его памятниковъ, если только это возможно?» Орьенталистъ нашъ нашелъ, что возможно,—и доказалъ, что клады сами въ себѣ заключаютъ разрѣшеніе всѣхъ могущихъ быть предложенными о нихъ вопросовъ, и не только не нуждаются для этого въ помощи современныхъ и позднѣйшихъ письменныхъ источниковъ, каковы замѣтки путешественниковъ, лѣтописи, саги и прочее, но еще этимъ же самымъ источникамъ могутъ служить опорою, объясненіемъ и дополненіемъ. Процессомъ, никѣмъ до него неупотребленнымъ въ дѣлѣ историческихъ изслѣдованій,— процессомъ соображенія монетныхъ легендъ съ мѣстонахожденіями кладовъ, и потомъ логическаго построенія, на отысканныхъ такимъ образомъ началахъ, выводовъ новыхъ, на основаніи общихъ законовъ развитія народовъ, добылъ онъ слѣдущіе результаты:

1) Азіятскія монеты прибывали въ Россію и Прибалтику постоянно въ теченіе болѣе чѣмъ двухъ вѣковъ, съ конца VII по начало XI столѣтія, а Африканскія и Испанскія зашли въ эти страны, если не исключительно, то преимущественно, въ первой половинѣ IX вѣка. 2) Саманидскія монеты, составляющія большинство въ кладахъ, и если не всѣ, то отчасти и другія Азіятскія, въ особенно-

сти же изъ сосѣднихъ Саманидскихъ Прикаспійскихъ и Персидскихъ владѣній—шли въ Россію и отсюда въ Прибалтику черезъ земли Волжскихъ Булгаръ. О пути же въ Россію Африканскихъ и Испанскихъ монетъ можно сказать только, что былъ онъ не тотъ, которымъ шли Саманидскія, и не лежалъ черезъ Византію, а всего вѣроятнѣе шелъ онъ черезъ западъ. 3) Если не вся, то большая часть находимой въ Россіи и Прибалтикѣ восточной монеты обязана существованіемъ своимъ торговлѣ, которую жители Россіи постоянно производили съ конца VIII до начала XI вѣка включительно, съ одной стороны съ Прикаспійскими мусульманскими и огнепоклонническими владѣніями, а съ другой—съ побережными народами Балтійскаго моря. 4) Торговля эта была выгодна какъ для этихъ послѣднихъ, такъ и для жителей Россіи. 5) Шла она черезъ нынѣшнія губерніи: Казанскую, Владимірскую, Рязанскую, Тульскую, Смоленскую, Минскую, Могилевскую, Витебскую, Курляндію и Лифляндію; сѣвернѣе: черезъ Ярославскую, Новгородскую, С. Петербургскую и южную часть великаго княжества Финляндскаго, или черезъ Тверскую, Псковскую и Эстляндію, то есть, сколько можно покуда видѣть, водяными, единственно возможными тогда путями: по Волгѣ, Окѣ, Днѣпру, Западной Двинѣ, съ одной стороны; по Волгѣ, Шекснѣ, Вытегрѣ, Свири, Невѣ, черезъ озера Бѣлое, Онежское и Ладожское — съ другой, и между этими двумя путями, еще третьимъ, серединимъ: по Волгѣ, Тверцѣ, Мстѣ, Ильменю, Волхову и Ладожскому озеру, гдѣ этотъ средній путь соединялся съ сѣвернымъ. 6) Выгодами этой торговли пользо-

вались, слѣдовательно, жители всѣхъ теперешнихъ Остзейскихъ, Бѣлорусскихъ и многихъ Великороссійскихъ губерній. Всѣ онѣ потому въ VIII, IX, X и XI вѣкахъ, населены были болѣе или менѣе людьми промышленными, стоявшими на такой степени гражданственности, какой, по естественному ходу вещей, надлежитъ ожидать отъ вліянія торговли, выгодной и продолжавшейся постоянно болѣе двухъ сотъ лѣтъ,—людьми, которые, по крайней мѣрѣ, не были дикарями, видали кое что на своемъ вѣку, имѣли нѣкоторыя географическія и этнографическія свѣдѣнія. 7) На пространствѣ помянутыхъ губерній были въ то время города̀, не въ смыслѣ огороженныхъ, укрѣпленныхъ мѣстъ, а въ значеніи торговыхъ поселеній, которыя пользовались извѣстною безопасностію и въ которыхъ развиты были нѣкоторыя начала гражданскаго благоустройства. 8) Къ востоку отъ Россіи обиталъ на Волгѣ народъ Булгаре, который также имѣлъ города̀, управлялся независимыми владѣльцами, исповѣдывалъ исламъ, билъ свою монету, находился въ постоянныхъ торговыхъ сношеніяхъ съ Саманидскими владѣніями, въ связяхъ съ главами мусульманскаго востока халифами Багдадскими, и служилъ обитателямъ Россіи посредникомъ въ торговлѣ съ Закаспійскими Азіятцами. 9) Въ первой половинѣ XI вѣка произошли какіе нибудь сильные перевороты, въ слѣдствіе которыхъ торговля эта вдругъ прекратилась или измѣнилась въ основаніяхъ.

Въ этихъ результатахъ, добытыхъ изъ кладовъ г. Григорьевымъ, было много новаго для Русской исторіи, много такого, чего не находимъ въ извѣстныхъ доселѣ

письменныхъ ея источникахъ; но какъ ни новы, какъ ни значительны эти результаты, намъ въ изслѣдованіи его замѣчательнѣе всего кажется методъ, которымъ онъ добылъ ихъ: выводы, имъ сдѣланные, могутъ со временемъ распространиться, измѣниться, дополниться, но заслуга введенія въ исторію употребленнаго имъ въ первые метода должна навсегда остаться за нимъ. Совѣтуемъ обратить вниманіе на это нововведеніе всѣмъ, занимающимся историческими изслѣдованіями.

Въ одно время съ г. Григорьевымъ, обратилъ вниманіе на клады съ восточными монетами и П. С. Савельевъ. Занятія его по этому предмету начались тѣмъ, что въ 1842 году перевелъ онъ и напечаталъ въ «Сынѣ Отечества» Френово Topographische Uebersicht и пр., обогативъ это обозрѣніе нѣкоторыми своими примѣчаніями. За тѣмъ, въ томъ же журналѣ явился его переводъ Ледебуровой книжки: Ueber die in den baltischen Ländern in der Erde gefundenen Zeugnisse eines Handels-Verkehrs mit dem Orient, также съ замѣтками переводчика. Ознакомивъ такимъ образомъ нашу публику съ двумя новѣйшими и полнѣйшми перечисленіями кладовъ въ Россіи и Прибалтійскихъ странахъ, г. Савельевъ сталъ самъ уже слѣдить за новыми этого рода открытіями, плодомъ чего была статья его: Notiz über funfzehn neue Ausgrabungen kufischer Münzen in Russland, напечатанная въ 1844 году въ Bulletin scientifique здѣшней Императорской Академіи наукъ. Занятія кладами естественно привели г. Савельева къ занятіямъ древнѣйшею исторіею торговли въ Россіи, и вотъ въ началѣ прошлаго года явилось въ Журналѣ М. н. п. изслѣ-

дованіе его: «О торговлѣ Волжскихъ Булгаръ въ IX и X вѣкѣ». Наконецъ въ нынѣшнемъ году имѣемъ мы въ рукахъ и полный результатъ четырехлѣтнихъ трудовъ нашего орьенталиста надъ топографіею кладовъ и связанною съ ними исторіею торговли — первый томъ разбираемой нами «Мухаммеданской Нумизматики въ отношеніи къ Руской Исторіи».

Книга эта дѣлится на двѣ существенно различныя части, съ особою нумераціею каждой. Первая заключаетъ въ себѣ объясненіе данныхъ, представляемыхъ во второй.

Начнемъ со второй, съ данныхъ. Здѣсь помѣщены г. Савельевымъ: а) переводъ Френова Topographische Uebersicht кладовъ Россіи, съ примѣчаніями переводчика, въ томъ самомъ видѣ, какъ переводъ этотъ напечатанъ былъ въ «Сынѣ Отечества» (стр. 1 — 152); в) переводъ Ледебурова перечисленія находокъ восточныхъ монетъ и издѣлій въ странахъ Прибалтійскихъ: Ueber die in den baltischen Ländern и проч., съ примѣчаніями переводчика, также почти безъ всякихъ измѣненій противу того въ какомъ видѣ явился онъ въ «Сынѣ Отечества» (стр. 52 — 104); с) дополненія къ Френову и Ледебурову обозрѣніямъ кладовъ, заключающія извѣстіе о находкахъ, помѣщенныя г. Савельевымъ въ Bulletin scientifique на Нѣмецкомъ, и кромѣ того многія другія, тамъ непомѣщенныя (стр. 105—126); d) новыя дополненія къ топографіи кладовъ, плодъ чтеній и копотливости автора, пока печаталась первая часть его книги (стр. 149 — 170); е) приложенія: 1) о Пеглевійскихъ надписяхъ на монетахъ Табаристанта (стр. 129 — 143); 2) описаніе неизданной Саманидской

монеты Насра II (стр. 144 — 147); и 3) объясненіе приложенной къ книгѣ географической карты съ показаніемъ мѣстности извѣстныхъ находокъ. Сверхъ того, приложены еще два алфавитные указателя мѣстонахожденій восточныхъ монетъ и древностей, какъ въ Россіи, такъ въ Прибалтійскихъ и другихъ сѣверныхъ государствахъ.

Мы не изъ тѣхъ людей, которыхъ можно удивить начитанностью энциклопедическою или спеціальною: мы знаемъ, какъ пріобрѣтается эта начитанность. Не внушаетъ намъ уваженія къ книгѣ и тьма примѣчаній, ссылокъ и заглавій на всевозможныхъ языкахъ: намъ извѣстенъ процессъ присвоенія ихъ изъ чужихъ трудовъ; Нѣмцы славно научили насъ этой премудрости. Но начитанность начитанности рознь, и не то ссылки выкраденныя, что добытыя или повѣренныя собственнымъ трудомъ. Книга г. Савельева необыкновенно богата ссылками на книги рѣдкія у насъ, на книги, писанныя на языкахъ мало извѣстныхъ въ нашемъ отечествѣ, Датскомъ, Шведскомъ, Польскомъ и проч. Откуда такая бездна учености? неужели и г. Савельевъ, какъ профессоръ Сенковскій, соединяетъ съ свѣдѣніями орьенталиста и знаніе сѣверныхъ Европейскихъ языковъ? Неизвѣстна намъ степень его познаній въ этихъ послѣднихъ, но за то смѣло можемъ поручиться, что едва ли есть въ его сочиненіи хоть одна ссылка на книги Датскія, Шведскія, Польскія и проч., которая бы не была плодомъ его собственныхъ чтеній или которую бы не повѣрилъ онъ, если нашелъ ее въ чужомъ трудѣ. Занимаясь многими предметами ученымъ образомъ, по источникамъ, г. Савельевъ, какъ и всякій занимающійся

такимъ образомъ, не могъ не узнать, по собственному опыту, какъ опасно довѣрять цитатамъ въ ученыхъ компиляціяхъ, даже такихъ, авторы которыхъ пользуются громкою извѣстностію; какъ часто цитаты являются искаженными, даже совершенно ложными. Самъ онъ трудился между тѣмъ добросовѣстно, потому повѣрялъ съ подлинниками всѣ, какія находилъ на нихъ указанія. Добросовѣстность — одно изъ замѣчательнѣйшихъ достоинствъ труда г. Савельева, тѣмъ болѣе, что въ наше время, когда всѣ кричатъ объ искреннихъ убѣжденіяхъ, мало кто обнаруживаетъ ее на дѣлѣ. Если г. Савельевъ говоритъ вамъ: тамъ то написано то̀ то на такой то страницѣ — можете смѣло вѣрить, что въ указанной книгѣ и на указанной страницѣ находится именно то, что онъ приводитъ, а не другое, и не иначе. Это одно. Другое достоинство труда нашего орьенталиста заключается въ полнотѣ сообщаемыхъ о предметѣ свѣдѣній. Безусловной полноты, извѣстно, ни въ какомъ подобномъ трудѣ быть не можетъ. Нѣтъ сомнѣнія, что въ перечисленіи кладовъ, составляющемъ предметъ второй части его книги, пропущено множество, о которыхъ имѣются какія либо печатныя извѣстія; но кто же въ состояніи перечесть все печатное въ мірѣ! Довольно за глаза и того, что книга г. Савельева представляетъ намъ перечисленіе кладовъ доселѣ полнѣйшее, какое только есть на какомъ либо языкѣ. Извѣстія Френа и Ледебура, оканчивающіяся 1841 годомъ, г. Савельевъ дополнилъ, въ отношеніи къ Россіи и другимъ сѣвернымъ странамъ Европы, всѣми новыми, какія только явились въ печати по настоящій 1847 годъ, и даже таки-

ми, которыя нигдѣ не были печатаны, а сдѣлались ему извѣстны изъ его частной корреспонденціи и личнаго знакомства съ людьми, интересующимися предметомъ. Такъ, не ранѣе какъ въ декабрѣ мѣсяцѣ прошлаго года, узнали Петербургскіе археологи, изъ частнаго письма изъ Москвы, о находкѣ въ Пермской губерніи, на рѣкѣ Камѣ, въ имѣніи графа С. Г. Строгонова, Сассанидскихъ монетъ и серебряной чаши съ изображенными на ней неизвѣстными восточными письменами, и г. Савельевъ успѣлъ уже дать мѣсто въ своей книгѣ этому извѣстію (стр. 159). Мало того, онъ дополнилъ извѣстія Френа и Ледебура и за время, предшествовавшее выходу въ свѣтъ ихъ трактатовъ, то есть по 1842 годъ, и дополнилъ свѣдѣніями замѣчательными. Положимъ, что осилить начитанностію и основательностію какого нибудь Ледебура—не диво, хотя у насъ еще рѣдкость, чтобы Русскій ученый, взявшись за обработку одного и того же предмета съ ученымъ иноземнымъ, преимущественно Германскимъ, и особенно, когда дѣло идетъ не о Россіи, и не о востокѣ, а о западѣ, загонялъ его ученостію и превзошелъ копотливостію. Но взяться за дѣло послѣ того, какъ этимъ дѣломъ занимался Френъ, и занимался тридцать лѣтъ, и, взявшись, умѣть найти что̀ либо такое, что ускользнуло отъ прозорливости академика,—это, воля ваша, нѣчто достойное удивленія, а г. Савельевъ совершилъ это нѣчто; — преклоняемся предъ его терпѣніемъ и усидчивостію. Въ дополненіяхъ къ находкамъ въ сѣверныхъ государствахъ, встрѣчаемъ у г. Савельева другую диковину: Русскаго, который, говоря объ Англіи, поправляетъ промахъ Англичанина въ отношеніи къ его

отечеству (стр. 168), или учитъ Нѣмца Датскому языку (стр. 124), и тому подобное. Вообще много небывалаго у насъ доселѣ находимъ въ книгѣ молодаго орьенталиста, начиная съ двойнаго заглавія на Нѣмецкій ладъ до обертки вовсе не въ Варяго-Русскомъ вкусѣ, и совершенно придающей книгѣ видъ произведенія «лукаваго и коварнаго» запада.

Въ приложеніи: «О Пеглевійскихъ надписяхъ на монетахъ Табаристана», авторъ знакомитъ публику съ открытіями въ восточной нумизматикѣ Кильскаго профессора Ольсгаузена, разбираетъ ихъ, оцѣниваетъ и дополняетъ собственными соображеніями. Дѣло въ томъ, что между восточными монетами, составляющими клады, попадаются въ довольно значительномъ числѣ монеты Парсійскаго чекана съ Пеглевійскими, а иногда, вмѣстѣ съ тѣмъ, и Арабскими надписями. Эти монеты, пока не разсмотрѣли на нѣкоторыхъ изъ нихъ куфическихъ надписей, принимались за настоящія Сассанидскія; Френъ былъ нѣкоторое время того мнѣнія, что это—древнѣйшія мусульманскія «съ Хозроевскимъ штемпелемъ», о которыхъ говоритъ Арабскій писатель Макризи, но послѣ согласился съ предположеніемъ знаменитаго учителя своего О. Г. Тихсена, что онѣ биты Парсскими князьями Табаристана, извѣстными подъ именемъ Испегбедовъ, а Арабскія собственныя имена на нихъ принадлежатъ намѣстникамъ халифовъ въ этой странѣ. Съ тѣхъ поръ монеты эти и стали извѣстны у нумизматовъ подъ именемъ «Испегбедскихъ». Вся неясность дѣла происходила отъ того, что Пеглевійскія надписи на этихъ монетахъ не были никѣмъ разобраны, хотя болѣе

древнія и трудныя надписи Сассанидскихъ монетъ давно уже читаются съ достаточною увѣренностію; а это обстоятельство, въ свою очередь, происходило отъ того, что изъ немногихъ орьенталистовъ, занимавшихся языками древней Персіи, никто не былъ нумизматомъ и не видалъ этихъ надписей. Наконецъ, года четыре тому, профессоръ Кильскаго университета докторъ Ольсгаузенъ прочелъ ихъ, въ слѣдствіе чего распредѣлилъ всѣ монеты съ этими надписями на четыре отдѣленія: 1) монеты Табаристана (Испегбедіи), 2) монеты халифскихъ намѣстниковъ въ Персіи, 3) монеты Индо-Персидскія восточнаго Ирана, и 4) монеты послѣднихъ Сассанидовъ. Г. Савельевъ справедливо замѣчаетъ, что къ этимъ четыремъ отдѣламъ должно прибавить еще пятый: Грузино-Пеглевійскія. За тѣмъ изо всѣхъ этихъ отдѣловъ разсматриваетъ онъ только первый, то есть, монеты Табаристана, на томъ основаніи, что лишь этого отдѣла монеты попадаются въ кладахъ, отрываемыхъ въ Россіи и на берегахъ Балтійскаго моря. Это утвержденіе кажется намъ не совсѣмъ основательнымъ: во первыхъ, доселѣ еще никто не разсматривалъ монетъ Парсійскаго чекана, добытыхъ въ кладахъ и разбросанныхъ по развымъ нумизматическимъ собраніямъ въ Россіи: кто же можетъ поручиться, чтобъ между ними не нашлось и монетъ трехъ или четырехъ другихъ отдѣловъ? во вторыхъ, намъ положительно извѣстно, что въ нумизматическомъ собраніи профессора Погодина, въ Москвѣ, есть съ десятокъ монетъ послѣднихъ Сассанидовъ, которыя открыты въ Россіи; можно было бы сослаться, для вящшаго подтвержденія сказаннаго, и на помѣщенное у самаго г. Савельева извѣ-

стіе, о находкѣ 10 монетъ Сассанидскихъ въ Пермской губерніи (стр. 159), но мы не ссылаемся. Почему не ссылаемся — это должно быть извѣстно г. Савельеву столько же, какъ и намъ, безъ дальнѣйшихъ объясненій. Какъ бы тамъ ни было, въ разсмотрѣніи Табаристанскихъ монетъ авторъ намъ разъясняетъ многія хронологическія трудности, оставленныя неразрѣшенными у Ольсгаузена, обнаруживая при этомъ и умѣнье читать Пеглевійскую или Зендскую грамату. Тутъ ужь заслуги не по части Русской исторіи, а передъ исторіею и нумизматикою востока.

Приложеніе второе: «Описаніе неизданной Саманидской монеты Насра II», не представляетъ никакого пріобрѣтенія для науки; да г. Савельевъ и не думалъ обогащать имъ науку, а помѣстилъ это описаніе, равно какъ и изображеніе описанной монеты (на заглавномъ мѣстѣ) съ тою цѣлію, чтобы дать читателямъ, незнакомымъ съ мухаммеданскою нумизматикою, наглядное понятіе о величинѣ, формѣ, легендахъ и письменахъ куфическихъ монетъ, о которыхъ идетъ рѣчь въ его книгѣ, — и сдѣлалъ очень хорошо: это вовсе не лишнее, при значительномъ у насъ числѣ людей, собирающихъ монеты и имѣющихъ возможность быть полезными черезъ то нумизматикѣ и исторіи, но незнакомыхъ съ нумизматикою востока, и при совершенномъ почти отсутствіи сочиненій объ этомъ предметѣ на нашемъ языкѣ. Тѣхъ же читателей имѣлъ въ виду г. Савельевъ и въ примѣчаніяхъ своихъ къ трактатамъ Френа и Ледебура: у насъ, какъ и вообще въ Европѣ, такъ еще мало знакомы съ востокомъ, что нельзя слова написать о немъ безъ того, чтобы тотчасъ же не объяснить въ низу страницы что оно

такое; иначе не поймутъ, слѣдовательно и писать не къ чему. Въ концѣ этого приложенія г. Савельевъ указываетъ, для желающихъ познакомиться съ основаніями мухаммеданской нумизматики, замѣчательнѣйшіе по этой части труды: О. Г. Тихсена, Галленберга, Френа и Марсдена. Это указаніе годится только для молодыхъ Русскихъ орьенталистовъ, незнакомыхъ съ нумизматикою востока: кто не знаетъ по Арабски, тотъ ни изъ этихъ, ни изъ какихъ другихъ книгъ не научится разбирать куфическія монеты. Познаніе языка монетныхъ легендъ есть conditio sine qua невозможенъ ни какой основательный успѣхъ въ этомъ дѣлѣ. А если г. Савельевъ имѣлъ въ виду молодыхъ Русскихъ орьенталистовъ, то зачѣмъ было ему скупиться такъ на указанія: онъ могъ бы выставить при этомъ и заглавія другихъ, пользующихся заслуженною извѣстностію описаній мусульманскихъ монетъ, напр. Monete Cufiche dell' I. R. Museo di Milano графа Кастильони, Мёллеровъ каталогъ восточныхъ монетъ въ Готѣ, и проч.

Карта съ указаніями мѣстности кладовъ, приложенная къ «Мухаммеданской Нумизматикѣ», также пособіе весьма полезное; жаль только, что она окончена была прежде, чѣмъ г. Савельевъ собралъ послѣднія свои дополненія къ топографіи кладовъ, которыя потому и не нашли на ней мѣста.

Указатели мѣстонахожденій кладовъ, необходимые въ такомъ трудѣ, какъ г. Савельева, составлены у него со всею потребною аккуратностію.

Переходимъ къ первой части разбираемой книги, къ историческому значенію данныхъ, собранныхъ во второй.

Здѣсь авторъ имѣлъ въ виду объяснить существованіе этихъ данныхъ, то есть, кладовъ съ восточными монетами и издѣліями VII — XI столѣтія, найденныхъ и находимыхъ въ Россіи и Прибалтійскихъ странахъ; объяснить: когда, въ слѣдствіе чего, и какимъ путемъ зашли онѣ сюда; а такъ какъ зашли онѣ преимущественно путемъ торговли, то это, весьма естественно, и заставило г. Савельева написать цѣлый трактатъ о древней торговлѣ востока съ Россіею и Россіи съ Прибалтійскими странами, такъ что торговля эта, факты объ ней извѣстные, и разъясненіе этихъ фактовъ и составляютъ собственно предметъ первой части его книги. При этомъ, для ясности дѣла, счелъ онъ нужнымъ представить, въ видѣ введенія, нѣкоторыя свѣдѣнія о самомъ содержаніи кладовъ — мусульманскихъ монетахъ.

Въ первой главѣ (стр. IX — XXIII) авторъ говоритъ о важности нумизматики для исторіи вообще, и мухаммеданской въ особенности; какъ началось монетное дѣло въ Халифатѣ; о надписяхъ, штемпелѣ и вѣсѣ мусульманскихъ монетъ. Все это изложено въ самыхъ короткихъ словахъ, но совершенно удовлетворительно для той цѣли, для которой назначено это введеніе, и вполнѣ ясно для величайшихъ профановъ. Новаго для науки нѣтъ тутъ ничего, но все ново для Русскихъ читателей, которые не имѣли доселѣ на отечественномъ языкѣ ни строки о предметѣ, въ таинства котораго посвящаетъ ихъ теперь г. Савельевъ. Мы не пишемъ ученаго и подробнаго разбора его книги: такіе разборы, помѣщаемые въ Journal des Savants, требуютъ нерѣдко столькихъ же печатныхъ листовъ, сколько содержится ихъ въ самой разбираемой книгѣ; мы знако-

мимъ только публику съ книгою г. Савельева, потому и не можемъ останавливаться на разныхъ мелочахъ, о которыхъ поспорили бы съ нимъ, при другихъ условіяхъ. Не можемъ однако же и пропустить безъ замѣчанія слѣдующаго утвержденія въ этой главѣ его книги, на стр. XX, гдѣ идетъ дѣло о введеніи халифомъ Абдуль-Малекомъ чисто мусульманскаго штемпеля на монетахъ. Г. Савельевъ говоритъ: «На двухъ сторонахъ монеты, въ полѣ, вычеканены были мусульманскіе символы: *Ла илагъ илля Аллахъ* (нѣтъ божества, кромѣ Бога единаго) и *Аллахъ ахадъ* (Богъ единъ)». Между тѣмъ на древнѣйшихъ и всѣхъ дошедшихъ до насъ диргемахъ (серебряныхъ монетахъ) этого халифа, равно какъ и на монетахъ его преемниковъ, вмѣсто помянутыхъ краткихъ символовъ, находимъ на поляхъ слѣдующіе полные: *Ла илагъ илля Алахъ, вахдугу, ла шарика лагу* (нѣтъ Божества кромѣ Аллаха единаго, которому нѣтъ товарища) и *Аллагу ахадунъ, Аллагус-самаду, ламъ ялидъ уа ламъ ювладъ, уа ламъ якунъ лагу куфувванъ ахадунъ* (Аллахъ единъ, Аллахъ вѣченъ, не рождаетъ и не рождается, и нѣтъ Ему никого равнаго). См. Тихсена: Introductio in rem numariam Muhammedanorum, стр. 56—57, Френа: Recensio num. muh. etc., стр. 6—7; Марсдена Oriental coins etc., vol. 1, p. I. Г. Савельевъ долженъ былъ бы привести эти символы вполнѣ, какъ вполнѣ привелъ тѣ, которые изображены въ кругахъ, параллельно краямъ монеты, потому что «эти надписи», говоритъ онъ, «и эта форма первой мусульманской монеты послужила типомъ для всѣхъ другихъ»; а на этихъ «другихъ» встрѣчаются помянутые символы въ полномъ видѣ. Привести эти символы сокращенно заставило,

вѣроятно, г. Савельева то, что въ такомъ же сокращенномъ видѣ приведены они и у Арабскаго писателя XV вѣка Макризи, у котораго заимствовалъ нашъ орьенталистъ сообщаемыя имъ извѣстія о началѣ монетнаго дѣла въ Халифатѣ; но Европейскому ученому не слѣдуетъ подражать Азіятцу въ небрежности. Если же г. Савельевъ думалъ, что на первыхъ, недошедшихъ до насъ, монетахъ Абдуль-Малека, битыхъ въ 76, 77 и 78 годахъ гиджры, помянутые символы дѣйствительно изображены были въ томъ сокращенномъ видѣ, въ какомъ приводитъ ихъ Макризи, и распространены только начиная съ 79 года, онъ долженъ былъ бы упомянуть о такомъ своемъ новомъ въ наукѣ мнѣніи, доказать его, и потомъ все таки цитировать помянутые символы вполнѣ, какъ образчики надписей, находящихся на всѣхъ Умейядскихъ диргемахъ. Но мы не полагаемъ, чтобы г. Савельевъ держался такого мнѣнія, основавъ его единственно на томъ, что̀ со стороны Макризи было, какъ мы думаемъ, только небрежностію. Предположить же, что короткіе символы приведены у Макризи не по небрежности, а сознательно, тѣмъ хуже для Макризи: значитъ онъ ошибался сознательно, говорилъ о диргемахъ Абдуль-Малека, не видавъ ихъ въ глаза́. Столь рѣшительно осмѣливаемся мы обвинять знаменитаго ученостію Макризи въ недобросовѣстности (если это недобросовѣстность, повторяемъ, а не невнимательность), потому что такое его утвержденіе противорѣчило бы дѣйствительности и опровергается памятниками, которые имѣемъ передъ глазами; въ наукѣ же должно дѣйствовать по пословицѣ: «не вѣрь отцу родному, а своему глазу кривому». Макризи точно

также могъ не видать въ глаза монетъ Абдуль-Малека и сказать объ нихъ вздоръ, какъ сказалъ вздоръ не менѣе его знаменитый Ибнъ-Хальдунъ въ томъ случаѣ, когда утверждалъ, что на монетахъ Умейядовъ, вмѣстѣ съ годомъ битья, писалось и имя халифа (Sacy, Chrestomathie Arabe, 2-me edition, vol. II, p. 283). Саси, на основаніи этого утвержденія, ни мало не задумался выразиться объ Ибнъ-Хальдунѣ, что онъ sans doute, n'avait jamais vu de monnaie des khalifes Ommiades (ibid., p. 295), а вѣдь Ибнъ-Хальдунъ старше Макризи цѣлымъ полувѣкомъ!—На стр. XIX, гдѣ у г. Савельева сказано, что Абдуль-Малекъ установилъ вѣсъ диргема въ $50^{2}/_{5}$ Арабскаго грана, надо читать: въ 55 Арабскихъ грановъ.

Во второй главѣ (стр. XXIII — XXXV) изложены о мухаммеданскихъ монетахъ, находимыхъ въ Россіи и Прибалтійскихъ странахъ, тѣ свѣдѣнія, которыя мы передали о нихъ читателямъ въ началѣ нашей статьи, но, разумѣется, гораздо подробнѣе, чѣмъ сдѣлано это нами; впрочемъ, многія нужныя и интересныя подробности пропущены, потому, быть можетъ, что г. Савельевъ не хотѣлъ повторять того, что весьма отчетливо изложено уже въ изслѣдованіи о кладахъ г. Григорьева.

Третья глава (стр. XXXV — XLV) посвящена изложенію различныхъ мнѣній и изслѣдованій о томъ, какъ зашли мухаммеданскія монеты на сѣверо-востокъ Европы. Тутъ встрѣчаемъ много такихъ свѣдѣній, которыхъ не находимъ въ изслѣдованіи г. Григорьева; но за то у послѣдняго болѣе развито опроверженіе этихъ мнѣній.

Въ четвертой главѣ (стр. XLV — LVII) излагается исторически начало торговли Прикаспійскихъ областей съ Россіею. Вотъ подробности ея содержанія: торговая дѣятельность Арабовъ; завоеванія ихъ при Каспійскомъ морѣ; сношенія съ Хазарами въ VII и VIII столѣтіи; торговые пути съ береговъ Каспійскаго моря къ Волгѣ; усиленіе торговли Россіи съ мусульманскимъ востокомъ, не смотря на упадокъ Халифата; Арабскіе путешественники X вѣка, бывшіе въ Россіи.—Всего этого могъ г. Савельевъ коснуться только слегка: на 12 страничкахъ не распишешься о стольких предметахъ; сжатость, однако же, нигдѣ у нашего автора не мѣшаетъ ясности изложенія.

Глава пятая (стр. LVII — CIII), самая обширная въ первой части книги Савельева и одна изъ самыхъ любопытныхъ, объясняетъ торговлю Хазаръ и другихъ Приволжскихъ народовъ, съ которыми Арабы непосредственно производили сношенія. О Хазарахъ не сказано ничего такого, чего бы мы не знали прежде. Буртасы Арабскихъ географовъ суть, по мнѣнію автора, нынѣшняя Мордва поколѣнія Мокша, а нынѣшній городъ Мокшанскъ (Пензенской губерніи), преемникъ древняго Буртаса и тотъ самый Махши, встрѣчаемый на монетахъ Золотой Орды, котораго мѣстоположеніе оставалось доселѣ загадкою. Это и ново и совершенно правдоподобно. О Болгарахъ Приволжскихъ авторъ передаетъ всѣ извѣстія Арабскихъ писателей, объясняя что встрѣчается въ нихъ темнаго. Статья эта чрезвычайно любопытна и на каждой страницѣ представляетъ удачное соображеніе. Предметы привозной и отпускной торговли, производившейся въ Булгарѣ, и самый образъ

веденія этой торговли объяснены превосходно; она, доказываетъ г. Савельевъ, была ярмарочная, и мы совершенно съ нимъ согласны.

Сношенія Булгаръ съ сосѣдними народами: Югрою, Пермью, Эрзою и Весью, и объясненіе производившейся съ ними мѣновой и нѣмой торговли, составляютъ предметъ шестой главы (стр. CIII — CXXXV), не уступающей своей предшественницѣ ни занимательностію, ни богатствомъ содержанія.

Въ седьмой главѣ (стр. CXXXV — CLXIII) идетъ рѣчь о Новгородскихъ Славянахъ и Кривичахъ, о торговыхъ путяхъ къ нимъ по Волгѣ, Днѣпру, Двинѣ, и о торговомъ и политическомъ значеніи народа и земли Чудь. И тутъ, не смотря на то, что предметъ обрабатываемъ былъ многими, г. Савельевъ умѣлъ сказать кое что новое, особенно въ отношеніи къ Чуди.

Осьмая глава (стр. CLXIII—CLXXVI) — совершенная новость въ нашей исторіи: авторъ доказываетъ существованіе въ Россіи въ началѣ IX вѣка двухъ «торговыхъ союзовъ», одного восточнаго, или низоваго, въ который входили Булгары, Эрза или Мордва и часть Веси; другаго— западнаго, состоявшаго изъ Веси, Мери, Новгородцевъ, Кривичей и Чуди. Главными дѣятелями и хозяевами въ первомъ были Булгаре; душою втораго — Новгородцы. Потомъ разсматриваетъ онъ отношенія къ послѣднему союзу Варяговъ, или Норманновъ, чтó, по его мнѣнію, одно и тоже, и объясняетъ новыми причинами необходимость призванія Руси этимъ союзомъ. Здѣсь есть о чемъ поспорить съ авторомъ врагамъ скандинавоманіи. Мы съ своей

стороны замѣтимъ только, что топографія кладовъ съ восточными монетами, представляя «наличныя доказательства связи Упландскаго берега съ Россіею», ничуть не служитъ черезъ это подтвержденіемъ гипотезѣ о тожествѣ Рослагендскихъ Родсовъ съ Русью, призванною Финно-Славянскимъ союзомъ: точно такія же «наличныя доказательства» представляетъ топографія кладовъ и связи Россіи съ Славянскимъ поморьемъ Балтики отъ устьевъ Нѣмана и Вислы до береговъ Эльбы,—то есть, именно съ тѣми мѣстами, откуда выводятъ Русь, призванную Финно-Славянскимъ союзомъ, враги скандинавоманіи, начиная съ Ломоносова.

Глава девятая (CLXXVI—CCI) объясняетъ торговыя сношенія со Скандинавіею и Прибалтійскими Славянами, въ IX, X и XI вѣкахъ. Тутъ особенно развита мысль о существованіи въ это время у послѣднихъ своего «торговаго союза», зародыша позднѣйшей Ганзы.

Въ главѣ одиннадцатой (стр. CCI—CCXX) разсуждается объ упадкѣ Русской торговли съ мусульманскою Азіею, въ XI вѣкѣ, и ея слѣдствіяхъ. Мы сказали выше, что позднѣйшія восточныя монеты, находимыя въ кладахъ, относятся къ началу XI столѣтія; г. Григорьевъ заключалъ изъ этого обстоятельства, что въ первой половинѣ XI вѣка произошли какіе нибудь сильные перевороты, въ слѣдствіе которыхъ торговля эта прекратилась или измѣнилась въ основаніяхъ. Отрицая прекращеніе торговли и доказывая современными свидѣтельствами, что она продолжала существовать какъ въ XI, такъ и въ XII вѣкѣ, г. Савельевъ находитъ только, что съ половины XI вѣка она начала упа-

дать, и старается объяснить этотъ упадокъ послѣдовавшими въ то время въ Азіи и въ Европѣ политическими переворотами. Какъ ни хороши приводимыя имъ доказательства, намъ все кажется, однако же, что онѣ ни сколько не объясняютъ внезапнаго прекращенія ввоза восточной монеты въ Россію, и что фактъ этотъ продолжаетъ пребывать все въ томъ же мракѣ, въ какомъ оставилъ его г. Григорьевъ. На уменьшеніе благородныхъ пушныхъ звѣрей въ Европейской Россіи, окончившееся почти совершеннымъ ихъ выселеніемъ отсюда, авторъ, независимо отъ другихъ причинъ, тому содѣйствовавшихъ, смотритъ какъ на слѣдствіе долговременной торговли ея мѣхами съ востокомъ въ IX—XI столѣтіяхъ. Слѣды этой торговли г. Савельевъ находитъ и въ восточныхъ словахъ, существующихъ доселѣ въ Русскомъ языкѣ, и, что̀ еще интереснѣе, въ нѣкоторыхъ Русскихъ словахъ, перешедшихъ въ то время въ языки восточные. Нѣсколько страницъ, посвященныхъ этому предмету, составляютъ совершенно небывалое явленіе въ нашей филологической литературѣ.

Заключается наконецъ первая часть разбираемой книги отчетомъ автора о вышедшихъ въ продолженіе печатанія ея трактатахъ о кладахъ Прусскаго генерала Минутоли и бывшаго Одесскаго профессора Григорьева, при чемъ крѣпко достается первому, и опроверженіемъ Шлецерова «брамински-фанатическаго» мнѣнія о дикости обитателей Россіи въ VIII вѣкѣ.

Отдавъ краткій отчетъ о содержаніи каждой главы первой части книги г. Савельева, скажемъ теперь нѣсколько словъ объ ней въ цѣлости. Добросовѣстность въ изыскані-

яхъ здѣсь такая же, какъ и во второй части его труда, и такая же начитанность. Авторъ пересмотрѣлъ всѣ источники, въ которыхъ могло находиться что̀ либо касающееся до торговли сѣверо-востока Европы въ VIII—XI столѣтіяхъ, извлекъ все, что было дѣльнаго объ этомъ предметѣ и замѣткахъ объ немъ, разсѣянныхъ у Френа, Расмуссена, Штюве и другихъ, обо всемъ этомъ передумалъ, все это переработалъ въ своей головѣ, и потомъ изложилъ ясно, просто, отчетливо, чистымъ и правильнымъ языкомъ, какимъ пишетъ мало кто изъ нашихъ ученыхъ: вышла книга о древней торговли Россіи съ востокомъ и Прибалтійскими народами, замѣняющая все, что было писано доселѣ объ этомъ въ Европѣ, и прибавившая къ извѣстному прежде множество свѣжихъ взглядовъ, свѣтлыхъ соображеній и основательныхъ догадокъ, книга, приносящая честь нашей ученой литературѣ, и которая принята была бы съ почетомъ во всѣхъ, если бы вмѣсто Русскаго, написана была на Французскомъ, Нѣмецкомъ или Англійскомъ.

Разборъ сочиненія Г-на Павла Савельева: Мухаммеданская Нумизматика въ отношеніи къ Русской исторіи; составленный Гг. Академиками Устряловымъ и Дорномъ.

Die Geschichte Russlands ist seit der Gründung der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften in der ersten Hälfte des vorigen Jahrhunderts der Gegenstand ernster For-

schungen geworden, und man kann mit Recht sagen, dass geborene Russen sowohl als Gelehrte aus andern Nationen derselben eine Aufmerksamkeit zugewandt haben, welche von den günstigsten Erfolgen für diesen Theil der Weltgeschichte geworden ist. Für die mittlere und neuere Geschichte gab, und giebt es, wie wohl für die meisten Geschichten der Jetztzeit, leicht erklärlicher Weise mehrere und vollständigere Quellen als für die älteste und alte; aber gerade die letzteren, die sich mit der Entstehung eines Volkes oder Staates beschäftigen, müssen für den gelehrten Forscher sowohl als für das Volk selbst besonders anziehend sein. Und so hat man auch nicht unterlassen über die dunkelen Anfänge der Russischen Geschichte mühsame Untersuchungen anzustellen, und dieselben durch die Fackel geschichtlicher Forschungen zu erleuchten. Es verging indessen geraume Zeit, ehe man ernstlich daran dachte, und denken konnte, bei diesen Untersuchungen auch morgenländische Geschichtschreiber zu Rathe zu ziehen. Die in dieser Hinsicht wichtigsten waren bis vor gar nicht langer Zeit entweder ungekannt, oder unzugänglich geblieben, und sind es zum Theil auch jetzt noch. Es bedurfte vor Allem eines gelehrten, wissenschaftlichen Kenners der morgenländischen Wissenschaft, um darzuthun, dass sehr bedeutende Aufschlüsse über die ältere Russische Geschichte von daher zu gewinnen seien, Aufschlüsse, die wir zum Theil anderwärts vergebens suchen. Das Verdienst, solches dargethan zu haben, kommt unstreitig Fraehn zu, und wenn auch sein Vorgang andere Orientalisten ermuntert hat, auf demselben Felde zu arbeiten, so hat doch wohl er das Wichtigste in dieser Hinsicht zu Tage gefördert, und auch er war es, der in seinen verschie-

denen numismatischen und andern Schriften darauf hingewiesen, wie auch andere asiatische Denkmale, und namentlich Münzen zur Erläuterung der älteren und mittleren Geschichte, Ethnographie und Geographie Russlands schätzbare Beiträge liefern können.

Es wurden seit langer Zeit morgenländische und namentlich muhammedanische Münzen in dem Boden des Russischen Staates, so wie in dem der an denselben gränzenden baltischen Länder gefunden. Früher zogen solche Funde hier zu Lande eben keine weitere Aufmerksamkeit auf sich; die gefundenen Münzen wurden meistens ununtersucht dem Schmelztiegel übergeben, oder zu andern Zwecken verwendet; die Fundorte blieben unbeachtet. Als man aber darauf kam, das Vorkommen dieser Münzen als ein Anzeichen eines ehemaligen zwischen Mittel-Asien und Russland und den angränzenden Ländern bestandenen bedeutenden Handelsverkehres zu betrachten, und nachzuweisen, wurde auch diesem Umstande grössere Aufmerksamkeit zugewandt, und ein Aufsatz Fraehn's*) lieferte uns eine eben so vollständige als lehrreiche Uebersicht solcher in Russland gethanen Funde, mit deren Hülfe wir die Richtung der ehemals-bestandenen angedeuteten Handelswege mit höchst wahrscheinlicher Gewissheit zu verfolgen im Stande sind.

Es blieb nur noch übrig, diese Nachweisungen und Andeutungen für die Russische Geschichte besonders zu bearbeiten, und zwar in Russischer Sprache, denn letzterer Umstand

*) S. Topographische Uebersicht der Ausgrabungen von altem arabischen Gelde in Russland, nebst chronologischer und geographischer Bestimmung des Inhalts der verschiedenen Funde; von Ch. M. Frähn, im Bulletin scientifique, T. IX. No. 20. 21.

allein konnte einer solchen Bearbeitung den rechten Werth verleihen, ihre Verbreitung über und in ganz Russland bewirken, und sie allgemein-nützig zu machen. Es war zur vollständigen Auffassung des Gegenstandes ein Kenner nicht nur der muhammedanischen Sprachen und Wissenschaft, und namentlich der muhammedanischen Münzkunde, sondern auch der Russischen Geschichte und Geographie erforderlich.

Herr Saweliev hat es unternommen, diese Aufgabe zu lösen, d. h. muhammedanische Numismatik in ihrer Beziehung zur Russichen Geschichte darzustellen. Von dieser Arbeit ist das vorliegende Buch der erste Theil; die beiden folgenden Bücher sollen von den Münzen der Wolga-Bulgharen, so wie von den Russisch-Tatarischen Münzen, und dem Ursprung des Russischen Geldes handeln (S. CCXXII). Beides sind höchst interessante Gegenstände, denen wir eine eben so sorgfältige Bearbeitung von Seiten des Verfassers wünschen als dem vorliegenden Theile. Dieser zeugt ebensowohl von grosser und ausgedehnter Belesenheit, als von sorgfältigem Fleisse; er umfasst Alles zum Zweck Dienliche, und da verschiedene aus der älteren Geschichte Russlands hierher gehörige Fragen mit gleicher Sorgfalt aufgefasst, und nach allen Seiten behandelt sind, so kann man nicht anders, als dem Bearbeiter zur gelungenen Durchführung seiner Aufgabe Glück wünschen. Es ist ein reichhaltiges Buch, abgefasst mit vollständiger Benuzzung der betreffenden Hülfsquellen, voll von belehrenden Bemerkungen und Auseinandersetzungen, und sorgsam das schon Gegebene ergänzend rüchsicktlich späterer Funde. — Niemand wird es unbefriedigt aus der Hand legen. Als eine schätzenswerthe Zugabe heben wir die erste Beilage über die Pehlewy-

Inschriften auf den Münzen Teberistan's hervor; und wenn wir gleich in einigen Puncten dieser Abhandlung*) sowohl, als der übrigen Schrift**) von der Meinung und den Aussprüchen des Verfassers abweichen, so kann das doch dem Werke im Ganzen keinen Eintrag thun. Wir können uns überdies auf das Urtheil Fraehn's berufen, welches derselbe bei einem andern Anlasse über das Buch abgegeben hat, welches mit dem unsrigen übereinstimmt, und welches um so gewichtiger sein muss, als gerade das Buch zum grossen Theil auf Fraehn's Arbeiten beruht, diesem Akademiker also, namentlich was die Münzkunde betrifft, das erste Urtheil zusteht.

In Betracht daher, dass die Schrift des Herrn Saweliev ein mit grossem Fleisse zusammengestelltes, den Gegenstand vollständig umfassendes Werk ist, welches nicht nur die Wichtigkeit der muhammedanischen Münzkunde für die Russische Geschichtschreibung in helles Licht setzt, sondern auch geradezu für dieselbe manchen schätzbaren Beitrag liefern wird, ja als ein werthvoller Beitrag zur Russischen Geschichtschreibung selbst angesehen werden kann, und ohne Zweifel dazu dienen wird, die Aufmerksamkeit aller Freunde der Russischen Geschichte zur sorgsamen Beachtung fernern Münzkunde hinzulenken — und ferner, dass dieses Buch sowohl im In- als Auslande ein günstiges Zeugniss über die wissenschaftlichen Arbeiten hiesiger Orientalisten ablegt, nehmen wir für

*) Z. B. über die Lesart чехелъ (40) auf den Münzen mit dem Namen Abdallah p. 135 — 6, wo meiner Meinung nach чаръ oder чехаръ (4) steht. D.

**) Z. B. der allzuscharfe Ausspruch über das Minutoli'sche Werk, S. ccxxiv.

dasselbe einen halben Demidov'schen Preis in Anspruch, und ersuchen die Akademie um so mehr einen solchen zu bewilligen, als der Verfasser die gewordene Anerkennung eben auf den Druck der beiden andern Theile des Werkes zu verwenden gesonnen ist, also durch die Zuerkennung des Preises nicht nur das wissenchaftliche Verdienst anerkannt, sondern auch — was eine der ersten Aufgaben der Akademie ist — die Wissenschaft weiter befördert wird.

(Извлечено изъ книги: «XVII Присужденіе учрежденныхъ П. Н. Демидовымъ наградъ» 1848 г.).

VI.

Монеты Джучидовъ, Джагатаидовъ, Джелаиридовъ и другія, обращавшіяся въ Золотой Ордѣ въ эпоху Тохтамыша. Сочиненіе П. Савельева. Съ десятью литографированными таблицами и рисунками въ текстѣ. Выпускъ первый— С.Пбургъ. 1857. Выпускъ второй—С.Пбургъ. 1858 года. 8°.

Говорить о пользѣ нумизматики для исторіи значило бы доказывать истину, которой никто не оспариваетъ,—что знаніе прошлаго, чтобы быть дѣйствительнымъ знаніемъ, должно основываться на памятникахъ несомнѣнной достовѣрности; что отъ качества источниковъ зависитъ много и достоинство выводовъ. Такъ; но есть много неспеціалистовъ, готовыхъ утверждать, будто данныя, доставляемыя исторіи нумизматикою, мелочны и незначительны въ такой степени, что совершенно теряютъ цѣну въ сравненіи съ

обиліемъ и важностію данныхъ, извлекаемыхъ изъ другихъ историческихъ источниковъ: актовъ, лѣтописей и т. д. Относительно исторіи новыхъ временъ, такое утвержденіе, можно, съ нѣкоторыми ограниченіями, назвать справедливымъ; относительно же исторіи древней и среднихъ вѣковъ, оно доказываетъ одно изъ двухъ: или незнакомство думающихъ такимъ образомъ съ услугами, оказанными нумизматикою исторіи, или ложныя понятія ихъ объ условіяхъ и процессѣ выработки исторической истины, или то и другое вмѣстѣ. Какъ историческій источникъ мусульманская нумизматика (то есть монетные памятники магометанскихъ династій) важна въ особенности—именно по обилію легендъ на этихъ памятникахъ, снабжающихъ историка за разъ и генеалогическими, и хронологическими, и палеографическими, и другихъ родовъ данными, иногда совершенно новыми, т. е. неизвѣстными изъ другихъ источниковъ, и всегда полезными для повѣрки данныхъ пріобрѣтенныхъ изъ источниковъ менѣе достовѣрныхъ. Какое капитальное пособіе для исторіи востока, незамѣнимое никакими другими, составляетъ мусульманская нумизматика, можно видѣть съ особенною ясностію на той ея отрасли, которая трактуетъ о монетныхъ памятникахъ бывшихъ властителей Россіи—Чингисидовъ Золотой Орды. О Чингисидахъ этихъ и событіяхъ въ подвластныхъ имъ обширныхъ владѣніяхъ почерпаемъ мы изъ актовъ, лѣтописей и сказаній путешественниковъ, какъ на Азіятскихъ, такъ и на Европейскихъ языкахъ, самыя скудныя, самыя отрывочныя свѣдѣнія. Золотая Орда не имѣла собственнаго лѣтописанія ни въ какой періодъ своего существованія; извѣстныя книгохра-

нилища не представляютъ доселѣ даже и полнѣйшей монографіи Монгольскихъ ханствъ, — *Тарихи-чегаръ-улусъ* Улугъ-бека, — въ которой должно было бы найтись что либо полное и связное о Кипчацкихъ Чингисидахъ: потому исторію ихъ приходится возсоздавать мозаичнымъ образомъ, строка по строкѣ, изъ самыхъ разнообразныхъ источниковъ. Не будь между источниками этими монетныхъ памятниковъ ханства, въ ней не доставало бы множества самыхъ существенныхъ звеньевъ и необходимой для вѣрнаго распредѣленія ихъ во времени и пространствѣ хронологической и географической связи. И тогда какъ на увеличеніе нашего запаса свѣдѣній объ исторіи Золотой Орды посредствомъ открытія новыхъ актовъ, лѣтописей и тому подобныхъ бумажныхъ памятниковъ, нѣтъ почти никакой надежды, каждый большой, становящійся извѣстнымъ кладъ изъ Золото Ордынскихъ монетъ увеличиваетъ этотъ запасъ новыми датами, именами новыхъ хановъ и городовъ, и другими данными первостепенной важности. На дальнѣйшемъ обогащеніи Золото-Ордынской нумизматики и основываются теперь по этому всѣ надежды па приращеніе капитала свѣдѣній нашихъ о Золотой Ордѣ, близкое знакомство съ которою необходимо въ свою очередь для яснаго пониманія явленій Монгольскаго и отчасти слѣдующаго Московскаго періода отечественной исторіи.

До Френа Золото-Ордынская нумизматика, можно сказать, не существовала. Монетные памятники этого ханства, сохранявшіеся случайно въ немногихъ Русскихъ коллекціяхъ, не кому было у насъ ни описывать, ни издавать. За границею извѣстны они были въ самомъ незначительномъ

числѣ, и по нечеткому изображенію легендъ, при дѣтскомъ вообще состояніи восточной нумизматики въ Европѣ, описывались нерѣдко самымъ ошибочнымъ образомъ. Такъ, напримѣръ, оба Тихсена, лучшіе мусульманскіе нумизматы своего времени, читали на Золото-Ордынскихъ монетахъ, вмѣсто столь обыкновеннаго на нихъ سراى الجديد *Новый Сарай*, — سراى الجزيره *Сарай на островѣ*. Такъ Т. Тихсенъ Сарайскую монету Узбека счелъ за какую то Африканскую, Азовскую монету Кильдибека приписалъ небывалому Баѓадуръ-хану, на Новосарайской монетѣ Тохтамыша прочелъ несуществовавшій никогда титулъ خانا خان и перевелъ его «*ханъ надъ ханами*» (chanorum chanus), а другую монету того же Тохтамыша, съ титуломъ جلال الدين, отнесъ къ какимъ то Харезмскимъ владѣльцамъ, тогда какъ знаменитый де-Саси поступилъ еще лучше—рѣшилъ, что она должна принадлежать какому либо изъ Иранскихъ Сельджукидовъ! (См. *Th. Chr. Tychsen:* Commentationes de numis orientalibus in bibliotheca regia Göttingensi adservatis. Göttingae. 1790. Tab. III, № 24; Tab. IV, №№ 42, 44, 46, 60; и *Ol. Gerh. Tychsen:* Introductio in rem numariam Muhammedanorum. Rostochii. 1794. P. 107). Такихъ промаховъ не сдѣлаетъ теперь послѣдній новичокъ.

Начало приведенію въ извѣстность Золото-Ордынскихъ монетъ Русскихъ собраній положилъ Френъ изданіемъ, въ 1813 году, описанія коллекціи Пото (Numophylacium orientale Pototianum. Leviter adumbravit Ch. M. Fraehn. Casani. 1813). Въ этой брошурѣ онъ перечислилъ монеты двадцати четырехъ Золото-Ордынскихъ владѣльцевъ, въ томъ числѣ трехъ такихъ, которые вовсе не были извѣстны

изъ лѣтописей и другихъ источниковъ, именно: Хайръ-Пулада, Орду-Мелика и Бекъ-Булата. Но въ это время и Френъ не обладалъ еще тою опытностію въ монетной палеографіи, которую пріобрѣлъ въ послѣдствіи, и надѣлалъ много промаховъ, такъ что пользоваться означенною брошурою должно съ величайшею осторожностію. Въ ней являются, напримѣръ, монеты Бердибекъ-хана съ 751 и 753 годомъ, а Хайръ-Пуладовы — съ 761 и 762; являются монетные дворы въ قريم عزيزه и الوس جديد; монета Кильдибека приписывается небывалому Темникъ-бекъ-хану, а на монетахъ хана Мюрида читается имя тоже небывалаго Мирбекъ-хана. (L. с., pp. 50, 52, 53, 54, 58 и 62). Трудны первые шаги во всякомъ новомъ дѣлѣ: не будь Тихсеновъ и Френовъ, которые ошибались семдесятъ и пятдесятъ лѣтъ тому, мы впадали бы въ такія же ошибки теперь; тогда какъ теперь, благодаря пути, ими протоpeнному, идемъ твердымъ и вѣрнымъ шагомъ.

Краеугольный камень зданію Золото-Ордынской какъ и многихъ другихъ отраслей нумизматики положилъ Френъ описаніемъ монетныхъ сокровищъ Императорской Академіи наукъ, изданнымъ въ 1826 году подъ заглавіемъ: Recensio numorum muhammedanorum etc. Здѣсь, на 234 страницахъ in. 4°, описалъ онъ болѣе 800 видовъ Золото-Ордынскихъ монетъ, представившихъ: 1) ряды годовыхъ чиселъ съ 673 по 831 годъ гиджры (= 1274 — 1427 по Р. Х.), послужившіе хронологическою основою для исторіи ханства, крайне въ ней нуждавшейся; 2) рядъ монетныхъ мѣстностей обогатившій топографію ханства именами многихъ городовъ, дотолѣ неизвѣстныхъ (напримѣръ—Гюли-

стана, Джулада, Янгы-шегра, Новаго Крыма, Маджара, Укека) и содѣйствовавшій, совокупно съ хронологическими данными, къ опредѣленію какъ географическаго протяженія ханства въ разные періоды его существованія, такъ и пространства владѣній каждаго отдѣльнаго хана; 3) имена четырехъ хановъ, о которыхъ дотолѣ не имѣлось никакихъ свѣдѣній, именно: Ильбана (?), Бирдибека II, Махмуда и Мустафы. Всего же важнѣе то, что монеты перечисленныя въ Recensio описаны съ навыкомъ къ дѣлу, осмотрительностію и точностію, устраняющими всякій поводъ къ мысли о возможности въ этомъ трудѣ ошибокъ, которыя бы ввели въ заблужденіе пользующагося имъ.

Другимъ капитальнымъ трудомъ Френа по Золото-Ордынской нумизматикѣ была монографія его, вышедшая въ 1832 году, на Русскомъ и Нѣмецкомъ языкахъ, подъ заглавіемъ: «Монеты хановъ улуса Джучіева или Золотой Орды». Это—описаніе, съ добавленіями изъ другихъ собраній, коллекціи Золото-Ордынскихъ монетъ, принадлежавшей профессору К. Фуксу въ Казани, и купленной потомъ Казанскимъ университетомъ. Всего перечислено здѣсь болѣе 400 видовъ Золото-Ордынскихъ монетъ, $^{9}/_{10}$ изъ коихъ были впрочемъ описаны уже въ Recensio; но важно то, что описанію соотвѣтствуетъ вѣрное изображеніе монетъ на приложенныхъ таблицахъ, чего въ Recensio нѣтъ. Изданіемъ этой монографіи Френъ имѣлъ въ виду не столько обогатить предметъ новыми открытіями, сколько популяризировать его между собирателями монетъ незнающими по Латыни.

Коллекція Фукса, по пріобрѣтеніи ея Казанскимъ университетомъ, описана была еще разъ, вмѣстѣ съ монетами,

пріобрѣтенными университетомъ изъ другихъ рукъ, профессоромъ онаго Ф. Эрдманомъ,—но такъ невнимательно, съ такими ошибками, что въ нумизматическомъ мірѣ принято считать толстый квартантъ этого описанія (Numi Asiatici Musei Universitatis Casanensis)—какъ бы non avenu.

Френъ до самой почти кончины своей, постоянно слѣдилъ за всѣми пріобрѣтеніями Азіятскаго музея, и отмѣчалъ, въ особыхъ рукописныхъ прибавленіяхъ къ Recensio, все, чѣмъ онъ обогащался, между прочимъ, и по части Золото-Ордынской нумизматики. Особенно важныхъ пріобрѣтеній въ теченіе 17 лѣтъ, съ 1832 года, однако же не было. Между тѣмъ, занялся я Золото-Ордынскою нумизматикою—по обязанности просматривать монеты, добывавшіяся оффиціальными раскопками отъ Министерства внутреннихъ дѣлъ, производившимися въ развалинахъ Сарая, и въ 1848 году имѣлъ случай разобрать и описать значительный кладъ изъ Золото-Ордынскихъ монетъ съ 710 по 768 годъ гиджры, въ которыхъ на 152 описанныхъ вида оказалось до 50 новыхъ, въ томъ числѣ принадлежавшіе бывшему совершенно неизвѣстнымъ дотолѣ хану Джанибеку II. Описаніе этого клада напечатано въ «Запискахъ» С. Петербургскаго Археологическо-нумизматическаго Общества, Т. II, стр. 1—63. Черезъ девять лѣтъ послѣ того, въ 1857 году, привелось мнѣ напасть на другой значительный кладъ изъ такихъ же монетъ (въ количествѣ 1253) того же періода, между коими неизданныхъ оказалось 27 видовъ. Эта находка, замѣчательная преимущественно по въ первые открытымъ въ ней монетамъ съ именами хановъ Азиза и Джанибека II совмѣстно изображеннымъ,

описана мною въ «Извѣстіяхъ» того же Общества, Т. I, стр. 1—10.

Вскорѣ послѣ меня, Золото-Ордынская нумизматика привлекла къ себѣ и П. С. Савельева. Къ занятіямъ ею онъ приведенъ былъ преимущественно поступившимъ на разсмотрѣніе его, также по службѣ, огромнымъ кладомъ изъ Золото-Ордынскихъ и другихъ монетъ, отрытымъ въ 1851 году въ Екатеринославской губерніи. Описаніе этого клада вмѣстѣ съ другимъ не менѣе важнымъ, найденнымъ въ 1856 году въ Тетюшскомъ уѣздѣ Казанской губерніи, составляетъ главное содержаніе монографіи, заглавіе которой выставлено выше, и о которой предстоитъ намъ здѣсь отдать отчетъ.

Екатеринославскій кладъ состоялъ изъ 14,350 серебряныхъ преимущественно Золото-Ордынскихъ монетъ; Тетюшскій — неизвѣстно положительно изъ какого числа такихъ же; у В. К. Савельева, которому наука обязана сохраненіемъ этого послѣдняго клада, было въ рукахъ изъ него до 10,000 штукъ, изъ коихъ выбралъ онъ и препроводилъ на разсмотрѣніе П. С. Савельева 2,279. Оба клада суть самые богатые изо всѣхъ находокъ Золото-Ордынскихъ монетъ, о коихъ имѣлись до сихъ поръ свѣдѣнія. Быть можетъ случалось находить и равные и бо̀льшіе клады, но они попадали въ плавильный тигель, не оставивъ никакого слѣда о себѣ въ лѣтописяхъ науки. И тотъ и другой кладъ—одного періода: они заключаютъ въ себѣ преимущественно монеты Тохтамышъ-хана, сопровождаемые небольшимъ числомъ монетъ его предшественниковъ и современныхъ владѣтелей изъ другихъ Чингисидскихъ династій. Въ Екатерино-

славскомъ кладѣ главную массу (до 8000 экземпляровъ) составляли Тохтамышевы монеты, чеканенныя въ Закавказскомъ краѣ, которыя считались дотолѣ весьма рѣдкими.

Монеты Екатеринославскаго клада оказались 372 видовъ, изъ коихъ 329 собственно Золото-Ордынскихъ, 30 Джелаиридскихъ, 8 Джагатаидскихъ, 1 Джучидскій Синей Орды и 4 разныхъ подражаній Тохтамышевымъ и другимъ монетамъ. Неизданныхъ нашлось въ томъ числѣ: Золото-Ордынскихъ 150, Джелаиридскихъ 28, Джагатаидскихъ 6, Синей Орды 1, подражаній 4 вида. Всѣ эти виды, какъ оказавшіеся уже извѣстными, такъ и вновь открытые, описаны вполнѣ. Въ Тетюшскомъ кладѣ, чтобы избѣжать повторенія, описаны только новые виды, въ числѣ 117; изъ нихъ 80 Золото-Ордынскихъ, 5 Джучидскихъ Синей Орды, 9 Джагатаидскихъ, 19 Джелаиридскихъ и 4 неизвѣстной династіи, можетъ быть Шейбанидской. Сверхъ содержанія двухъ помянутыхъ кладовъ, описаны еще въ разсматриваемой монографіи неизданныя Золото-Ордынскія монеты изъ разныхъ собраній, въ числѣ 83 видовъ.

Одно это перечисленіе уже свидѣтельствуетъ сколько новаго матеріала пріобрѣла наука въ книгѣ П. С. Савельева: 389 новыхъ видовъ—да это такое сокровище за разъ, на какое не могли разсчитывать самыя смѣлыя надежды! Ближайшее ознакомленіе съ содержаніемъ Савельевскаго труда еще болѣе возвышаетъ цѣнность этого пріобрѣтенія. Монеты имъ описанныя открыли существованіе въ Золотой Ордѣ, шестерыхъ бывшихъ доселѣ неизвѣстными исторіи хановъ: Каганъ-бека, Хасана, Алпъ-ходжи, Джанибека III, Арабшаха и Ташь-Тимура, да четырехъ мѣстностей, тоже

до сихъ поръ невстрѣчавшихся на монетахъ, именно: Алагира, Гюштаспи, Аланджи и Астары. Чтобы пріобрѣсти почетную извѣстность въ нумизматическомъ мірѣ, достаточно открыть одного новаго династа, — и то не всякому на его вѣку удастся,—а Савельевъ открылъ за разъ шесть новыхъ хановъ! На открытіе двухъ изъ числа этихъ хановъ, можетъ впрочемъ претендовать и тѣнь Френа. Въ рукахъ у него была Золото-Ордынская монета, о которой выразился онъ (въ Recensio, p. 410, № 40) «Suspicor nummum esse Tasch-Timur chani»; но знаменитый нумизматъ только догадывался, и такъ мало довѣрялъ своей догадкѣ, что монету эту отнесъ къ числу Джучидскихъ, битыхъ неизвѣстными владѣтелями, и имени Ташь-Тимура не выставлено имъ въ спискѣ Золото-Ордынскихъ хановъ ни въ Recensio, ни въ «Монетахъ хановъ улуса Джучіева». Такимъ же образомъ, были у Френа въ рукахъ и монеты Каганъ-бека, но въ неполныхъ экземплярахъ, такъ что онъ могъ прочесть изъ имени этого хана только середину.. *ага*..бекъ (см. Recensio, p. 301, № 1; и «Монеты хановъ», стр. 22, № 183). Во всякомъ случаѣ, честь реставраціи этому торсу ногъ и головы неотъемлемо принадлежитъ Савельеву. Благодаря ему, историки подобные Хаммеру не будутъ ужь теперь показывать въ числѣ Золото-Ордынскихъ владѣльцевъ — хана *Ага-бека* (см. Gesch. der Gold. Horde von Hammer-Purgstall. Pesth, 1840, s. 323)!!!

Разсматриваемымъ трудомъ Савельева обогащены также значительно и другія, кромѣ Золото-Ордынской, отрасли магометанской нумизматики, еще менѣе ея разработанныя, и потому возбуждающія едва ли не сильнѣйшій интересъ,

именно: Джелаиридская, Джагатаидская, и Джучидская Синей Орды.

Нумизматическіе памятники Джелаиридовъ,—дѣйствительной или предполагаемой отрасли Иранскихъ Чингисидовъ, властвовавшей въ концѣ XIV и въ началѣ XV столѣтія въ Иракѣ, Адербайджанѣ и части восточнаго Закавказья—попадались донынѣ весьма рѣдко и въ небольшомъ числѣ. Екатеринославскій и Тетюшскій кладъ доставили ихъ 256 штукъ, между коими открылось 47 новыхъ видовъ, замѣчательныхъ преимущественно по разнообразію мѣстъ чеканки, позволяющему опредѣлить съ большею, нежели доселѣ было, точностію географическое протяженіе Джелаиридскихъ владѣній.

Крайне скудная нумизматика Джагатаидовъ,—властвовавшихъ со второй трети XIII до послѣдней четверти XIV столѣтія отъ предѣловъ нынѣшняго Хивинскаго ханства по Китайскій Туркестанъ, на протяженіи всей долины Аму,—пріобрѣла въ обоихъ кладахъ всего 24 монеты, но въ томъ числѣ 15 новыхъ видовъ; особенно замѣчательны впрочемъ только два изъ нихъ: монета 789 года, битая въ Ширазѣ, и 781 года—въ Харезмѣ, какъ памятники свидѣтельствующіе о времени отторженія Тамерланомъ Харезмской области отъ Джучидовъ, и завоеванія имъ южной Персіи. На монетахъ Джагатаидскихъ, представляющихъ имя хана Сююргатмыша и хана Махмуда, совмѣстно съ именемъ Теймура-Гуркана (Тамерлана), встрѣчается послѣ имени послѣдняго слово اكمنو, которое ставило доселѣ въ тупикъ всѣхъ нумизматовъ; Савельевъ разрѣшилъ загадку, объяснивъ—и объясненіе это несомнѣнно—что اكمنو есть

транскрипція Арабскими буквами Монгольскихъ словъ *угэ ману*, значащихъ, какъ извѣстно, «слово мое», и что это *угэ ману* употреблено на сказанныхъ монетахъ въ томъ же самомъ смыслѣ какъ سوزم въ Тюркскихъ ярлыкахъ Монгольскихъ государей.

Синей Ордой звали предки наши удѣлъ Орда-Ичена, старшаго брата Батыева, располагавшійся кочевьями на пространствѣ, занимаемомъ нынѣ Киргизами Оренбургскаго вѣдомства, т. е. отъ Урала до Сыръ-дарьи, и подчинявшійся иногда ханамъ Кипчацкой или Золотой Орды. Исторія этого удѣла крайне темна. Изъ монетъ государей его, извѣстны были доселѣ только монеты одного Урусъ-хана, битыя въ Сыгнакѣ (или Саганакѣ). Екатеринославскій и Тетюшскій кладъ представили 11 экземпляровъ Сине-Ордынскихъ монетъ, въ томъ числѣ 6 новыхъ видовъ. Эти новые виды, за исключеніемъ одного, принадлежатъ тому же Урусъ-хану и биты въ Сыгнакѣ и Сыгнакѣ-Новомъ (въ первые дѣлающемся извѣстнымъ) въ 773, 774, 775 и 779 (?) годахъ гиджры; одинъ же видъ—о, радость!—оказался монетою хана Мубарекъ-ходжи, битою въ Сыгнакѣ въ 729 или 739 году гиджры. Такимъ образомъ, мы имѣемъ теперь монеты двухъ Сине-Ордынскихъ хановъ, и можемъ по всей справедливости поднести тѣни Савельева титулъ «отца Сине-Ордынской нумизматики».

Особый отдѣлъ въ этой Синей Ордѣ составлялъ Улусъ Шейбанидовъ, потомковъ Шейбана, пятаго сына Джучи (отца Батыева и Орда-Иченова), давшихъ въ послѣдствіи государей западной Сибири. Въ Тетюшскомъ кладѣ нашлось двѣ монеты «отличающіяся—говоритъ Савельевъ—типомъ

и тамгою отъ Джучидскихъ—Золото-Ордынскихъ, и отъ Джучидскихъ, чеканенныхъ въ Сыгнакской (Синей) Ордѣ, но имѣющія съ ними замѣтное родственное сходство по вѣсу, шрифту, характеру и расположенію подписей»: эти монеты и рѣшился онъ потому отнести *предположительно* къ ордѣ Шейбаковой, денежныхъ памятниковъ которой до сихъ поръ вовсе не извѣстно. Нечеткость надписей на упомянутыхъ монетахъ не позволяетъ намъ сказать въ этомъ вопросѣ ни да, ни нѣтъ. Очень можетъ случиться, когда найдутся лучшіе экземпляры сихъ монетъ, что онѣ окажутся вовсе не Шейбанидскими.

«Исчисленныя пріобрѣтенія для науки, сдѣланныя Савельевымъ безспорно весьма важны; но — могутъ сказать намъ скептики—вѣдь мы видѣли выше kàкъ даже Френъ читалъ въ молодости Мирбекъ тамъ, гдѣ написано Мюридъ, и Темникъ-бекъ—вмѣсто Кильдибека: чтò если Савельевскіе Алпъ-ходжи и Каганъ-беки окажутся со временемъ надежны не болѣе Френовскихъ Мирбековъ и Темникъ-бековъ?» Нѣтъ, этого не можетъ случиться. Въ томъ то и достоинство нумизматическихъ трудовъ Савельева, что онъ семь разъ примѣривалъ прежде нежели отрѣзывалъ, и что на его чтеніе и описаніе можно вполнѣ полагаться, потому что, если легенда оказывалась маломальски сомнительною, онъ не скрывалъ этого ни передъ собою, ни передъ другими, и предположенія свои такъ и выдавалъ за предположенія, а не за дѣйствительность. Дешифровка его столь же осторожна и отчетлива какъ Френовская въ лучшихъ работахъ сего послѣдняго. При томъ для повѣрки ея имѣемъ мы на приложенныхъ къ книгѣ десяти таблицахъ и въ самомъ тек-

стѣ ея тщательно сдѣланные снимки описанныхъ монетъ. Это—относительно точности Савельева въ передачѣ монетныхъ легендъ. Но, кромѣ легендъ, изображаются еще на монетахъ разные предметы и украшенія: тамги, кружки, точки, цвѣтки и т. д.; да и самая легенда можетъ быть расположена на монетѣ различнымъ образомъ. Савельевъ считалъ обязанностію своею ноевящать читателя во всѣ эти обстоятельства съ такою подробностію и отчетливостію, какія не вездѣ и у самаго Френа находимъ. Въ этомъ отношеніи работы Савельева представляются геркулесовыми столбами нумизматической аккуратности: итти далѣе его по тому же пути—невозможно; должно сказать даже, что и онъ, ужь, въ иныхъ случаяхъ, вдавался въ совершенно излишнія тонкости. Къ чему, напримѣръ, توقتمش и اورس легендъ передавать въ Русской транскрипціи *Токтемешь* и *Уросъ* (когда извѣстно, что имена эти произносятся *Тохтамышь* и *Урусъ*) потому только, что они изображены не въ формахъ توقتاميش и اوروس ? Развѣ توقتمش есть другое имя нежели توقتاميش, и اورس другое нежели اوروس , и развѣ сокращенныя формы этихъ именъ, точно также какъ и полныя, не могутъ быть, по правиламъ Тюркской орѳографіи, прочитаны одинаково *Тохтамышь* и *Урусъ?* Но за что̀ въ дѣлѣ аккуратности слѣдуетъ воздать Савельеву хвалу, это: — за обозначеніе вѣса описываемыхъ монетъ подробность весьма полезную во многихъ отношеніяхъ, и къ сожалѣнію упущенную изъ вида и Френомъ и мною въ нашихъ описаніяхъ Золото-Ордынскихъ монетъ.

Не ограничиваясь собственно описаніемъ монетъ, Савельевъ предпослалъ перечисленію монетъ каждаго хана

важнѣйшія историческія объ немъ извѣстія, а когда описываемою монетою разъяснялось какое либо обстоятельство въ исторіи Золотой Орды, онъ входилъ въ подробное его изслѣдованіе. Результатомъ этого вышло то, что книга его представляется столько же историческимъ, сколько и нумизматическимъ сочиненіемъ. Конечно это—далеко не полная исторія Золото-Ордынскаго ханства, но на наши глаза въ ней гораздо болѣе историческаго матеріала и исторической критики, чѣмъ въ исторической монографіи Хаммера (Geschichte der Goldenen Horde. Pesth, 1840, 733 стр. in 8⁰), который ничего темнаго не разъяснилъ, но за то многое ясное спуталъ. Чтобы дать понятіе объ историческомъ достоинствѣ книги Савельева, укажемъ хотя на изслѣдованіе его по поводу монеты хана Тохтогу битой въ 681 году гиджры. Въ Русскихъ лѣтописяхъ ханъ этотъ называется и *Тохта*, и *Тохтомерь*, и время ханствованія его опредѣляется 1291 — 1313 годами; на монетахъ имя его встрѣчается въ формахъ: *Тохта*, *Миръ-Тохта*, *Тохтогу* и *Тохту-бекъ*. Въ слѣдствіе этого послѣдняго различія, Френъ признавалъ Тохту-бека монетъ и Тохтомера лѣтописей за одно и тоже лицо, но за лицо отдѣльное отъ хана Тохтогу. Разобравъ всѣ обстоятельства дѣла, Савельевъ доказалъ вполнѣ удовлетворительно, что Френовское раздвоеніе не имѣетъ основанія; что Тохта и Тохтомерь лѣтописей совершенно одно и тоже лицо съ Тохтою, Миръ-Тохтою, Тохтубекомъ и Тохтогу монетъ; и что лицо это вступило на престолъ Ордынскій первоначально въ 681 году, тотчасъ по смерти Менгу-Тимура, но потомъ нѣсколько лѣтъ скрывалось неизвѣстно гдѣ, и въ 690 г. г. (=1291 по Р. X.) возвратило

себѣ престолъ уже вторично (стр. 189—192 и 288—290). Жаль, что не представилось Савельеву случая разсмотрѣть такимъ же образомъ и рѣшить вопросъ относительно тождественности или различія Хайръ-Пулада, Пуладъ-ходжи и Пуладъ-Тимура. Открытіе монетъ съ именами хановъ Хасана, Алпъ-ходжи, Каганъ-бека, Арабшаха, Ташь-Тимура, подало ему поводъ войти въ розысканія, нѣтъ ли какихъ извѣстій объ этихъ лицахъ у нашихъ лѣтописцевъ или восточныхъ генеалоговъ, и онъ пришелъ къ заключенію, что Хасанъ-ханъ упоминается въ Никоновской лѣтописи подъ именемъ «Болгарскаго хана Асана» (изъ котораго Хаммеръ, не понявъ Никоновской лѣтописи, сдѣлалъ Хасана-Казанчи, и потомъ принялъ этого небывалаго Казанчи за лицо тождественное съ упоминаемымъ у Мирхонда Базарджи. L. c. p. 323), Арабшахъ же есть «Арапша царевичь» той же лѣтописи; что Алпъ-ходжа долженъ былъ быть лицомъ отдѣльнымъ отъ открытаго Френомъ Ильбана (?), Ильбанъ же этотъ въ родословныхъ таблицахъ дома Джучіева является вѣроятно подъ испорченнымъ именемъ Ильбака; и что Каганъ-бекъ, по всей вѣроятности, одно и тоже лицо съ упоминаемымъ въ тѣхъ же родословіяхъ Каанъ-баемъ, а Ташь-Тимуръ, показанный у Абульгази сыномъ Мухаммедъ-хана не могъ быть имъ, потому что, на основаніи нумизматическихъ данныхъ, оказался бы въ такомъ случаѣ 25-ю годами старше своего отца.

Наконецъ въ разсматриваемой книгѣ Савельева трактуется еще объ одномъ предметѣ, о которомъ мы до сихъ поръ ни словомъ не упомянули, тогда какъ, по важности этого трактата составляющаго отдѣльное цѣлое, его одного,

независимо отъ прочихъ частей Савельевскаго труда, было бы достаточно для пріобрѣтенія репутаціи въ ученомъ мірѣ. Говоримъ о дисгрессіи Савельева на счетъ Русско-Татарскихъ денегъ, помѣщающейся всего на десяти страницахъ (145—155), но исчерпывающей вопросъ вполнѣ и рѣшающей его окончательно. Эти десять страничекъ — драгоцѣнны для отечественной нумизматики: Савельевъ доказалъ несомнѣнно, что до временъ Тохтамыша на Руси пе чеканили Русско-Татарскихъ денегъ, и что всѣ разсѣяннныя въ разныхъ отечественныхъ коллекціяхъ Русско-Татарскія монеты старшія времени Димитрія Донскаго—фальшивыя и поддѣланы въ новѣйшее время. Вотъ общій результатъ изысканій его по этому предмету: «Можно принять, такимъ образомъ, что Русскія монеты съ именемъ верховнаго хана на одной сторонѣ чеканились у насъ отъ воцаренія Тохтамыша (1380 г.) до великокняженія Іоанна III (1462), въ продолженіе осьмидесяти лѣтъ. Но лишь на монетахъ великихъ князей Дмитрія Ивановича и Василія Дмитріевича, современниковъ Тохтамыша, Арабскія надписи имѣли значеніе, представляя имя настоящаго «царя», котораго они считались подданными. Въ послѣдствіи же онѣ копировались на удачу съ первой попавшейся Татарской монеты, по большей части временъ хановъ давно умершихъ,—Узбека, Джанибека и Тохтамыша,—имена которыхъ являлись, такимъ образомъ, на Русскихъ монетахъ совершенно случайно, а не выраженіемъ современныхъ подданническихъ отношеній къ Ордѣ. Да и не только имена покойныхъ хановъ писали наши денежники на княжескихъ монетахъ, но также имена городовъ, какъ на примѣръ Гюлистана, или имя про-

рока Мухаммеда, или же простыя черточки, похожія на черты Арабскихъ литеръ, съ прибавкою украшеній въ видѣ тамгъ, звѣздочекъ, головокъ, точекъ и т. п. Заботились только, чтобы одна сторона монеты походила сколько нибудь на Татарскую. Цѣль при этомъ была вѣроятно коммерческая, доставить монетѣ болѣе свободное обращеніе въ Ордѣ; княжескіе же «выходы» платились не мелкою монетою, а серебряными слитками, которые издавна, по крайней мѣрѣ со времен Узбека, притекали въ Орду изъ Руси и служили тамъ къ уплатѣ большихъ цѣнностей, какъ свидѣтельствуетъ Ибнъ-Батута. Для торговли съ Ордою чеканились Русскими денежниками и монеты съ Арабскими надписями на обѣихъ сторонахъ; надписи эти большею частью — верхъ возможнаго искаженія, такъ что рѣдко можно было догадаться, съ чего онѣ списаны. Весьма вѣроятно, что подобныя контрафакціи дѣлались не одними Русскими, но и Поволжскими инородцами, какъ напримѣръ Мордвами, которые и въ послѣдствіи поддѣлывали Русскія денежки. Точно такъ, въ IX и X вѣкѣ, когда обращались на Волгѣ деньги Бухарскихъ Саманидовъ, Булгары и другіе инородцы поддѣлывали ихъ диргемы».

Обращаемся, въ заключеніе, къ нѣкоторымъ частностямъ, относительно которыхъ мы несогласны съ Савельевымъ или имѣемъ сказать что либо.

На стр. 17, Савельевъ называетъ Узбекъ-хана ревностнымъ мусульманиномъ. Осьмнадцать лѣтъ уже тому, какъ я доказалъ неосновательность такого мнѣнія объ Узбекѣ, повторяющагося со времен Карамзина. См. изслѣдованіе мое «О достовѣрности ярлыковъ данныхъ ханами

Золотой Орды Русскому духовенству». Москва. 1842. Стр. 49—51.

Сына Джанибекова по имени كلدى بك Савельевъ зоветъ вездѣ *Гильдибекомъ* (стр. 37, 201 et passim), а не *Кильдибекомъ*, какъ звали его наши лѣтописи, какъ принято было звать его и Френомъ, и мною. Съ чего *К* въ имени его измѣнилъ Савельевъ на *Г*, онъ не объясняетъ, но это измѣненіе неосновательно: глаголъ كلمك, отъ коего происходитъ имя كلدى, произносится *кельмѐкъ* во всѣхъ Татарскихъ нарѣчіяхъ, а *гельмѐкъ* — только въ одномъ Оттоманскомъ, Оттоманское же произношеніе не можетъ быть принимаемо во вниманіе когда дѣло идетъ о татарщинѣ. Ужь если пошелъ вопросъ о правильности, то правильнѣе чѣмъ Гильдибекъ, и даже чѣмъ Кильдибекъ, было бы писать и произносить Кельдибекъ.

На стр. 60 говорится, что Ново-Сарайскія монеты съ 777 годомъ гиджры имѣются только отъ одного Каганъ-бека. Далѣе же, на стр. 232, описывается Ново-Сарайская монета съ тѣмъ же годомъ, принадлежащая Джанибеку III. Это объясняется тѣмъ, что когда описаніе Екатеринославскаго клада было уже окончено, Савельевъ не зналъ еще о существованіи Тетюшскаго, въ которомъ нашлась эта послѣдняя монета. Такимъ же образомъ объясняется и противорѣчіе между стр. 245 — 246, на которыхъ описываются Ново-Сарайскія монеты Урусъ-хана, и стр. 62, на которой говорится, что неизвѣстно еще властвовалъ ли Урусъ-ханъ въ Новомъ Сараѣ.

На той же 62 страницѣ объясняется значеніе имени *Тохтамышъ*. Считаю не лишнимъ присовокупить, что имя

это и до сихъ поръ довольно употребительно между Кайсаками, а на одномъ изъ Финско-Тюркскихъ нарѣчій слово тохтамышь значитъ «колдунъ».

На стр. 64 напечатано по ошибкѣ *Тамерланъ;* надо читать *Тохтамышь.*

Легенды передней стороны на монетѣ, изображенной на таблицѣ IV, рис. 57, и описанной подъ № 329, такъ непонятны, что не стоило бы и головы ломать надъ ихъ дешифровкою: такихъ монетъ достаточно давать рисунокъ, пріостанавливаясь разъясненіемъ ихъ до находки экземпляровъ болѣе четкихъ. Во всякомъ случаѣ, сколько видно изъ рисунка, на монетѣ изображено не совсѣмъ то, что передалъ Савельевъ на стр. 143, а объясненіе его, по моему убѣжденію, никуда не годится.

На стр. 199, замѣчено, что Ново-Сарайскія монеты 762 года гиджры имѣются съ именами пяти хановъ: Бирдибека, Хызра, Тимуръ-ходжи, Орду-Мелика и Кильдибека. Это, по мнѣнію Савельева, служитъ лучшимъ доказательствомъ междоусобій раздиравшихъ Орду въ это время. Такъ и я думалъ, пока не попалась мнѣ въ руки монета Кунградскаго владѣльца Мухаммедъ-Фенагъ-хана, на которой выставлено «бита въ Хивѣ», тогда какъ онъ никогда Хивою не владѣлъ. Попала ли Хива на эту монету съ намѣреніемъ, въ слѣдствіе претензій Мухаммедъ-Фенага на Хивинскій престолъ, или по торопливости монетчика, вырѣзавшаго новый штемпель только для лицевой стороны монетъ этого хана, а оборотную скопировавшаго съ монетъ современнаго Хивинскаго владѣльца — все равно. Такъ или иначе, только мнѣ пришло въ голову, что не всѣ Золото-Ордынскіе ханы,

на монетахъ которыхъ читаемъ мы *Новый Сарай*, владѣли дѣйствительно этою столицею ханства, что нѣкоторые изъ нихъ подобно Мухаммедъ-Фенагу Кунградскому, могли изображать на монетѣ своей имя этого города, тогда какъ чеканили монету гдѣ нибудь въ степи, на походѣ, собираясь еще только овладѣть столицею ханства, находившеюся между тѣмъ въ рукахъ ихъ соперниковъ, другихъ претендентовъ на ханское достоинство. Обстоятельство это весьма заставляетъ призадуматься на счетъ вѣрности историческихъ выводовъ изъ иныхъ нумизматическихъ памятниковъ. Упомянутая монета Мухаммедъ-Фенага описана мною въ «Извѣстіяхъ» Археологическаго Общества, т. II, стр. 162—164.

Поправка моего чтенія Пуладъ-Теймуровой монеты съ именемъ «*покойнаго Джанибекъ-хана*», предложенная Савельевымъ (на стр. 210—212), совершенно удовлетворительна. Тамъ, гдѣ я читалъ на этой монетѣ: از یرلیغ پولاد تیمور خان, Савельевъ прочелъ: پولاد تیمور یرلیغدان. Смыслъ остался тотъ же, безо всякаго измѣненія, но чтеніе вышло гораздо правильнѣе въ грамматическомъ отношеніи. Точно также признаю я совершенно правильнымъ и рѣшеніе Савельева (стр. 306) по иску моему на хановъ «*покойнаго Азиза*» и «*здравствующаго Джанибека*», зачѣмъ они сочетали, столь страннымъ образомъ, имена свои на одной и той же монетѣ. Ларчикъ, какъ и подозрѣвалъ я, дѣйствительно открывался весьма просто, да я то не съумѣлъ открыть его. Очень радъ, что это удалось Савельеву.

Что же касается до предположенія его, что на монетѣ Пуладъ-Теймура, описанной у меня подъ № 151, а у него подъ № 404, слѣдуетъ читать گلستان тамъ, гдѣ я прочелъ

предположительно ﺗﻨﺎ ﺑﺎ (стр. 213—214), то, хотя Савельевское предположеніе имѣетъ на своей сторонѣ гораздо болѣе вѣроятности нежели мое, я думаю, однако же, что до открытія экземпляровъ означенной монеты болѣе четкихъ, lis можетъ еще оставаться sub judice, а тогда окажется, пожалуй, что оба мы ошибались.

На стр. 247, Савельевъ, описывая подъ № 435, монету Тохтамыша, битую въ Азовѣ, читаетъ на ней 781 годъ, и прочитавъ такъ, считаетъ эту монету весьма важною въ историческомъ отношеніи, ибо начало владычества Тохтамышева въ Золотой Ордѣ, относившееся доселѣ къ 782 г. гиджры, отодвигается этою монетою къ 781. Оно конечно было бы такъ, если бы монета несомнѣнно носила на себѣ годовое число 781; но сколько мы ни старались увидѣть эти цифры на рисункѣ монеты, тутъ же въ текстѣ помѣщенномъ, никакъ не успѣли въ томъ, и все видѣли и продолжаемъ видѣть не 781, а 787 годъ, какъ ни читать годовое число, съ права ли на лѣво, или съ лѣва на право. Значитъ, Савельевъ поторопился, и начало владычества Тохтамыша не отодвигается къ 781 году, а остается, по прежнему, при 782.

На той же 247 страницѣ, монету, изображенную подъ № 436 и битую въ Азовѣ въ 782 году, Савельевъ приписываетъ Тохтамышу, замѣчая, впрочемъ, что штемпель лицевой ея стороны вырѣзанъ по образцу Урусовыхъ монетъ, битыхъ въ томъ же году въ Новомъ Сараѣ. Но съ чего взялъ покойный другъ мой, что эта монета Тохтамышева? Имени Тохтамыша не видно на ней, и если было какое имя передъ словомъ ﺧﺎﻥ, то ужь, по малости мѣста

для него, скорѣе اوروس, нежели توقتامش. Это — просто Урусова монета, только съ другимъ штемпелемъ лицевой стороны, нежели Ново-Сарайская того же года.

Относительно легенды на оборотной сторонѣ Менгу-Тимуровой монеты, описанной подъ № 492, на стр. 284—285, я долженъ сказать, что у меня не стало бы храбрости прочесть ее, какъ прочелъ Савельевъ. Кромѣ одного слова, которое дѣйствительно похоже на الله, я не вижу на ней ничего изъ остальнаго, имъ придуманнаго: сличеніе нѣсколькихъ экземпляровъ этой монеты, если они найдутся, можетъ дать въ результатѣ легенду, ни въ единомъ словѣ не сходную съ предположенною Савельевымъ.

На стр. 289 выражено мнѣніе, что знаменитый Ногай оставилъ имя свое въ наслѣдіе своему улусу, иначе сказать, что нынѣшніе Ногаи или Ногайцы называются такъ по имени этого Ногая. По моему, это точно такое же заблужденіе, какъ производить народное имя Узбековъ отъ хана Узбека, и утверждать, что наши копѣйки названы такъ по имени Золото-Ордынскаго Кебекъ или Кöпекъ-хана. Ногай есть народное имя одного изъ сильныхъ Тюркскихъ колѣнъ, которое носило это имя, быть можетъ, за тысячелѣтія до прославившагося въ XIII столѣтіи Ногая.

На Харезмской монетѣ съ именемъ جانى خان, описанной и изображенной подъ № 519, на стр. 299, Савельевъ видитъ 754 годъ гиджры (=1353 по Р. Х.), и потому относитъ эту монету къ Джанибеку I (Узбековичу). Я вижу, что годовое число изображено на ней совершенно ясно такимъ образомъ ۴ο۸; это — 458 или 408, а если читать на оборотъ—854 или 804, но ни какъ не 754. О томъ,

какому Джани-хану должна, по мнѣнію нашему, принадлежать эта монета, поговоримъ когда нибудь, при случаѣ, въ другой разъ.

На стр. 329, въ предпослѣдней строкѣ напечатано: *Едигея*; должно читать: *Булата*.

Описывая на стр. 338, подъ № 569, Астраханскую монету Чекре-хана съ цифрами ١٢١ на лицевой сторонѣ, Савельевъ говоритъ, что это не могутъ быть цифры. Почему жь не могутъ? Вѣдь на монетѣ того же Чекре подъ № 568, годовое число ٨١٧ изображено на лицевой сторонѣ. Мнѣ кажется, что въ этихъ цифрахъ весьма можно признать ١٢٨, то есть 821 годъ, изображенный на оборотъ, какъ это сплошь и рядомъ встрѣчается на Золото-Ордынскихъ монетахъ. Впрочемъ الله اعلم.

Савельевъ не вполнѣ окончилъ свою монографію Джучидовъ. Третій, неизданный выпускъ ея долженъ былъ представить, въ видѣ приложеній къ описаннымъ имъ монетамъ, и какъ выводы изъ нихъ и изъ Золото-Ордынской нумизматики вообще: 1) изслѣдованіе о монетной системѣ Джучидовъ; 2) о клеймахъ, встрѣчаемыхъ на Джучидскихъ монетахъ; 3) о титулахъ хановъ Золотой Орды; 4) алфавитный списокъ монетныхъ городовъ улуса Джучіева, съ географическими и историческими поясненіями; и 5) хронологическій списокъ хановъ Золотой Орды, по всѣмъ извѣстнымъ доселѣ монетамъ ихъ, съ показаніемъ городовъ въ которыхъ чеканились монеты, и годовъ чеканки. — Жаль особенно, что покойный не успѣлъ обработать двухъ послѣднихъ приложеній: онѣ замѣнили бы намъ исторію

Золотой Орды, которой до сихъ поръ нѣтъ, потому что нельзя же назвать этимъ именемъ уродливую компиляцію г. Хаммера. Но—будемъ благодарны Савельеву и за то, что успѣлъ онъ сдѣлать, потому что сдѣланное имъ — превосходно и принадлежитъ къ немногимъ произведеніямъ Русской науки, которыми можемъ мы похвалиться передъ ученымъ міромъ.

В. Григорьевъ.

Оренбургъ.
20 сентября 1860 года.

Разборъ сочиненія П. Савельева: Монеты Джучидовъ, Джагатаидовъ, Джелаиридовъ и другія, составленный Гг. Академиками: М. Броссе, Б. Дорномъ и В. Вельяминовымъ-Зерновымъ.

—

Разсмотрѣніе монетныхъ кладовъ, находимыхъ въ столь значительномъ числѣ внутри Россіи, составляетъ издавна почти исключительный предметъ занятій г. П. Савельева. Къ пріобрѣтенной имъ въ этомъ дѣлѣ опытности онъ присоединяетъ и знаніе исторіи востока, необходимое для нумизмата. Одинъ изъ трудовъ его—Мухаммеданская Нумизматика — болѣе другихъ извѣстенъ Академіи; въ 1848 году онъ удостоился полученія второстепенной Демидовской преміи.

Академики Устряловъ и Дорнъ, въ разборѣ Мухаммеданской Нумизматики, указали на важность восточныхъ монетъ для древней исторіи, этнографіи и географіи Россіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ они тогда же объяснили, какъ могутъ быть полезны изслѣдованія о нихъ, писанныя не на иностранномъ, а на Русскомъ языкѣ, доступномъ для всѣхъ отечественныхъ историковъ и нумизматовъ. Въ одинаковой степени это относится и къ настоящему сочиненію г. Савельева, главный предметъ котораго составляютъ Джучидскія монеты—одинъ изъ немногихъ источниковъ, служащихъ къ разъясненію еще не совсѣмъ извѣстной и столь важной для насъ исторіи Золотой Орды. Означенный трудъ тѣмъ болѣе полезенъ, что Джучидская нумизматика до сихъ поръ не вполнѣ узнана. Первый, который и положилъ ей основаніе, былъ Френъ. Въ 1826 году вышло его знаменитое: Recensio numorum muhammedanorum Academiae Imp. scient. Petropolitanae, а въ 1832 году его другое не менѣе извѣстное сочиненіе, подъ заглавіемъ: Die Münzen der Chane vom Ulus Dschudschi's. Дополненіемъ къ нимъ служитъ изданное въ 1855 г. посмертное твореніе его: Nova supplementa ad recensionem, на которое и самъ г. Савельевъ ссылается довольно часто (см. стр. 161, 173, 201, 219 и пр.) Послѣ Френа занимался изслѣдованіемъ по части Джучидской нумизматики одинъ только В. В. Григорьевъ. Въ 1850 году во II томѣ Записокъ Археологическо-нумизматическаго Общества онъ напечаталъ свое любопытное Описаніе клада изъ Золото-Ордынскихъ монетъ, найденнаго близъ развалинъ Сарая.

Сочиненіе г. Савельева заключаетъ въ себѣ описаніе

двухъ кладовъ: Екатеринославскаго и Тетюшскаго, всего 573 вида монетъ, изъ которыхъ 146 изображены на отдѣльныхъ, весьма отчетливо сдѣланныхъ таблицахъ. Сверхъ того въ самомъ текстѣ помѣщено нѣсколько виньетъ и рисунковъ. Монеты всѣ описаны очень тщательно. Нужно было употребить много старанія, времени и знанія дѣла, чтобы разобрать то огромное количество монетъ, которое находилось въ обоихъ кладахъ (въ одномъ Екатеринославскомъ было ихъ 14,350), отдѣлить изъ нихъ неизданные виды или по чему бы то ни было любопытные экземпляры, и составить столь хорошую монографію. Трудъ г. Савельева еще болѣе выигрываетъ тѣмъ, что о каждомъ ханѣ, монеты котораго у него находятся, онъ сообщаетъ хотя краткія, но вполнѣ удовлетворительныя историческія и хронологическія данныя, извлеченныя изъ лѣтописей и другихъ источниковъ. Данныя эти для неоріенталиста, занимающагося изслѣдованіями о Русской исторіи, должны значительно облегчить возможность пользоваться матеріалами, собранными въ книгѣ. Оріенталистъ же, имѣя ихъ подъ рукою, избавленъ отъ необходимости дѣлать самому розысканія, чтобы опредѣлить ту или другую встрѣтившуюся ему монету. Особеннаго вниманія заслуживаютъ извѣстія о ханахъ, которые до сихъ поръ не были извѣстны, именно о Каганѣ, Хасанѣ, Джанибекѣ III и Арабшахѣ, а равнымъ образомъ и названія нѣсколькихъ новыхъ мѣстъ чеканки. Открытіе именъ новыхъ владѣльцевъ Джучидскихъ составляетъ важное пріобрѣтеніе для науки. Не менѣе любопытны статьи подъ заглавіемъ: Монеты неопредѣленныя и подражанія современныя Тохтамышу

(стр. 142), Джучиды Синей Орды (стр. 158) и Джелаириды (стр. 169). Особенной похвалы заслуживаетъ и то, что бо̀льшая часть монетъ взвѣшена. Обстоятельство это должно служить значительнымъ пособіемъ для разъясненія не только Джучидской, но и Русской монетной системы. Нельзя не пожалѣть только, что сочиненіе г. Савельева не окончено: третій выпускъ, который, по словамъ самого автора въ предисловіи, будетъ заключать въ видѣ приложеній выводы изъ описаній монетъ, и изъ Джучидской нумизматики вообще (какъ то: изслѣдованіе о монетной системѣ Джучидовъ, алфавитный списокъ монетныхъ городовъ, хронологическій списокъ хановъ и проч.) еще не вышелъ. Отъ этого выпуска, очевидно самаго занимательнаго изо всѣхъ, трудъ долженъ пріобрѣсти новое и еще бо̀льшее значеніе.

Въ заключеніе всего сказаннаго, мы позволимъ себѣ сдѣлать нѣсколько замѣчаній относительно отдѣльныхъ мнѣній и взглядовъ автора, именно:

1) Стр. 116, № 262. Судя по рисунку, послѣдняя строка на аверсѣ вовсе не такъ явственна, чтобы можно было положительно сказать, что въ ней значатся слова: خلد ملكه (да длится царствіе его), какъ предположилъ авторъ.

2) Стр. 165, № 334. Имя города на монетѣ не можетъ быть иначе прочтено какъ *Астара*, какъ это и сдѣлалъ самъ г. Савельевъ на монетѣ № 352 (стр. 175). Нѣтъ никакой необходимости предполагать, что подъ этимъ именемъ кроется слово Астрабадъ. Астара—городъ весьма извѣстный, и находится въ Гилянѣ.

3) Стр. 247, № 435. Г. Савельевъ говоритъ, что годъ, значущійся на реверсѣ этой монеты Тохтамыша, битой въ Азовѣ, есть 781; по рисунку же, приложенному къ тексту, можно скорѣе думать что изображенъ годъ 787 (٧٨٧), а не 781. Если такъ, то монета никакъ не можетъ служить свидѣтельствомъ тому, что Азовъ прежде другихъ городовъ Золотой Орды призналъ ханомъ Тохтамыша.

4) Стр. 307. Г. Савельевъ, разсуждая о двухъ замѣчательныхъ монетахъ, открытыхъ г. Григорьевымъ, съ именами Азиза и Джанибека, и изъ которыхъ на одной Азизъ названъ покойнымъ (مرحوم), весьма справедливо замѣчаетъ, что при чтеніи надписи на лицевой сторонѣ нужно отдѣлять одно имя отъ другаго, и что Джанибекъ, значущійся на монетѣ, есть Джанибекъ второй. Къ этому г. Савельевъ прибавляетъ: «Весьма вѣроятно, что Джанибекъ II, одинъ изъ эфемерныхъ хановъ той смутной эпохи, не имѣя большаго вліянія въ Ордѣ, воспользовался смертью хана Азиза, *шейха* и *сеида* т. е. «святоши», уважаемаго правовѣрными, чтобы выставить себя его особеннымъ почитателемъ и тѣмъ пріобрѣсти себѣ большую партію и поддержку на престолѣ». Слова: шейхъ и сеидъ, какъ намъ кажется, вовсе не означаютъ въ этомъ случаѣ святоши. Въ имени Азизъ-шейхъ хана, слово шейхъ есть ничто иное, какъ прибавочное. Азизъ-шейхъ есть точно такое же сложное имя, какъ Шахъ-Мурадъ и множество другихъ подобныхъ именъ. Титулъ же сеида, если только Азизъ дѣйствительно носилъ его, значилъ просто, что ханъ этотъ происходилъ, быть можетъ по женской линіи, отъ пророка; на этомъ основаніи и теперь эмиры Бухарскіе

величаютъ себя сеидами. Не лучше ли предположить, что Азизъ и Джанибекъ, бывъ оба претендентами на престолъ и провозглашенные каждый у себя ханами, въ послѣдствіи соединились, и стали дѣйствовать за одно и чеканить монету съ своими именами. Когда же Азизъ умеръ, то Джанибекъ, оставшись одинъ, продолжалъ нѣкоторое время бить монету, какъ съ именемъ Азиза, такъ и съ своимъ собственнымъ. Этимъ и объяснится тотъ фактъ, почему изъ двухъ извѣстныхъ монетъ на одной Азизъ значится безъ эпитета مرحوم, т. е. живымъ, а на другой названъ покойнымъ.

5) Какъ на опечатки можно указать на стр. 103 и пр. на слово محروسة вмѣсто محروسة, и на стр. 226, № 417 на الرونيا вмѣсто الدنيا.

Быть можетъ, нашлось бы еще нѣсколько замѣчаній на сочиненіе г. Савельева; но какъ эти замѣчанія, такъ и тѣ, которыя мы позволили себѣ высказать, въ сущности не вредятъ достоинству книги.

Трудъ г. Савельева остается весьма похвальнымъ, и составляетъ одну изъ полнѣйшихъ монографій монетъ Золотой Орды. Польза его, какъ для Русской исторіи, такъ и для объясненія происшествій, случавшихся въ Улусѣ Джучіевомъ, несомнѣнна; посему мы и пріемлемъ смѣлость ходатайствовать о присужденіи г. Савельеву за его «Монеты Джучидовъ» *второстепенной* Демидовской преміи.

(Извлечено изъ книги: «XXVIII Присужденіе учрежденныхъ П. Н. Демидовымъ наградъ». 1859 г.).

VII.

РѢЧИ,

ПРОИЗНЕСЕННЫЯ ПРИ ПОГРЕБЕНІИ П. С. САВЕЛЬЕВА.

22-го мая 1859 *года.*

П. И. Мельниковымъ.

«Не много дней остается до того, въ который высшее въ Россійской Имперіи ученое учрежденіе, торжественно объявитъ объ увѣнчаніи трудовъ покойнаго Павла Степановича почетною наградой. Но въ то время, когда Императорская Академія наукъ, изъ среды Русскихъ ученыхъ выбирала достойнѣйшихъ этой награды, незримо для міра, безвѣстно для людей, совершился на небесахъ иной выборъ изъ тѣснаго круга Русскихъ служителей мысли и слова — и вотъ слѣдствіе этого выбора!

«Человѣкъ гражданской чести, достойный служитель науки, онъ жилъ и умеръ за учеными трудами. Всю жизнь свою онъ посвятилъ чистому, безукоризненному служенію наукѣ; всю жизнь свою онъ честно прослужилъ свѣту, добру и правдѣ... Ученыя заслуги его, единственнаго у насъ нумизмата и глубоко изучившаго отечественныя древности археолога, извѣстны и въ Россіи, и въ заграничномъ ученомъ мірѣ. Разрывая тысячелѣтнія могилы давно исчезнувшихъ съ лица земли народовъ, изучая монеты полуизвѣстнаго востока, и загадочные памятники доисторическаго времени, разсѣянные по степямъ Новороссійскаго края, покойный влагалъ душу живую въ мертвые осколки старины, и перомъ своимъ воскрешалъ предъ душевными очами современниковъ бытъ и нравы давно сошедшихъ въ темныя могилы поколѣній.

«И какъ чиста, какъ безкорыстна была любовь его къ наукѣ! Онъ служилъ ей, какъ самый неутомимый труженикъ; но труженическая дѣятельность покойнаго не была вызвана житейскими нуждами: нѣтъ, обладая независимымъ и вполнѣ обезпеченнымъ состояніемъ, онъ трудился не для себя, а для науки, для одной науки. Не было предпріятій въ ученыхъ обществахъ здѣшней столицы, въ которыхъ бы онъ не принималъ самаго дѣятельнаго, самаго горячаго участія. Вамъ извѣстны, мм. гг., его труды по Обществамъ Археологическому и Географическому, его участіе въ академическихъ бюллетеняхъ, его археологическія путешествія по Россіи, его изслѣдованія восточныхъ монетъ. Да, немного онъ жилъ, но много потрудился и почти накануне смерти, уже умирающій, работалъ надъ «Извѣстія-

ми Археологическаго Общества», основанными по его мысли, и издававшимися подъ его редакціей.

«Прославляютъ воиновъ, павшихъ съ мечемъ въ рукѣ на полѣ чести. Павелъ Степановичъ достоинъ такой же славы: онъ умеръ съ перомъ въ рукѣ, до послѣдней минуты сознанія свято исполняя долгъ своего призванія.

Вѣчная память безкорыстному, свѣтлому дѣятелю науки! Вѣчная память прекрасной личности честнаго человѣка!»

Академикомъ М. И. Броссе.

«La tombe qui réunit autour d'elle, en cette suprême rencontre, une famille frappée cruellement dans ses sentiments les plus chers, des amis déplorant la perte de l'ami enlevé trop tôt à leur affection, à leur estime,—cette tombe va se refermer sur un homme à qui tout semblait présager un long et heureux avenir.

«Richement avantagé de ces biens qui, s'ils ne constituent pas formellement le bonheur, en sont du moins les éléments et les signes sensibles; doué d'un extérieur aimable, d'une honnête et honorable fortune, et de la modération qui sait en jouir sans en abuser; placé dans une position sociale où toute sorte de carrière lui était accessible; élevé par sa culture intellectuelle et par de constants travaux à ce point où l'homme est déjà classé parmi les intelligences d'élite, Paul Savélief jouissait dans la société de la considération générale, il n'avait

pas d'ennemis, tout lui souriait. Chaque pas dans la vie lui amenait un succès mérité, lui gagnait de nouvelles et sincères amitiés, que groupaient autour de lui un caractère sérieux, des habitudes franches, une gaîté cordiale et mesurée.

«Elève de l'Université de St.-Pétersbourg, puis de l'Institut asiatique, il avait puisé dans les leçons et dans les entretiens de Fraehn, de Senkowsky et de Charmoy, de bonnes et solides connaissances des langues, de la littérature et de l'histoire de l'orient musulman, connaissances qu'il ne cessa de développer par une application peut-être excessive aux travaux du cabinet et par une lecture assidue, et qu'il consacra bientôt, comme spécialité, aux antiquités et à la numismatique. Sans parler des nombreux articles critiques, biographiques et autres, répandus dans le Bulletin de l'Académie et dans divers journaux russes, jusqu'en 1846, je ne ferai mention que de son principal ouvrage la «Мухаммеданская Нумизматика, въ отношеніи къ Русской исторіи», compilation patiente et intelligente, qui tient plus qu'elle ne semble promettre, et qui a concouru pour une bonne part à populariser en Russie la science numismatique orientale née, pour ainsi dire, sur le sol russe, et que les immortels travaux de Fraehn y ont spécialisée. Ce travail, où notre ami groupa en un seul faisceau les découvertes faites avant lui, marqua une des grandes étapes de la science. Ce qu'il y avait ajouté de lui-même était tellement saisissant d'à-propos et de justesse d'aperçus, que l'Académie, par son suffrage et par l'adjudication d'un prix Démidoff, se plut à en reconnaître la valeur.

«Plus tard, et jusqu'à la fin de sa vie, les sociétés russes de Géographie et d'Archéologie et de numismatique absorbè-

rent une partie de l'activité de Paul Savélief. Membre fondateur et collaborateur dévoué de ces savantes associations, il est un de ceux qui ont le plus contribué au développement de la seconde, par beaucoup d'écrits et de notices spéciales, par la surveillance des impressions, par la fondation de la Section orientale, par l'édition de ses Mémoires, avec leurs planches aussi belles que nombreuses, enfin par sa coopération à la création des «Извѣстія Археологическаго Общества»; son nom n'était pas moins connu et respecté à l'étranger que dans sa patrie.

Attaché au feu comte Pérowsky, cet illustre amateur des antiquités russes et orientales, Savélief exécuta en Crimée et dans la Russie méridionale plusieurs voyages d'investigations et concourut à l'ouverture et à la description de nombreux kourganes. Enfin, appelé par ses fonctions à formuler un avis sur les riches produits des fouilles d'Ekatérinoslaw et de Tétiouchi, il conçut le projet et se donna la patience d'examiner avec un soin minutieux les quelques 20.000 pièces djoutchides de ces deux fouilles, de les classer, de les décrire. Ce travail, qui lui coûta plusieurs années d'efforts, a valu à la science numismatique et conséquemment à l'histoire nationale de la Russie un enrichissement à peine croyable après les vastes recherches de l'auteur des «Монеты Золотой Орды»; à la littérature russe un excellent travail en deux volumes, mais non entièrement achevé; à l'Académie des sciences, le plaisir de couronner de nouveau l'auteur. Le mérite de Paul Savélief a reçu sa sanction le 17 avril de cette année; la mort a frappé cet infatigable travailleur le 19 mai. Notre ami a été enlevé en plein triomphe: il était âgé de 45 ans.

«Non, Messieurs, les travaux de l'intelligence ne sont pas

de vains mots. Le penseur dont la vie s'est consumée dans des efforts utiles ne meurt pas tout entier. Il laisse après lui des traces, que l'humanité recueille avec reconnaissance. Surtout quand aux qualités de l'esprit, qui distinguent le savant, étaient réunies celles du coeur, qui font l'homme, le vrai patriote, il est permis de dire sur la cendre à- peine refroidie de l'ami perdu: «*non omnis periit*».

Священникомъ Н. В. Любомудровымъ.

«Друзья, сотоварищи и сотрудники почившаго! Прощаясь съ нимъ теперь навсегда въ здѣшней жизни, возобновимъ въ памяти тѣ черты, которыя особенно отличали его, да образъ его твердо напечатлѣется и сохранится въ сердцахъ нашихъ. Это былъ мужь, преданный наукѣ силою всей своей сильной и даровитой души, не оставлявшій научныхъ занятій даже на одрѣ тяжкой болѣзни, во дни и часы приближающейся смерти. Это былъ мужь труда неутомимаго и неусыпнаго, труда серьезнаго и безкорыстнаго: не имени, не молвы искалъ онъ своими занятіями. Трудъ его показалъ, что чистая къ наукѣ любовь не сродна съ корыстью: одно желаніе быть полезнымъ на избранномъ имъ пути возбуждало, обновляло, согрѣвало и награждало его. И сколько плодовъ принесъ онъ наукѣ! Это былъ мужь души теплой, нѣжной, открытой для всего добраго и прекраснаго, сочувствующей всему высокому и благородному.

Дружескія домашнія его бесѣды останутся въ памяти тѣхъ, кто былъ участникомъ ихъ.

«Воздадимъ, воздадимъ ему чувства глубокой признательности, любви и уваженія. Почтимъ память его, какъ онъ самъ чтилъ и цѣнилъ память достойныхъ людей.

«Рабъ вѣрный, потрудившійся вмалѣ, вниди въ радость Господа твоего!»

VIII.

РѢЧИ,

ЧИТАННЫЯ ВЪ СОБРАНІИ ОТДѢЛЕНІЯ РУССКОЙ И СЛАВЯНСКОЙ АРХЕОЛОГІИ ИМПЕРАТОРСКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА, 29 МАЯ 1859 ГОДА, НАЗНАЧЕННОМЪ ВЪ ПАМЯТЬ П. С. САВЕЛЬЕВА.

Секретаремъ Общества Д. В. Полѣновымъ.

«Ученый міръ лишился одного изъ достойнѣйшихъ представителей науки, бывшаго въ числѣ основателей нашего Общества». Этими словами покойный Павелъ Степановичъ Савельевъ началъ біографію, написанную имъ объ академикѣ Френѣ; эти же слова мы должны произнести теперь и о самомъ Савельевѣ, къ прискорбію нашему, такъ рано кончившемъ свое земное поприще, посвященное наукѣ.

Въ настоящее наше собраніе, назначенное въ память его, мы сочли обязанностью обозрѣть его дѣятельность по Археологическому Обществу.

Находимъ нелишнимъ сказать нѣсколько словъ о жизни П. С. Савельева, предшествовавшей дѣятельности его въ Археологическомъ Обществѣ. Онъ родился въ 1814 году, 23 іюня. Окончательное образованіе свое получилъ въ С. Петербургскомъ университетѣ, по факультету восточныхъ языковъ. По выходѣ изъ университета въ 1834 году, онъ вступилъ, для дальнѣйшаго усовершенствованія на избранномъ имъ поприщѣ, въ Институтъ восточныхъ языковъ при Министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Но, какъ кажется, драгоманская карьера, предстоявшая ему по окончаніи ученія въ Институтѣ, не согласовалась ни съ его направленіемъ, ни съ его цѣлями, тѣмъ болѣе, что онъ не нуждался въ средствахъ къ жизни, которыми считалъ себя достаточно обезпеченнымъ.

Въ университетѣ онъ слушалъ лекціи профессора Сенковскаго и потомъ сблизился съ академикомъ Френомъ: это сближеніе привлекло его къ занятіямъ восточною нумизматикою, которой Павелъ Степановичь и посвятилъ преимущественно свои занятія. Многообъемлющее образованіе одного учителя и копотливая точность въ изысканіяхъ другаго разумно соединились въ даровитомъ ихъ ученикѣ.

Въ 1846 году учреждено было въ С. Петербургѣ Археологическо - нумизматическое Общество. Савельевъ находился въ числѣ лицъ, подписавшихъ просьбу о его учрежденіи, и слѣдовательно принялъ участіе въ дѣйствіяхъ Общества съ самаго его основанія. Первымъ плодомъ этого

участія была мысль его, выраженная имъ въ рѣчи, читанной въ засѣданіи Общества 13 января 1847 г. «О важности изученія восточной нумизматики и археологіи въ Россіи». Въ этой рѣчи онъ объяснилъ, какой пользы для Русской исторіи можно ожидать отъ изслѣдованій нумизматики и археологіи востока, и тѣмъ указалъ новую отрасль занятій Общества, отрасль, которая въ началѣ была какъ то упущена изъ вида, или, правильнѣе, оставалась въ сторонѣ.

Но одно только указаніе на предметъ занятій—дѣло еще нетрудное. Савельевъ, вслѣдъ за тѣмъ, представилъ и превосходное его исполненіе въ изданной имъ въ это же время «Мухаммеданской Нумизматикѣ въ отношеніи къ Русской исторіи». Это былъ первый его значительный трудъ, изготовленный имъ еще въ 1844 году *), и до выпуска въ свѣтъ постоянно дополнявшійся. Онъ заключаетъ въ себѣ топографію кладовъ съ восточными монетами, относящимися къ VII, VIII, IX, X и XI столѣтіямъ и находимыми въ Россіи и въ странахъ Прибалтійскихъ. Этою топографіею и приложенною къ ней картою, въ которой обозначены всѣ находки, сдѣланныя въ Россіи, Савельевъ доказательно открылъ торговый путь, существовавшій за два вѣка до основанія Русскаго государства и продолжавшійся въ эпоху самаго его основанія и во время его утвержденія.

Вопросъ о торговлѣ нашихъ предковъ уже съ давняго времени занималъ многихъ ученыхъ, но они рѣшали его только догадочно. Теперь, обработанный нашимъ даровитымъ оріенталистомъ, вопросъ этотъ, изслѣдованный на

---

*) Цензурная помѣта этой книги имѣетъ два числа: 1 марта 1844 и 3 декабря 1846 года.

основаніи неопровергаемыхъ данныхъ, внесъ въ исторію нашей страны одно изъ важнѣйшихъ событій. Это сочиненіе, и по названію и по предмету своему необщедоступное, возведено въ своемъ изложеніи до такой степени простоты и ясности, что можетъ быть прочитано и неспеціалистомъ съ удовольствіемъ и, во всякомъ случаѣ, съ несомнѣнною пользою. Какъ въ этомъ первомъ, такъ и въ послѣднемъ своемъ значительномъ трудѣ о Джучидскихъ монетахъ, господствующею мыслью Павла Степановича Савельева было примѣненіе своихъ изслѣдованій къ исторіи Россіи, и эта же мысль постоянно проявлялась у него и въ другихъ случаяхъ. Такъ, представляя Обществу сочиненія, касающіяся исторіи и древностей Монгольскихъ, онъ говорилъ, что изученіе изслѣдованія исторіи Монголовъ доставитъ Русскому историку возможность приложить многія свѣдѣнія о ихъ управленіи въ другихъ странахъ къ ихъ владычеству въ самой Россіи.

Но привязанность его къ отечественному не ослѣпляла его и никогда не заводила его за предѣлы истины. Съ какою правдивостью и съ какимъ тактомъ знатока онъ разсмотрѣлъ и, можно сказать, рѣшилъ спорный вопросъ объ извѣстныхъ монетахъ, приписываемыхъ нашимъ великимъ князьямъ Владиміру и Ярославу! Существованіе или битье монеты при этихъ князьяхъ служило для многихъ какъ бы подтвержденіемъ мысли о высокой степени образованности тогдашней Россіи. Въ настоящее время (такъ писалъ Савельевъ въ 1850 году), имѣя подъ рукою только четыре монеты помянутыхъ князей и никакихъ подобныхъ имъ для сравненія, нельзя утвердительно опре-

дѣлить: принадлежать ли онѣ князьямъ Русскимъ, Сербскимъ или Болгарскимъ. Можно ли строить систему, опираясь только на двѣ пары монетъ и два собственныя имени безъ отчества? Монетное искусство (продолжаетъ далѣе Савельевъ) вовсе не предполагаетъ высокой степени просвѣщенія; мы видимъ, что монеты чеканились и чеканятся въ такихъ странахъ, гдѣ нѣтъ никакой образованности — въ разбойничьей Хивѣ, въ кочевыхъ юртахъ хановъ Золотой Орды и въ Булгарѣ X столѣтія. Слѣдовательно, вопросъ о томъ, били ли монету наши князья, нисколько не прибавитъ имъ ни славы, ни безславія.

Изъ предисловія къ I тому нашихъ «Записокъ» мы видимъ, что только первый выпускъ, заключающій въ себѣ отчетъ Археологическаго Общества (стр. 1 — 60), былъ изданъ подъ смотрѣніемъ бывшаго секретаря Общества И. А. Бартоломея. Со втораго выпуска редакція Записокъ на Русскомъ языкѣ поручена была Савельеву, на котораго возложены были и обязанности секретаря по Русской перепискѣ. Это было 10 января 1849 г.

Съ этого времени дѣятельность Савельева по Археологическому Обществу сосредоточилась почти вся въ немъ одномъ. Трехгодичное исправленіе должности секретаря Общества, соединенной съ множествомъ мелочныхъ и матеріальныхъ хлопотъ, не менѣе того отнимающихъ много драгоцѣннаго времени и прерывающихъ серьёзныя работы, не только не остановили его многосторонней дѣятельности, но доставили ему поводъ обратить все свое вниманіе на бóльшее развитіе собственно Русской археологіи въ настоящемъ ея значеніи. Въ нашемъ архивѣ хранится тетрадь,

заключающая журналъ исходящихъ бумагъ за 1850 и 1851 годы. Она вся исписана рукою Савельева, его извѣстнымъ мелкимъ почеркомъ, и содержитъ всю переписку Общества съ разными лицами. Но это не главное. Здѣсь мы видимъ, что Савельевъ, поставивъ цѣлью распространить науку археологіи внутри обширнаго нашего отечества, вызвалъ къ дѣятельности многія лица, которыя, живя въ отдаленныхъ и часто глухихъ мѣстахъ Россіи, и будучи окружены предметами древности, не знали, что̀ дѣлать съ ними. Для этого, кромѣ личныхъ сношеній, онъ употреблялъ посредство не только столичныхъ, но и губернскихъ вѣдомостей. Онъ предлагалъ редакціямъ сихъ послѣднихъ обмѣнъ «Вѣдомостей» на «Записки Общества»: посылалъ объявленія о задачахъ на премiи, о выходѣ въ свѣтъ «Записокъ», которыя въ началѣ издавались небольшими выпусками; приглашалъ доставлять Обществу свѣдѣнія о древностяхъ вообще,—словомъ, дѣлалъ все, чтобъ распространить вліяніе Общества на самые отдаленные концы Россіи. Какимъ образомъ была достигнута предположенная имъ цѣль—мы укажемъ на вышедшій подъ его редакціею III томъ «Записокъ Общества». Въ немъ, изъ десяти большихъ статей, девять относятся къ Русскимъ древностямъ, и бо̀льшая часть этихъ статей принадлежитъ первоклассным нашимъ ученымъ. Приложенія къ протоколамъ, составленныя изъ мелкихъ статей, уже преимущественно сообщаютъ свѣдѣнія объ отечественныхъ древностяхъ.

Въ 1851 году Общество издало «Керчь и Босфоръ», сочиненіе Саббатье, одного изъ бывшихъ своихъ членовъ. Оно было написано на Французскомъ языкѣ. Не знаю, кто

трудился надъ Русскимъ его переводомъ; но мнѣ достовѣрно извѣстно, что Русское изданіе принадлежитъ также къ трудамъ Савельева.

Павелъ Степановичъ оставался секретаремъ Общества до 10 декабря 1851 года.

Въ началѣ этого года Общество, для большаго успѣха въ ученыхъ работахъ членовъ, было раздѣлено на три отдѣленія: Русской и Славянской Археологіи, восточной Археологіи и древней и западной Археологіи. Едва Савельевъ освободился отъ обязанностей секретаря Общества, какъ былъ избранъ (22 декабря 1851) секретаремъ Восточнаго Отдѣленія, по случаю отъѣзда на продолжительное время изъ Петербурга занимавшаго эту должность В. В. Григорьева.

Археологическое Общество, можно сказать, лежало у него на душѣ, и онъ обратилъ свое время и свое спеціальное знаніе на Отдѣленіе восточной археологіи. Семь лѣтъ онъ былъ секретаремъ этого Отдѣленія — и вотъ успѣхъ, имъ достигнутый. Еще въ бытность свою секретаремъ Общества, Павелъ Степановичъ нашелъ возможность убѣдить извѣстнаго богача П. В. Голубкова пожертвовать Обществу 500 руб. въ награду за сочиненіе о монетахъ Саманидовъ. Очевидно, что программа этой задачи была составлена ученымъ оріенталистомъ, и безъ сомнѣнія не другимъ кѣмъ, какъ самимъ же Савельевымъ. Проникнутый постоянно занимавшею его мыслью, онъ помѣстилъ въ программѣ, какъ непремѣнное условіе задачи, чтобы въ сочиненіи на предложенную премію помѣщено было «историческое введеніе о царствѣ Саманидовъ и о сношені-

яхъ его съ древнею Русью». Независимо отъ обогащенія науки поясненіемъ ученаго вопроса, Савельевъ имѣлъ въ виду вызвать къ дѣятельности нашихъ молодыхъ оріенталистовъ. Предложенная задача дѣйствительно была выполнена съ успѣхомъ кандидатомъ С. Петербургскаго университета, нынѣшнимъ нашимъ сочленомъ В.А. Тизенгаузеномъ. Составленная имъ монографія о Саманидскихъ монетахъ была дополнена Павломъ Степановичемъ новѣйшими открытіями.

Между тѣмъ, вскорѣ по принятіи на себя должности секретаря Восточнаго Отдѣленія, Савельевъ возъимѣлъ мысль составить особое изданіе о древностяхъ востока, которое предназначалось исключительно для оріенталистовъ и могло бы быть болѣе для нихъ доступнымъ. Для этого всѣ статьи о востокѣ, помѣщаемыя въ «Запискахъ Общества», печатались въ извѣстномъ количествѣ экземпляровъ особыми оттисками, и по мѣрѣ накопленія нѣсколькихъ такихъ статей, онѣ выходили отдѣльными томами подъ заглавіемъ «Трудовъ Восточнаго Отдѣленія». По сіе время ихъ вышло шесть томовъ; въ нихъ около половины статей принадлежатъ самому Павлу Степановичу и большая часть другой половины имъ редактирована или снабжена примѣчаніями.

Въ III части «Трудовъ» помѣщенъ вторый и, къ сожалѣнію, послѣдній, замѣчательный нумизматическій трудъ Павла Степановича. Онъ состоитъ изъ описанія двухъ огромныхъ кладовъ съ восточными монетами, найденныхъ въ 1851 году въ Екатеринославской губерніи и въ 1856 году въ Тетюшскомъ уѣздѣ Казанской губерніи. Описанія

эти названы по имени мѣстъ нахожденія кладовъ, одно: *Екатеринославскій кладъ*, другое: *Тетюшскій кладъ*; но общее названіе этому труду дано слѣдующее: *Монеты Джучидовъ, Джагатаидовъ, Джелаиридовъ и другія, обращавшіяся въ Золотой Ордѣ въ эпоху Тохтамыша.*

Обстоятельства открытія Екатеринославскаго клада весьма любопытны и краткое извѣстіе о немъ здѣсь будетъ нелишнее. Мы заимствуемъ его изъ составленнаго Павломъ Степановичемъ вступленія къ описанію самаго клада.

Въ августѣ 1851 года крестьянинъ селенія Воскресенки, съ двумя мальчиками, вырылъ у подошвы одной насыпи кувшинъ съ мелкими серебряными монетами, въ которыхъ оказалось вѣса 1 пудъ 15 фунт., и продалъ этотъ кладъ Жиду за 25 руб. Мѣстное начальство, узнавъ объ этой находкѣ, донесло Министру внутреннихъ дѣлъ, графу Л. А. Перовскому и прислало для образца четыре монеты изъ этой находки.

Павелъ Степановичь Савельевъ состоялъ въ это время на службѣ при Кабинетѣ Его Величества, находившемся также подъ управленіемъ графа Л. А. Перовскаго, которому подлежало тогда вѣдѣніе находимыхъ въ Россіи древностей. По его порученію, разсмотрѣвъ присланныя монеты, Павелъ Степановичь Савельевъ объяснилъ, что по нимъ нельзя сдѣлать никакого заключенія о кладѣ и что при своей огромности, онъ можетъ представить новые виды монетъ, которыя, безъ сомнѣнія, обогатятъ науку новыми открытіями. Немедленно сдѣлано было распоряженіе о доставленіи въ Петербургъ всего клада. По полученіи и тщательномъ разборѣ его, въ немъ оказалось 14,350

серебряныхъ монетъ, почти исключительно Джучидскихъ, эпохи Тохтамыша.

Павелъ Степановичь, въ своемъ сочиненіи, говоритъ, между прочимъ, что сохраненіемъ этого клада въ цѣлости наука обязана незабвенному въ лѣтописяхъ археологическихъ въ Россіи разысканій графу Л. А. Перовскому. Но насъ не упрекнутъ въ невѣрности или пристрастіи, если, съ своей стороны, мы отнесемъ главнѣйшую долю участія въ этомъ сохраненіи самому Савельеву. Честь и слава просвѣщенному начальнику, который, при множествѣ важныхъ государственныхъ дѣлъ, не отвергаетъ обращать дѣятельное вниманіе на пользу науки и не считаетъ ея прекрасною игрушкою; но не менѣе чести и тѣмъ подчиненнымъ лицамъ, которыя непосредственно посвящаютъ свою дѣятельность наукѣ. Мысль о сохраненіи клада, приведеніе ее въ исполненіе и наконецъ результаты, добытые изъ него для науки, безъ сомнѣнія, вполнѣ принадлежатъ Павлу Степановичу.

Описаніе Екатеринославскаго клада уже было окончено и приготовлено къ печати, когда Савельевъ получилъ извѣстіе о находкѣ въ Тетюшскомъ уѣздѣ новаго клада, подобнаго Екатеринославскому. Извѣстіе это сообщено было Павлу Степановичу проживающимъ въ Казани однофамильцемъ его, сочленомъ нашимъ В. К. Савельевымъ, который, изъ дошедшихъ до него 10,000 монетъ, пріобрѣлъ для своего собранія около четвертой части (2,279). Описанія этихъ монетъ составили второй отдѣлъ «Монетъ Джучидовъ».

Результаты, добытые описаніемъ этихъ кладовъ, заключаются въ томъ, что открыто нѣсколько новыхъ именъ хановъ, владычествовавшихъ въ Ордѣ; у нѣкоторыхъ изъ извѣстныхъ уже хановъ опредѣлены съ бо́льшею точностью годы ихъ царствованія, явились неизвѣстные города, въ которыхъ чеканилась монета, и наконецъ, повѣрены многія ошибочныя свѣдѣнія какъ въ исторіи Золотой Орды, такъ и въ исторіи Русскихъ княжествъ. При послѣднемъ случаѣ лѣтописи наши пояснили нѣкоторыя загадочныя данныя, представленныя вновь найденными монетами, и на оборотъ, монеты утвердили многія сказанія нашихъ лѣтописей, какъ вполнѣ достовѣрныя.

Какъ неспеціалистъ, не могу входить въ дальнѣйшія подробности объ этомъ трудѣ, который уже разсмотрѣнъ Императорскою Академіею наукъ и увѣнчанъ Демидовскою преміею.

Савельевъ помѣстилъ въ «Запискахъ» нашего Общества и въ «Трудахъ Восточнаго Отдѣленія» упоминаемое свое сочиненіе, и конечно, оно служитъ украшеніемъ этихъ изданій.

Обработка этого замѣчательнаго труда не помѣшала ему сдѣлать нѣсколько поѣздокъ внутри Россіи съ цѣлью обогатить нашу археологію новыми открытіями. Такъ, въ 1853 и 1854 годахъ онъ провелъ лѣтніе мѣсяцы во Владимірской и Ярославской губерніяхъ и произвелъ раскопку нѣсколькихъ сотъ кургановъ. Послѣдствія этихъ раскопокъ были удовлетворительны: въ курганахъ найдены были весьма любопытные предметы, поступившіе въ Императорскій Эрмитажъ. Савельевъ помѣстилъ въ нашихъ

«Извѣстіяхъ» (т. I, стр. 160) отрывокъ изъ дневника, который онъ велъ во время производимыхъ имъ разрытій. Этотъ дневникъ можетъ служить превосходнымъ руководствомъ для послѣдующихъ изыскателей, которымъ привелось бы заняться раскопкою кургановъ. Общее наставленіе для этого дѣла, написанное имъ же и помѣщенное, въ видѣ предисловія, къ цѣлому ряду статей о курганахъ и городищахъ, обличаетъ не только знатока дѣла, но и человѣка вполнѣ преданнаго наукѣ.

Старанія, которыя Савельевъ прилагалъ о научной пользѣ нашего Общества, мы видимъ изъ предложеній его въ нашихъ засѣданіяхъ; чрезъ его посредство получено было для изданія въ нашихъ «Запискахъ» любопытное изслѣдованіе заслуженнаго профессора Э. И. Эйхвальда «О Чудскихъ копяхъ». Обративъ вниманіе на важность Византійскихъ памятниковъ для изученія Русскихъ древностей, онъ предложилъ войти въ сношеніе съ лицами, извѣстными трудами своими по этой части. Лица эти избраны были въ члены Общества и приняли участіе въ его занятіяхъ. Въ «Запискахъ Общества», между другими дѣльными статьями, мы имѣемъ «Исторію и древности восточной части Средней Азіи отъ X до XIII вѣка»—сочиненіе, написанное по Китайскимъ источникамъ В. П. Васильевымъ, и изданіе переводовъ двухъ восточныхъ сочиненій: одно изъ нихъ, заключающее въ себѣ «Описаніе Турецко-Монгольскихъ племенъ изъ Исторіи Монголовъ Решидъ Эддина», переведено сочленомъ нашимъ И. Н. Березинымъ, а другое, содержащее «Монгольскую лѣтопись Алтанъ-Топчи», переведено также сочленомъ нашимъ ламою Галсаномъ Гомбое-

вымъ. Какъ помянутое сочиненіе, такъ и эти переводы, изданіе которыхъ дѣлаетъ честь Обществу, доставлены ему чрезъ неусыпное попеченіе Савельева обогатить науку.

Въ прошломъ году, по его предложенію, сдѣлано было Обществомъ распоряженіе раскопки кургановъ при Владимірѣ на Клязьмѣ, которые, для мѣстнаго удобства, предположено было срыть. Извѣстіе объ этомъ подало Савельеву поводъ употребить это предположеніе на пользу науки. Онъ обратилъ вниманіе Общества, что курганы эти, какъ сходствующіе по своей формѣ, съ другими курганами той же губерніи, могутъ доставить какія либо новыя открытія, указалъ на живущаго во Владимірѣ сочлена нашего К. Н. Тихонравова, какъ на лицо, которому можно было поручить раскопку кургановъ; самъ написалъ наставленіе и постоянно слѣдилъ за ходомъ этого дѣла.

Послѣднее предложеніе Савельева заключалось въ принятіи Обществомъ мѣръ къ приведенію въ извѣстность и сохраненію случайно находимыхъ въ Россіи предметовъ древности. Къ сожалѣнію, Общество, по обстоятельствамъ отъ него независящимъ, не могло привести въ исполненіе этого предложенія.

Мысль изданія нашихъ «Извѣстій» вполнѣ принадлежитъ Савельеву. Отдѣленіе Русской и Славянской археологіи, показавшее въ началѣ своего основанія усиленную дѣятельность, вскорѣ прекратило ее, и въ продолженіе довольно значительнаго промежутка времени не предпринимало почти никакихъ трудовъ; между тѣмъ въ него присылалось обильное количество статей разнообразнаго содержанія и болѣе или менѣе обработанныхъ. Всѣ онѣ хранились

въ архивѣ безъ употребленія. Павелъ Степановичь съ грустью смотрѣлъ на это плачевное бездѣйствіе, и у него родилась мысль объ изданіи «Извѣстій». Посредствомъ ихъ онъ желалъ возбудить дѣятельность Русскаго Отдѣленія и вывести на свѣтъ накопленныя статьи, которыя, какъ матеріалы для Русской археологіи, онъ считалъ небезполезными. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ имѣлъ въ виду сообщать публикѣ, по возможности чаще, свѣдѣнія о трудахъ Общества и тѣмъ привлечь ученыхъ соотечественниковъ къ участію въ его занятіяхъ, и наконецъ, помѣщеніемъ мелкихъ статей и извѣщеніемъ о вновь появляющихся открытіяхъ слѣдить за ходомъ науки. Мы не можемъ не сказать, что цѣль эта, если не вполнѣ, то во многомъ достигнута съ успѣхомъ. Первые два выпуска вышли подъ редакціею дѣйств. чл. И. И. Срезневскаго и моею; остальные четыре выпуска изданы Савельевымъ.

Принявъ на себя съ полнымъ самоотверженіемъ трудъ редакціонный и самую скучную, но, къ несчастію, у насъ необходимую работу—корректурную, онъ помѣстилъ большое количество собственныхъ своихъ статей. Во все время своего недуга, при малѣйшемъ отъ него облегченіи, онъ не переставалъ заниматься «Извѣстіями» и только жалѣлъ, что болѣзнь препятствовала ему прилагать болѣе дѣятельности въ принятой имъ на себя обязанности. Его тяготилъ поздній выходъ 6-го выпуска, который онъ, однако же, кончилъ вполнѣ. Подготовленіе перваго выпуска II тома «Извѣстій», также принадлежитъ нашему трудолюбивому сочлену, о потерѣ котораго мы долго будемъ горевать.

Управляющимъ Отдѣленіемъ Русской и Славянской археологіи И. И. Срезневскимъ.

Тяжело, какъ будто совѣстно привыкать къ мысли, что П. С. Савельева нѣтъ между нами и не будетъ. Все кажется, что не его мы оставили въ могилѣ, что онъ живъ, что онъ еще выздоровѣетъ, какъ надѣялся самъ онъ, какъ надѣялись и мы съ нимъ вмѣстѣ. Такъ былъ онъ полонъ жизни, когда уже разставался съ нею; такъ нужна была она, эта жизнь мысли и труда, разливавшая вокругъ себя и свѣтъ и тепло.

Какъ нужна была эта жизнь здѣсь, въ тѣсномъ кругу нашего Общества — мы не можемъ не чувствовать: бо̀льшая часть всего, что сдѣлано въ нашемъ Обществѣ, сдѣлано или его личнымъ трудомъ, или при его близкомъ соучастіи. Слишкомъ тѣсенъ кругъ нашъ, чтобъ не чувствовать намъ скорбно утраты такого дѣятеля. Но обширенъ ли и весь кругъ нашей Русской учено-литературной дѣятельности, чтобъ не чувствовать и въ немъ этой утраты также скорбно? Можно ли было бы ее не почувствовать, не признать, если бъ онъ былъ даже и обширенъ?

Представляю себѣ самаго Савельева: какъ бы принялъ онъ вѣсть о смерти такого Русскаго дѣятеля, какимъ былъ онъ самъ; чѣмъ бы откликнулась при такой утратѣ его правдивая душа, строго исполнявшая свой долгъ—оцѣнять каждаго по достоинству? Мнѣ слышится его правдивый голосъ: «чѣмъ менѣе»—сказалъ бы онъ—«будетъ замѣчена эта утрата, тѣмъ она тяжелѣе». Да, чѣмъ менѣе будетъ замѣчена утрата Савельева, тѣмъ она тяжелѣе; потому что, значитъ, тѣмъ мы бѣднѣе людьми, которые своими дѣйствительными достоинствами могутъ поддерживать и поднимать въ общественной требовательности общій уровень цѣнности достоинствъ.

Опредѣленность и высота этого общаго уровня цѣнности достоинствъ въ общественной требовательности — важное дѣло. Всякое достоинство всюду и всегда само по себѣ остается то же, но всякое въ своей мѣрѣ относительно оцѣняется тѣмъ менѣе вѣрно, чѣмъ гдѣ менѣе умѣнья пользоваться разными достоинствами и надобности въ нихъ. Чѣмъ гдѣ это менѣе, тѣмъ тамъ общій уровень достоинствъ ниже, неопредѣленнѣе; а чѣмъ гдѣ онъ ниже и неопредѣленнѣе, тѣмъ ниже тамъ и сомнительнѣе успѣхи общественной образованности. Это—мѣрило вѣрное, судящее своими указаніями и людей и народы, всегда одинаково безпристрастно, безъ злобы и безъ снисхожденія. Оно укажетъ, гдѣ что̀ во что̀ оцѣнено—и приговоръ произнесенъ. Не измѣнитъ его ни воля людская, ни случай, ни пристрастіе и партіи, ни сатиры и панегирики: все это—всякая преувеличенная похвала одного и всякое преувеличенное униженіе чего нибудь другаго подобнаго — не мѣшаетъ, а только помогаетъ вѣрно-

сти показаній своей пристрастной разнообразной оцѣнкой того, что равно цѣнно, и равной—того, что неравно. Чѣмъ гдѣ болѣе образованности, тѣмъ тамъ менѣе можетъ пристрастіе или равнодушіе накладывать свою ржавчину на общественное мнѣніе. Ужели не надѣяться, что эта ржавчина не тронетъ памяти о Савельевѣ, какъ объ одномъ изъ Русскихъ людей даровитыхъ, высоко образованныхъ, истинно ученыхъ, въ мысли и на дѣлѣ преданныхъ всякому добру и труду для добра?

Невелико у насъ въ учено-литературномъ кругу число людей, дѣйствующихъ съ полнымъ сознаніемъ, съ размышленіемъ ума строгаго къ самому себѣ, самостоятельнаго безъ самонадѣянности, положительнаго безъ упрямства и съ тою внутреннею честностью, которая не допускаетъ ни авось, ни какъ нибудь нигдѣ, хотя бы и не было ни одного глаза, который могъ бы это замѣтить, кромѣ глаза собственной совѣсти. Среди суетъ и увлеченій жизни, среди бореній себялюбія, не безъ удачи отъискивающихъ себѣ опоры не въ превосходствѣ силъ, а въ ловкости пользоваться обстоятельствами, слабостями другихъ, возбуждать къ себѣ участіе жалостью, привлекать къ себѣ вниманіе фокусами, нужны особенныя силы духа, чтобъ воспитать себя такъ строго, такъ безотносительно. Онѣ нужны по крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ еще не прочно утверждена общественная требовательность, гдѣ легче поддаваться ласкамъ снисходительности къ самому себѣ и надѣяться на эти ласки отъ другихъ, гдѣ мало образцовъ, мало сочувствія къ самовоспитанію. Нужны для этого особенныя силы духа въ кругу обыкновенной жизни, служебной и промышленной;

еще болѣе нужны онѣ въ кругу жизни литературной и художественной, гдѣ, кромѣ всего другаго, очень важное значеніе могутъ имѣть временныя нужды, прихоти, направленія.

Этими силами духа счастливо былъ одаренъ Савельевъ, и до послѣднихъ дней жизни продолжалъ свой подвигъ самовоспитанія и самосовершенствованія.

Кто зналъ его лично или вчитывался въ его произведенія безпристрастно, тотъ конечно могъ замѣтить, какъ его свѣтлый умъ становился все строже къ себѣ, въ своихъ помыслахъ все внимательнѣе, теплѣе и къ истинѣ знанія и къ правдѣ жизни, въ своихъ трудахъ все требовательнѣе, настойчивѣе. Не измѣнила его и послѣдняя, тяжелая болѣзнь. Въ разномъ расположеніи духа, при разномъ состояніи силъ, онъ и тогда оставался въ мысли и въ дѣлѣ одинъ и тотъ же: постоянно работающій, постоянно занятый умомъ и душою, постоянно къ себѣ требовательный безъ мысли о другихъ, свѣтло глядящій на всякое достоинство безъ мысли о себѣ. Случалось слышать отъ него и нещадные приговоры о томъ или другомъ, но въ этихъ приговорахъ нисколько не было видно желанія унизить другихъ, чтобъ потѣшить себя своимъ превосходствомъ, такъ какъ и въ подробностяхъ о томъ, что ему удалось или хочется сдѣлать, не видно было нисколько ни хвастливости, ни самопочитанія. Себялюбіе и завистливость, обыкновенно пускающіе глубокіе корни въ весь составъ человѣка, успѣлъ онъ, кажется, искоренить въ себѣ безъ остатка. Онъ воспиталъ въ себѣ не себялюбіе, а самостоятельность; не зависть, а честь.

Ни къ чему, что̀ можетъ тревожить умъ испытующій, не позволялъ онъ себѣ быть равнодушнымъ, ни въ чемъ не хотѣлъ онъ оставаться въ потемкахъ не для другихъ, а для самого себя. Для этого онъ овладѣлъ многими языками: прекрасно зналъ нѣсколько языковъ Азіатскихъ и почти всѣ Европейскіе. Естественно, при такомъ богатомъ пособіи знанія языковъ, открывавшемъ ему всѣ богатства литературы, и при развитой любознательности его чтеніе было очень обширно и разнообразно. Иногда оно увлекало его до страсти: громаду книгъ онъ перечелъ во время своей болѣзни. Ему досадно бывало, что онъ того или другаго еще не успѣлъ прочесть. Немудрено, что можно было дивиться его начитанности. Само собою разумѣется, что при его свѣтломъ умѣ, при подготовленности отъ юности все это не складывалось въ его памяти безпорядочнымъ хламомъ, а только крѣпило его образованность, не туманило, а освѣтляло взглядъ. Нельзя не замѣтить, что и на то, что̀ его менѣе занимало, что ему было менѣе извѣстно, умѣлъ онъ глядѣть вѣрно: неошибочное указаніе силы образованности.

Вѣрный влеченію любознательности, онъ столь же вѣрнымъ оставался требованіямъ ума и въ научныхъ стремленіяхъ. Довольствоваться чужими наблюденіями и замѣчаніями, довѣрчиво ихъ усвоять и безъ повѣрки пользоваться — для него становилось все менѣе возможнымъ. Самодѣятельность ума возбуждена была въ немъ еще въ юности, особенно навыкомъ пользоваться правилами экзегеза при чтеніи текстовъ Арабскихъ; позже поддерживалась критическимъ чтеніемъ ученыхъ твореній, работами ну-

мизматическими и археологическими, и только укоренялась. Трудомъ тяжелымъ и постояннымъ онъ воспиталъ въ себѣ мѣрную изслѣдовательность, заботливость о возможно полной постановкѣ всего нужнаго запаса для разсмотрѣнія каждаго вопроса науки, его занявшаго, недовѣрчивость къ удачѣ случайныхъ наведеній и выводовъ, требовательность выводовъ строгихъ, отчетливыхъ, требовательность соразмѣрности частей анализа, и то спокойное терпѣніе, ту стойкость въ достиженіи цѣли, безъ которой ученый трудъ иногда можетъ лишиться всей своей цѣнности. Выработка его въ этомъ отношеніи мнѣ всегда казалась удивительною, тѣмъ болѣе, чѣмъ я ближе знакомился съ его понятіями. Мы, Русскіе, вообще легко увѣряемся, легко довѣряемъ и другимъ и самимъ себѣ, легко увлекаемся тѣмъ, чему повѣрили, превращая въ чувство сердца всякій результатъ ума и всякое чувство сердца, не смотря на его случайность, принимая за глубокое убѣжденіе. Это естественное настроеніе наше поддерживается и воспитаніемъ и привычками жизни. Вспомнимъ, сколько между нами глубоко убѣжденныхъ. Есть ли даже не такіе? Умъ здравый, свѣтлый, видящій ясно то, что̀ не скрыто, но мало требующій отъ себя сознательности, богатый только афористическими приговорами, болѣе рѣзкими, чѣмъ вѣрными и дознанными, нетребовательный въ процессѣ размышленія, легко податливый и подражательный, или же, на оборотъ, легко упорствующій, чтобъ только не казаться податливымъ, умъ, питающійся влеченіями сердца, довѣряющій тому, что̀ нравится, недовѣряющій тому, что̀ не нравится — таковъ умъ многихъ Русскихъ людей. Такому уму справиться съ

требованіями науки если и не невозможно, то по крайней мѣрѣ тяжело. Надобно ему себя перевоспитать; для этого надобно прежде понять необходимость такого перевоспитанія и сосредоточить свои силы для этого подвига. Все это тѣмъ тяжелѣе, чѣмъ менѣе спроса на это въ окружающемъ обществѣ. Немудрено, что, при участіи многихъ другихъ обстоятельствъ, ученость—въ настоящемъ значеніи слова—у насъ рѣдкость,—не начитанность, не многознаніе, не ловкость пользоваться знаніемъ какимъ ни есть, не преданность наукѣ, а именно ученость, неразлучная съ изслѣдовательностью, съ самостоятельною отчетливостью критики, съ готовностью подвергать себя суду тѣхъ, которые хорошо знаютъ дѣло, а не поучать незнающихъ. Немудрено, что мы такъ снисходительны въ признаваніи за кѣмъ бы то ни было учености, что у насъ она становится чѣмъ то въ родѣ чина или званія. Савельевъ былъ однимъ изъ тѣхъ немногихъ нашихъ ученыхъ, для которыхъ ученость не чинъ и званіе, а призваніе, потребность, сила внутренняя, нужная имъ для самихъ себя, а не для внѣшнихъ дѣйствій. Она въ немъ была какъ запахъ въ цвѣткѣ, какъ тяжесть въ золотѣ. Чѣмъ кто болѣе узнавалъ его, тѣмъ яснѣе видѣлъ эту его внутреннюю силу, самимъ имъ въ себѣ воспитанную. Понятно, что выставить лишнюю цитату, случайно высказать то или другое знаніе, прикрыть недостаточность доказательствъ фразой, обойдти тотъ или другой вопросъ и будто бы рѣшить его рѣшеніемъ вопросовъ окольныхъ, остаться равнодушнымъ къ новому открытію, гдѣ бы оно ни было — для него было также невозможно, какъ и браться доказать то, что̀ хочет-

ся, или что̀ хотятъ другіе, играя доказательствами въ надеждѣ на слабость ума или знанія другихъ. Въ числѣ правилъ, которыхъ онъ держался какъ заповѣдей, кстати быть можетъ, вспомнить здѣсь объ одномъ, которое у насъ довольно часто не исполняется, а иногда и вовсе не понимается. Онъ былъ, что называется, спеціалистъ археологъ, нумизматъ; но онъ бы самъ посмѣялся надъ собою, еслибъ былъ только такимъ спеціалистомъ, сжавшимъ все стремленіе своей изыскательности въ тѣсныхъ предѣлахъ исключительной спеціальности. Въ спеціальныхъ работахъ онъ только сосредоточивалъ свою дѣятельность; но она никогда не была для него угломъ, въ который бы входилъ онъ все болѣе, все менѣе видя окружающее. Въ его спеціальности никого у насъ не было выше его, конечно потому что, заботясь о ней, онъ сохранялъ свободу ума и широту кругозора для соображенія. На каждый мелочной вопросъ онъ глядѣлъ какъ на бо̀льшую или ме́ньшую часть другаго бо̀льшаго, болѣе важнаго вопроса, и не иначе, какъ такъ приготовлялся къ его рѣшенію. Приготовленіе было не легко, за то и рѣшеніе могло быть вѣрно. Это не значитъ однако, что онъ не былъ требователенъ къ мелочамъ; напротивъ. Не можетъ не быть внимательнѣе къ мелочамъ тотъ, кто понимаетъ ихъ важность не только частную, но и общую. Съ этимъ въ тѣсной связи было у него и другое правило. Зашелъ у него какъ то споръ съ однимъ оріенталистомъ; я былъ при этомъ третьимъ, очевидно не судьею, а только слушателемъ. Савельевъ приводилъ доказательства, хоть и съ увлеченіемъ, отрывистой скороговоркой, но размѣренно, положительно. Оріенталистъ все болѣе разго-

рячался, и наконецъ сталъ обращаться съ своими доказательствами не къ нему, а ко мнѣ, мнѣ доказывать то, что я едва понималъ, приводить мнѣ для ясности всякія сторонніе соображенія, видимо стараясь увлечь меня на свою сторону, какъ будто надѣясь на мою помощь. Савельевъ долго выдерживалъ, продолжая сообщать свои доводы не мнѣ, а ему, и мирно глядѣлъ на то, что оріенталистъ отвѣчалъ на эти доводы не ему, а мнѣ; наконецъ не выдержалъ и замѣтилъ: «Ваше сраженіе проиграно — это вы сами знаете и доказываете: вы обратились въ бѣгство подъ чужую защиту; если бъ не считали себя разбитымъ, то стояли бы лицомъ къ лицу прямо передо мною, а не искали бы, чтобъ другой сражался за васъ». Къ такимъ уловкамъ, столь общимъ у насъ, онъ никогда не прибѣгалъ. Ему не трудно было сознаться въ самой грубой ошибкѣ, и трудно было скрыть ее подъ довѣрчивостью другихъ. И не разъ онъ высказывался объ этой уловкѣ съ горькимъ состраданіемъ, находя, что ни университетское, ни общественное воспитаніе не возстаетъ противъ нея, а литература даже поддерживаетъ, превращая вопросы положительнаго и подробнаго знанія въ вопросы здраваго разсудка, ненуждающагося въ знаніяхъ, перенося споръ знатоковъ дѣла на рѣшеніе незнающихъ. Онъ былъ увѣренъ, что покà мы будемъ идти по этой дорогѣ, до тѣхъ поръ всегда оставаться будемъ въ отсталыхъ, какъ бы ни гнались за Европейской образованностью.

Понятно, какъ онъ былъ требователенъ къ самостоятельности. Въ юношескихъ трудахъ своихъ онъ позволялъ себѣ быть компиляторомъ, но только по необходимости;

такимъ онъ былъ въ «Энциклопедическомъ Лексиконѣ», въ «Библіотекѣ для Чтенія». И тогда однако не прикрывалъ онъ своего компиляторства личиной самостоятельности. Съ тѣхъ поръ, какъ занялся онъ своей «Мухаммеданской Нумизматикой», и позже, когда принялъ участіе въ трудахъ Обществъ Археологическаго и Географическаго, самостоятельность его крѣпла все болѣе. Изъ излишней недовѣрчивости къ себѣ онъ нерѣдко умалчивалъ послѣднie, общіе выводы, домогаясь ихъ еще болѣе провѣрить и подкрѣпить; но всегда въ нихъ былъ самостоятеленъ, принимая выводы другихъ только послѣ тщательной провѣрки. Припомню еще, что бывали случаи, когда наблюденія и выводы, имъ самимъ добытые, высказываемы были другими прежде, чѣмъ имъ: это ни сколько его не тревожило, нерѣдко радовало. Иногда, если такія наблюденія, или выводы, были заимствованы у него самого, онъ старался только о томъ, чтобъ дѣло было передано вѣрно, безъ ошибокъ, столь возможныхъ при заимствованіи. Въ честномъ ученомъ понятна эта застѣнчивость себялюбія, эта совѣстливость указывать на свое, какъ на свое: если другіе не знаютъ, или знать не хотятъ, что чье, то какъ же ему выставлять себя на показъ, какъ патентованному фабриканту? Важность не въ томъ, подъ чьей фирмой пойдетъ то или другое наблюденіе, та или другая мысль, а въ томъ, чтобъ это пошло, не пропало напрасно, привилось гдѣ слѣдуетъ, и принесло плодъ.

Такому ученому, каковъ былъ Савельевъ, все равно трудиться съ притязаніями ли на личную выгоду или славу, или безъ всякой возможности такихъ притязаній. Это очень

ясно выражалось въ его редакторскихъ трудахъ. Кто съ нимъ вмѣстѣ трудился при какомъ нибудь такомъ дѣлѣ, тотъ конечно засвидѣтельствуетъ, какъ былъ онъ постоянно безотносителенъ, какъ взыскателенъ и къ себѣ и къ другимъ до мелочей, хотя дѣло ни сколько не касалось его лица, его репутаціи, какъ старался онъ о достоинствѣ каждой статьи, которую издавалъ, помогая автору всѣмъ, чѣмъ могъ. Напомню объ одномъ. Собраніе сочиненій Сенковскаго вышло изъ подъ его редакціи. Это изданіе стоитъ изучать, чтобъ учиться обязанностямъ редактора. Это не просто перепечатка: это подборъ, выборъ, постановка всѣхъ частей. Изъ многихъ статей выпущено многое, что было написано Сенковскимъ только по временнымъ обстоятельствамъ и не принадлежало къ сущности содержанія. Многія не взяты потому, что въ нихъ повторяется то, что сказано въ другихъ, болѣе обдѣланныхъ. И тутъ же полный указатель всего, что написано было Сенковскимъ, стоившій немалаго труда. Изъ подъ такой редакціи у насъ выходятъ только нѣкоторые труды академиковъ, и то большею частью не для Русскихъ читателей.

Говорить ли о его привычкѣ къ труду, о томъ, что трудъ былъ для него необходимъ, даже какъ лѣкарство отъ болѣзни. Не далѣе какъ за мѣсяцъ до смерти, онъ проводилъ десятки часовъ сряду за ученой работой и за корректурой, и не далѣе какъ за четыре дня оставилъ чтеніе ученыхъ книгъ, ограничась только легкими.

Нельзя не сознаться, что такихъ ученыхъ дѣятелей у насъ очень немного, что они еще рѣдкость.

Вліяніе такихъ дѣятелей можетъ быть незамѣчаемо, непризнаваемо, тѣмъ болѣе, чѣмъ ихъ менѣе; но оно есть, и въ своемъ кругу всегда сильно — все равно, счастливы ли они, или несчастливы по характеру, возбуждаютъ ли, или не возбуждаютъ къ себѣ довѣріе и привязанность, навязчивы или скромны, поняты ли или непоняты. Тѣмъ болѣе было вліяніе Савельева, что онъ, выходя изъ себя только въ минуты болѣзни капризами, всегда оставался ровенъ, покоенъ, веселъ, даже шутливъ, никогда не былъ ни обидчивъ, ни навязчивъ съ своими взглядами и убѣжденіями, даже и не выражалъ ихъ безъ крайней необходимости, всегда во всякомъ умѣлъ уважать человѣческое достоинство, людямъ и гораздо ниже себя не давая знать о своемъ превосходствѣ, умѣя быть ко всякому снисходительнымъ безъ уклончивости и лести. Его мнѣніемъ и совѣтомъ трудно было не дорожить тому, кто умѣетъ цѣнить достоинства. Нельзя было не жалѣть, что онъ не профессоръ въ университетѣ, что онъ по крайней мѣрѣ не издатель учено-литературнаго журнала: его вліяніе было бы гораздо шире и благодѣтельнѣе въ дѣлѣ реакціи противъ современнаго перебоя умышленныхъ и неумышленныхъ самообольщеній и увлеченій. На мое слово о профессорствѣ онъ отвѣчалъ: «поздновато». О журналѣ въ послѣдніе мѣсяцы мы говорили съ нимъ часто: онъ ясно чувствовалъ необходимость такого литературнаго орудія, которое было бы независимо ни отъ какой партіи, ни отъ какихъ стороннихъ стремленій, ни отъ какого потворства слабостямъ слабыхъ, и доступно всякому отклику основательнаго знанія и нелицемѣрной, обдуманной правды. Мы

уже разсчитывали объемъ изданія, отмѣчали вопросы, на которые нужно обратить вниманіе, выбирали сотрудниковъ.... Кто зналъ, что все это должно было скоро упокоиться въ могилѣ?

Основательно, свободно и широко образованный, строго ученый, съ умомъ свѣтлымъ, самостоятельнымъ, согрѣтымъ сочувствіемъ ко всякой истинѣ и правдѣ, Савельевъ не могъ не уважать всякаго, въ комъ видѣлъ достоинство. Видѣлъ ли онъ его въ комъ нибудь—и тогда все равно было для него, что бы ни говорили другіе. Онъ могъ иногда смалчивать, чтобъ кого нибудь не раздражить своимъ противорѣчіемъ, но не потворствовать, не идти слѣпо за такъ называемыми убѣжденіями другихъ. Вспомнимъ его слово о Френѣ: не онъ ли первый выказалъ ясно передъ Русскими заслуги этого необыкновеннаго ратая науки? Вспомнимъ его обзоръ трудовъ Русскихъ оріенталистовъ, гдѣ онъ не пропустилъ ни одного сколько нибудь замѣчательнаго труда и предпріятія: можно ли не повѣрить правдивости его приговоровъ? Многимъ извѣстно, какое сердечное участіе онъ принималъ въ успѣхѣ всякаго такого предпріятія, будучи готовъ всякому содѣйствовать; какъ радовался каждому новому счастливому явленію мысли и работы! Не я одинъ могу свидѣтельствовать, съ какою радостью принялъ онъ вѣсть объ избраніи Вельяминова-Зернова въ число академиковъ, какъ будто въ число сочленовъ и сотрудниковъ, какъ задушевно выражалъ надежды на ученость и трудолюбіе этой новой звѣзды на горизонтѣ нашей науки! Никого не должно поражать то глубокое уваженіе, которое всегда онъ высказывалъ къ Сенковскому, которому и обязаннымъ счи-

талъ себя многимъ, котораго и зналъ и понять могъ болѣе другихъ? Говоря о Сенковскомъ, онъ не примѣнялъ и тѣхъ правилъ сдержанности, которыхъ держался и по характеру и по привычкамъ самовоспитанія, не примѣнялъ тѣмъ упорнѣе, чѣмъ болѣе видѣлъ въ другихъ нежеланіе понять этого необыкновеннаго человѣка. Френъ и Сенковскій стояли въ его глазахъ такъ высоко, что скрывать свое уваженіе къ нимъ изъ за вѣжливости къ другимъ онъ считалъ безсовѣстнымъ.

Иные воображали, что Савельевъ анти-Нѣмецъ. Это — недоразумѣніе. У него можно было учиться цѣнить заслуги Нѣмцевъ въ дѣлѣ науки, и тѣ черты характера, которыя мы привыкли называть по преимуществу Нѣмецкими. Онъ не могъ всякаго Нѣмца почитать ученымъ, и ученость видѣть только въ Нѣмцѣ—вотъ все, что было въ немъ анти-Нѣмецкаго. Достоинства знаній, дарованій заслугъ уважалъ онъ безотносительно, гдѣ бы ихъ ни замѣчалъ: въ этомъ отношеніи для него не существовало различія народностей, какъ не существовало силы взглядовъ другихъ. Онъ былъ только независимъ.

На той же впрочемъ почвѣ независимости мнѣній онъ взлелѣялъ въ душѣ своей и то чувство, которое въ ту пору, когда онъ образовывался, и позже, было обычною метою самыхъ жалкихъ насмѣшекъ, чувство народности, любви къ своему родному, любви къ отечеству, неразлучное съ радостью о его успѣхахъ и съ горемъ о его неудачахъ. Если и теперь любовь къ отечеству еще нерѣдко не отдѣляется отъ заботы или забавы стоять за свои убѣжденія, и разомъ въ иныхъ исчезаетъ — отъ прикоснове-

нія личныхъ выгодъ, то что же было въ то время, когда Савельеву пришлось выступать на поприще жизни? Кто пережилъ эти годы, тотъ помнитъ, какъ неловко было выражать это чувство, какъ современно было казаться и быть космополитомъ, или чѣмъ угодно, только не Русскимъ. Нужно было особенное упрямство, чтобъ въ юности не увлечься тѣмъ, что въ самомъ дѣлѣ могло казаться такъ плѣнительнымъ, такъ приличнымъ достоинству человѣческому, сумѣть помирить въ себѣ два противоположныя начала. Савельевъ это съумѣлъ сдѣлать, и остался патріотомъ, не переставъ быть человѣкомъ и внѣ всякаго поползновенія принадлежать къ какой бы то ни было партіи. Чувство патріотизма, согрѣтое уваженіемъ истины и правды, управляло всѣми его дѣйствіями. Въ этомъ чувствѣ для него все сосредоточивалось. Имъ надобно объяснять и направленіе его трудовъ, и домогательство, чтобъ всѣ ученые въ Россіи писали по Русски, прежде всего для Русскихъ, и недовольство кое какими явленіями въ Русской литературѣ.

Всѣ эти достоинства вмѣстѣ указываютъ, мнѣ кажется, ясно на его важное значеніе въ нашемъ современно учено-литературномъ кругу. Мы уже богаты трудящимися, но еще очень бѣдны знатоками дѣла, и потому принуждены бываемъ считать знатоками и дилеттантовъ, даже подъ часъ думать, что послѣдніе полезнѣе первыхъ. Савельевъ принадлежалъ къ числу немногихъ знатоковъ въ учено-литературномъ кругу Русскомъ.

Такъ по крайней мѣрѣ понялъ я Савельева, такимъ его уважалъ тѣмъ болѣе, чѣмъ ближе узнавалъ его, и мнѣ

кажется не по личному пристрастію къ нему, не по неуваженію къ другимъ, а правдиво, сознательно можно сказать, что чѣмъ менѣе будетъ замѣчена утрата Савельева, тѣмъ она тяжелѣе, тѣмъ, значитъ, мы бѣднѣе людьми, которые дѣйствительными достоинствами могутъ поддерживать и поднимать въ общественной требовательности общій уровень достоинствъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

		Стран.
I.	Происхожденіе Савельева, дѣтство, пансіонская жизнь, приготовленіе къ университету	1— 6
II.	Пребываніе въ университетѣ и въ институтѣ восточныхъ языковъ. Первыя литературныя работы. Сотрудничество въ Энциклопедическомъ Лексиконѣ Плюшара	7— 21
III.	Сотрудничество въ Библіотекѣ для Чтенія и другихъ изданіяхъ. Поступленіе на службу по министерству народнаго просвѣщенія	22— 25
IV	Характеръ Савельева въ первой молодости. Кругъ его пріятелей и знакомыхъ. Сборы въ путешествіе по Средней Азіи, первая поѣздка изъ Петербурга, занятія и предположенія въ теченіе 1839—1841 годовъ	26— 66
V.	Начало занятій нумизматикою и топографіею монетныхъ кладовъ. Изданіе первой части «Мухаммеданской нумизматики»...	67— 70
VI.	Дѣятельность по Археологическому Обществу	71— 76
VII.	Дѣятельность по Географическому Обществу............	77— 80
VIII.	Надеждинскій кругъ и вліяніе его на Савельева. Участіе въ Финскомъ Вѣстникѣ и Сѣверномъ Обозрѣніи	81— 87
IX.	Труды, поѣздки, знакомства и служба во второй половинѣ 1840-хъ годовъ. Разборъ Екатеринославскаго клада	88— 94
X.	Служба при Императорскомъ Кабинетѣ. Археологическія работы во Владимірской и Ярославской губерніяхъ. Поѣздка въ восточную Россію.......................	95—101
XI.	Археологическія работы въ Екатеринославской губерніи. Поѣздка по южной Россіи	102—114
XII.	Жизнь и занятія съ конца 1856 по 1859 годъ: приготовленіе къ изданію сочиненій Надеждина; разборъ Тетюшскаго клада; полемика съ біографомъ - фельетонистомъ; изданіе біографіи и сочиненій Сенковскаго; изданіе монографіи Джучидскихъ монетъ	115—127

Стран.

XIII. Развитіе болѣзни. Послѣдніе мѣсяцы жизни. Кончина и погребеніе .... 128—136
XIV. Оцѣнка Савельева какъ ученаго .... 137—160
XV. О немъ же, какъ о человѣкѣ и гражданинѣ .... 161—172

ПРИЛОЖЕНІЯ:

I. Списокъ оригинальнымъ статьямъ Савельева въ Энциклопедическихъ словаряхъ .... 175—177
II. Списокъ статьямъ его въ изданіяхъ ученыхъ обществъ... 178—186
III. Хронологическій списокъ его статьямъ въ Русскихъ журналахъ и газетахъ .... 187—199
IV. Списокъ матеріаламъ, сообщеннымъ въ разныя изданія... 200—201
V. Разборъ его «Топографіи кладовъ» .... 202—237
VI. Разборъ его монографіи о «Джучидскихъ и другихъ монетахъ» .... 238—267
VII. Рѣчи, произнесенныя при погребеніи его, 22 мая 1859 г.. 268—274
VIII. Рѣчи, читанныя въ собраніи Отдѣленія Русской и Славянской археологіи, 29 мая 1859 года .... 275—304

С. Петербург, 11 апреля 1839.

Душа моя, ... , не жди более ко мне писем. Ты изумишься этому началу письма, и, размышляя, не поймешь, что это значит. Но слушай: вот в чем дело. Рассказываю тебе как можно короче, потому что дорог мне теперь каждый получас времени. Читаю географию Риттера, турецкую грамматику, учусь снимать широту места и списки с надписей, езжу почти каждый день к Френу, к министру, и в канцелярию министра. Ты теперь можешь догадаться, что дело идет об отправлении меня в путешествие; но куда? — В том-то и дело. В конце прошлого года были в Петербурге посланцы от бухарского хана. Они изъявили нашему правительству желание хана видеть в Бухаре русских горных офицеров для отыскания руд в Бухарии. На днях экспедиция отправляется из Петерб. в Оренбург. Френ узнал об ней за недолго до ее отправления и тотчас предложил мне ехать с нею от Академии для географических и археологических открытий. Я согласился. Сегодня был у министра, и он хотел завтра дать решительный ответ. Если поездка моя состоится, то я первый из Европейцев увижу развалины Самарканда, Андиджан, Фергану, Бедекшан и другие известные и неизвестные города Мавераннагра, и опишу их. Во всяком случае сопутствуй мне дружескими желаниями успеха. Если дело уладится, ты получишь подробное о нем известие из Оренбурга. Весь твой

П. Савельев

